

НАУЧНЫЙ ЭЛЕКТРОННЫЙ ЖУРНАЛ

**ВЕСТНИК УЧЁНЫХ-МЕЖДУНАРОДНИКОВ
IR SCIENTISTS' HERALD**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
научно-аналитического журнала
«ВЕСТНИК УЧЁНЫХ-МЕЖДУНАРОДНИКОВ»

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СОВЕТА

Карпович Олег Геннадьевич, доктор юридических наук, доктор политических наук, профессор, проректор по экспертно-аналитической работе, руководитель Института актуальных международных проблем, заведующий кафедрой стратегических коммуникаций и государственного управления Дипломатической академии МИД России, заслуженный деятель науки Российской Федерации, член-корреспондент РАО.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

Сидорова Галина Михайловна, доктор политических наук, профессор, профессор Дипломатической академии МИД России, профессор Московского государственного лингвистического университета (ИНЯЗ им. Мориса Тореза), ведущий научный сотрудник Института Африки РАН, эксперт Российской академии наук по политическим и международным проблемам.

ЧЛЕНЫ СОВЕТА

Бразил Дейлтон Рибейро, доктор философии в области права (Университет UNIME, Италия), кандидат юридических наук (Университет Гама Филью (UGF), Рио-де-Жанейро, Бразилия), доктор юридических наук (Университет Итауна (UIT); юридический факультет Святого Августина (FASASETE-AFYA), Бразилия)

Винокуров Владимир Иванович, доктор исторических наук, профессор кафедры дипломатии и консульской службы Дипломатической академии МИД России

Грибанич Владимир Михайлович, доктор экономических наук, профессор кафедры мировой экономики Дипломатической академии МИД России

Данельян Андрей Андреевич, доктор юридических наук, профессор, проректор по учебной работе и молодежной политике, заведующий кафедрой международного права Дипломатической академии МИД России

Егоров Сергей Алексеевич, доктор юридических наук, профессор кафедры международного права Дипломатической академии МИД России

Закаурцева Татьяна Алексеевна, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра евразийских исследований Института актуальных международных проблем Дипломатической академии МИД России

Зверева Татьяна Вадимовна, доктор политических наук, заведующая Центром евроатлантических исследований и международной безопасности Института актуальных международных проблем Дипломатической академии МИД России

Иванов Олег Петрович, доктор политических наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой международной и национальной безопасности Дипломатической академии МИД России

Каширина Татьяна Владиславовна, доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой международных отношений и внешней политики России Московского государственного лингвистического университета

Комлева Валентина Вячеславовна – доктор социологических наук, профессор, главный редактор журнала «Россия: общество, политика, история», зам. главного редактора журнала «Россия и мир: научный диалог», директор центра международных стратегических исследований Дипломатической академии МИД России

Летяев Валерий Алексеевич, доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор Казанского федерального университета

Манойло Андрей Викторович, доктор политических наук, профессор Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Ногмова Аделина Шафиковна, кандидат политических наук, доцент, декан факультета подготовки кадров высшей квалификации Дипломатической академии МИД России

Неймарк Марк Афроимович, доктор исторических наук, профессор кафедры политологии и политической философии Дипломатической академии МИД России

Суглобов Александр Евгеньевич, доктор экономических наук, профессор, заслуженный экономист РФ, заслуженный деятель науки Российской Федерации

Толмачев Петр Иванович, доктор экономических наук, профессор кафедры мировой экономики Дипломатической академии МИД России

Трунцевский Юрий Владимирович, доктор юридических наук, профессор, начальник отдела Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации

Феофанов Константин Анатольевич, доктор политических наук

Хасанова Асия Шамильевна – доктор экономических наук., профессор кафедры политической экономии и истории экономической науки Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова, заслуженный деятель науки Республики Татарстан (Москва)

Ширинянц Александр Андреевич, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой истории социально-политических учений факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Штоль Владимир Владимирович, доктор политических наук, профессор, главный редактор научно-аналитического журнала «Обозреватель-Observer», член научного совета при Совете безопасности Российской Федерации

Шулепов Николай Александрович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист России, член научно-консультативного совета при Верховном Суде Российской Федерации

Шутов Анатолий Дмитриевич, доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации

EDITORIAL COUNCIL
Scientific and Analytical Journal
“IR SCIENTISTS’ HERALD”

CHAIRMAN OF THE BOARD

Oleg Karpovich, Doctor of Sciences (Law, Political Science), Professor, Vice-Rector for Expert and Analytical Work of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation, Head of the Institute of Current International Issues, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Associate Fellow of RAE.

DEPUTY CHAIRMAN OF THE EDITORIAL BOARD

Galina Sidorova, Doctor of Political Sciences, Professor, Professor of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Professor of the Moscow State Linguistic University (Maurice Thorez Institute of Foreign Languages), Leading Researcher of the Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences, expert of the Russian Academy of Sciences on political and international problems.

MEMBERS OF THE BOARD

Alexander Shirinyants, Doctor of Sciences (Political Science), Professor, Head of the Department of the History of Social and Political Studies at the Faculty of Political Science at the Lomonosov Moscow State University

Alexander Suglobov, Honored Economist of the Russian Federation, Doctor of Sciences (Economics), Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation

Anatoly Shutov, Doctor of Sciences (History), Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation

Andrey Danelyan, Doctor of Sciences (Law), Professor, Vice-Rector for Education and Youth Policy, Head of the Department of International Law of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

Andrey Manoylo, Doctor of Sciences (Political Science), Professor of Lomonosov Moscow State University.

Adelina Nogmova, Ph.D. (Political Science), Associate Professor, Dean of the Faculty of Highly Qualified Personnel Training Candidate of Political Sciences of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

Asiya Khasanova – Doctor of Economics, Honored Worker of Science of the Republic of Tatarstan (Moscow)

Deilton Ribeiro Brasil, Post Ph.D. in Law from UNIME, Italy. Ph.D. in Law by University Gama Filho (UGF), Rio de Janeiro. Law Scholar in Masters and Doctorate degrees in Fundamental Rights at University of Itaúna (UIT) and at the Faculties of Law Saint Augustine (FASASETE-AFYA), Brazil, South America

Konstantin Feofanov, Doctor of Sciences (Political Science)

Mark Neimark, Doctor of Sciences (History), Professor of the Department of Political Science and Political Philosophy of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Nikolay Shulepov, Honored Lawyer of Russia, Doctor of Sciences (Law), Professor, Member of the Scientific Advisory Council at the Supreme Court of the Russian Federation

Oleg Ivanov, Doctor of Sciences (Political Science), Professor, Deputy Head of International and National Security Department of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Petr Tolmachev, Doctor of Sciences (Economics), Professor, Professor of the Department of World Economy of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Sergey Egorov, Doctor of Sciences (Law), Professor of the Department of International Law of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Tatyana Kashirina, Doctor of Sciences (History), Professor

Tatyana Zakaurtseva, Doctor of Sciences (History), Professor, Chief Researcher of the Center of Eurasian Studies of the Institute for Contemporary International Studies (ICIS) of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Tatyana Zvereva, Doctor of Sciences (Political Science), Head of the Center for Euro-Atlantic Studies and International Security of the Institute For Contemporary International Studies (ICIS) of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

Valeriy Letyaev, Doctor of Sciences (Law), Ph.D. (History), Professor of the Kazan Federal University

Valentina Komleva – Doctor of Social Sciences, Editor-in-Chief of the journal «Russia: Society, Politics, History», Deputy Editor-in-Chief of the journal «Russia and the World: Scientific Dialogue»

Vladimir Gribanich, Doctor of Sciences (Economics), Professor of the Department of the World Economy of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Vladimir Shtol, Doctor of Sciences (Political Science), Editor-in-Chief of the Scientific and Analytical Journal «Observer», Member of the Scientific Council at the Security Council of the Russian Federation

Vladimir Vinokurov, Doctor of Sciences (History), Professor of the Department of Diplomacy and Consular Service of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Yuri Truntsevsky, Doctor of Sciences (Law), Professor, Head of the Department of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation

ВЕСТНИК УЧЕНЫХ-МЕЖДУНАРОДНИКОВ

Научный периодический электронный журнал «Вестник ученых-международников» издается Советом молодых ученых Дипломатической академии Министерства иностранных дел Российской Федерации с 2017 г. Публикуется ежеквартально.

Журнал рассчитан на профессиональных исследователей, аналитиков, практиков в области международных отношений, мировой экономики и международного права, а также на широкий круг читателей, интересующихся российской и зарубежной внешней политикой.

«Вестник ученых-международников» включен в РИНЦ и перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (Перечень ВАК):

5.1.5. Международно-правовые науки (юридические науки),

5.5.2. Политические институты, процессы, технологии (политические науки),

5.5.4. Международные отношения, глобальные и региональные исследования (политические науки).

Изданию присвоен номер ISSN: 2687-0193

Периодичность: выходит 4 раза в год и распространяется в Российской Федерации.

Научный руководитель

О.Г. Карпович, д. полит.н., д. юр.н.

Редакционная коллегия журнала

Р.Н. Шангараев – главный редактор, д. полит.н., к.эк.н.

О.А. Тимакова – заместитель главного редактора, к.полит.н.

И.О. Анисимов – редактор, к.юр.н., ученый секретарь

В.Б. Козюлин – научный редактор, к.полит.н.

Н.С. Белякова – редактор, к.полит.н.

А.А. Кашина – редактор, к.полит.н.

Д.О. Мартынова – редактор, к.полит.н.

А.Ж. Мартиросян – редактор, к.юр.н.

Е.Е. Гуляева – редактор, к.юр.н., редактор журнала *Скопус* (Бразилия)

Н.А. Фаустова – редактор, к.филол.н.

С.А. Агуреев – редактор, к.ист.н.

И.В. Красневич – редактор, к.филол.н.

А.Н. Захаров – младший редактор

С.В. Гончаров – младший редактор

И.И. Галимов – младший редактор

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), регистрационный номер ЭЛ № ФС 77 – 77083 от 20.11.2019 (предыдущее название: «Вестник молодых ученых-международников», ЭЛ № ФС 77-69319 от 06.04.2017 г.).

Авторские права на публикуемые материалы принадлежат редакции журнала и авторам статей. Позиция редакции не обязательно совпадает с мнением авторов. Перепечатка материалов без разрешения редакции запрещена. При использовании материалов ссылка обязательна. Редакция журнала не несёт ответственности за высказанные авторами публикаций точки зрения на происходящие в России и в мире политические процессы, события, явления.

Адрес электронной почты: vestnik-smu-da@yandex.ru

IR SCIENTISTS' HERALD

The scientific periodical electronic journal IR SCIENTISTS' HERALD is published quarterly. The magazine is designed for professional researchers, analysts, practitioners in the field of international relations, world economy, international law, and a wide range of readers interested in Russian and foreign policy.

IR SCIENTISTS' HERALD is included in the list of peer-reviewed scientific publications in which the main results of dissertations for the degree of Ph.D., for the degree of Doctor of Science should be published:

5.1.5. International legal sciences

5.5.2. Political institutions, processes, technologies

5.5.4. International relationships, global and regional studies

ISSN: 2687-0193

Periodicity: published 4 times a year (quarterly) and distributed in the Russian Federation.

Scientific adviser

Professor O.G. Karpovich, Doctor of Sciences (Political Science), Doctor of Sciences (Law)

Editorial Board of the Journal

R.N. Shangaraev – Editor in Chief, Doctor of Political Science

O.A. Timakova – Deputy Editor in Chief, Ph.D. (Political Science)

I.O. Anisimov – Editor, Ph.D. (Law), Executive Secretary

V.B. Kozulin – Scientific Editor, Ph.D. (Political Science)

N.S. Belyakova – Editor, Ph.D. (Political Science)

A.A. Kashina – Editor, Ph.D. (Political Science)

D.O. Martynova – Editor, Ph.D. (Political Science)

A.J. Martirosyan – Editor, Ph.D. (Law)

E.E. Gulyaeva – Editor, Ph.D. (Law), Scopus (Brasil)

N.A. Faustova – Editor, Ph.D. (Philological Science)

S.A. Agureev – Editor, Ph.D. (Historical Science)

I.V. Krasnevich – editor, Ph.D. (Philological Science)

A.N. Zakharov – Junior Editor

S.V. Goncharov – Junior Editor

I.I. Galimov – Junior Editor

The publication is registered by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Communications, Information Technologies and Mass Communications (Roskomnadzor), registration number of **EL№FS 77 – 77083, November 20, 2019** (Old name: IR Young Scientists' Herald EL No. FS 77-69319, April 6, 2017).

Copyrights to the published materials belong to the editorial staff of the magazine and the authors of the articles. The editorial position does not necessarily coincide with the opinion of the authors. Reprinting of materials without permission of the editorial board is prohibited. Reference while using materials is obligatory. The editorial board of the journal is not responsible for the opinions expressed by the authors of the publications on the political processes, events and phenomena occurring in Russia and in the world.

e-mail address: vestnik-smu-da@yandex.ru

СОДЕРЖАНИЕ

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

<i>Кондрашев Л. В.</i> Международный опыт интерпретации и актуализации культурного наследия на сломе эпох	13
<i>Добровольский В.Н.</i> НАТО в АТР: радиус действия	31
<i>Зверева Т.В, Антипов Д.Р.</i> Сильные и слабые стороны «Дипломатии влияния» современной Франции	44
<i>Кондрашев Л. В</i> Культурное наследие – элемент «мягкой силы» ЮНЕСКО, иллюзии и реалии	71
<i>Игнатенко В.В.</i> Частные военные компании в архитектуре военно-технического сотрудничества	87
<i>Шангараев Р.Н., Галимов И.И</i> Культурно-образовательное сотрудничество Республики Турции со странами Центральной Азии: Казахстан, Киргизия, Узбекистан	101
<i>Нафиков И.З.</i> Энергетический потенциал территориальных споров Турции и Греции в Восточном-Средиземноморье и пути реконструкции отношений	115
<i>Агуреев С.А.</i> Политические процессы в БРИКС и страны Африки в контексте строительства «новой многополярности»	125
<i>Мировая С.С.</i> Сотрудничество Российской Федерации со странами БРИКС в космической сфере: инструменты мягкой силы в научной дипломатии	137
<i>Глубокая О.А.</i> Конкуренция за влияние в Средиземноморье: нарративы, интересы и место Италии	152
<i>Доброва О.А.</i> Роль Болгарии в стратегии безопасности НАТО в черноморской регионе	170
<i>Ротанёв А.В.</i> Особенности политики сотрудничества Российской Федерации со странами Альянса Государств Сахель	180
<i>Назарова С.А.</i> Фактор Китая в отношениях Мексики и США	191

**ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ**

Короткова О.А. Мудрецы и церемонии: прием первых китайских и японских дипломатических миссий в России **208**

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

Оганесян Т.Д. Право на надежду в европейском праве: правовая природа и содержание **224**

Алиев Ш.М. Курильский вопрос как попытка пересмотра итогов Второй мировой войны: международно-правовой аспект **235**

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

Мудрова С.В. Экономика и технологии для Большой Евразии **248**

Бяшарова А.Р., Тюрина О.А., Сизова Д.А. Трансформация глобального нефтяного рынка в условиях усиления роли объединения БРИКС **258**

Сизова Д.А. Технологическое лидерство стран и регионов: многополярность отраслей **268**

РЕГИОНАЛЬНАЯ И ОТРАСЛЕВАЯ ЭКОНОМИКА

Мудрова С.В. Основные тенденции развития регионов в условиях единого информационного пространства **282**

Сизова Т.В., Сизова Д.А. Повышение качества жизни и благосостояния населения как национальный интерес Российской Федерации на примере Северо-Кавказского Федерального Округа **290**

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ **311**

CONTENT

INTERNATIONAL RELATIONS

<i>Kondrashev L.V.</i> International experience in the interpretation and actualization of cultural heritage at the turn of epochs	13
<i>Dobrovolsky V.N.</i> NATO at the ASIA Pacific: Action Range	31
<i>Zvereva T.V.</i> Strengths and weaknesses of modern French «Diplomacy of influence»	44
<i>Kondrashev L.V.</i> Cultural heritage is an element of UNESCO's «soft power», illusions and realities	71
<i>Ignatenko V.V.</i> Private military companies in the architecture of military technical cooperation	87
<i>Shangaraev R.N., Galimov I.I.</i> Cultural and educational cooperation between the Republic of Turkey and the countries of Central Asia: Kazakhstan, Kyrgyzstan, and Uzbekistan	101
<i>Nafikov I.Z.</i> The energy dimension of Turkish-Greek territorial disputes in the Eastern Mediterranean and Prospects for Rapprochement	115
<i>Agureev S.A.</i> Political processes in BRICS and African countries in the context of building a «new multipolarity»	125
<i>Mirovaia S.S.</i> Cooperation between the Russian Federation and the BRICS Countries in the Space Sector: Instruments of Soft Power and Scientific Diplomacy	137
<i>Glubokaya O.A.</i> Competition for Influence in the Mediterranean: Narratives, Interests and Italy's Place	152
<i>Dobrova O.A.</i> Bulgaria's role in NATO's security strategy in the Black Sea region	170
<i>Rotanov A.V.</i> Features of the Russian Federation's policy of cooperation with Sahel Alliance of States	180
<i>Nazarova S.A.</i> The China factor in Mexico-US relations	191

HISTORY OF INTERNATIONAL RELATIONS

AND FOREIGN POLICY

<i>Korotkova O.A.</i> Sages and Ceremonies: Reception of the First Chinese and Japanese Diplomatic Missions in Russia. To the 300 th anniversary of the Protocol Service of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation	208

INTERNATIONAL LAW

Oganesia T.D. The right to hope in European law: legal nature and content 224

Aliiev S.M. The Kuril Islands Question as an Attempt to Revise the Results of World 235

War II: The International Law Aspect

WORLD ECONOMY

Mudrova S.V. Economy and Technologies for Greater Eurasia 248

Byasharova A.R., Tyurina O.A., Sizova D.A. Transformation of the global oil market 258

as the BRICS alliance gains importance

Sizova D.A. Technological leadership of countries and regions: multipolarity of 268

industries

REGIONAL AND SECTORAL ECONOMY

Mudrova S.V. Key Trends in Regional Development within a Unified 282

Information Space

Sizova T.V., Sizova D.A. Improving the quality of life and well-being of the 290

population on the example of the North Caucasus Federal District

FOR THE AUTHORS 311

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Кондрашев Леонид Викторович

к. и. н., Первый заместитель руководителя
Департамента культурного наследия Москвы
– главный археолог г. Москвы,
президент НК ИКОМОС России,
почётный член РААСН, почётный профессор МАРХИ
dkn_info@mos.ru

Kondrashev Leonid Viktorovich

Ph.D., First Deputy Head
of the Department of Cultural Heritage of Moscow
– Chief Archaeologist of Moscow,
President of ICOMOS of Russia,
Honorary Member of the Russian Academy of Architecture and Construction
Sciences, Honorary Professor of the Moscow Institute of Architecture
dkn_info@mos.ru

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ ИНТЕРПРЕТАЦИИ И АКТУАЛИЗАЦИИ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ НА СЛОМЕ ЭПОХ

INTERNATIONAL EXPERIENCE IN THE INTERPRETATION AND ACTUALIZATION OF CULTURAL HERITAGE AT THE TURN OF EPOCHS

Аннотация. В статье исследуются трансформации в теоретическом осмыслении и практиках работы с культурным наследием на рубеже исторических эпох. Анализируя международный опыт и эволюцию доктринальных документов (от Венецианской хартии до современных подходов), автор прослеживает смену парадигм: от монументального, экспертно-ориентированного подхода «авторизованного дискурса наследия» к концепциям «управления изменениями» (managing change) и «соучаствующего сохранения», ставящим в центр ценности и вовлечение локальных сообществ. Особое внимание уделяется роли интерпретации и актуализации как ключевых процессов, которые в условиях постмодерна превращают наследие в динамичный диалог между прошлым и настоящим. Статья также затрагивает политические и экономические вызовы (туризация, конфликты, «культурные чистки»), секьюритизацию темы наследия и новые российские реалии в виде движения градозащитников. Делается вывод о том, что, несмотря на радикальную трансформацию дискурса, фундаментальная задача экспертного сообщества — обеспечение сохранности и передачи наследия будущим поколениям — сохраняет свою актуальность, требуя

баланса между традиционными принципами подлинности и современными социальными запросами.

Abstract. The article examines the transformations in the theoretical understanding and practices of working with cultural heritage at the turn of historical eras. Analyzing international experience and the evolution of doctrinal documents (from the Venice Charter to modern approaches), the author traces the paradigm shift: from the monumental, expert-oriented approach of the "authorized heritage discourse" to the concepts of "managing change" and "participatory conservation", which put the values and involvement of local communities at the center. Particular attention is paid to the role of interpretation and actualization as key processes that in postmodern conditions turn heritage into a dynamic dialogue between the past and the present. The article also touches upon political and economic challenges (tourism, conflicts, "cultural cleansing"), securitization of the topic of heritage and new Russian realities in the form of the urban conservationist movement. It is concluded that, despite the radical transformation of the discourse, the fundamental task of the expert community — ensuring the preservation and transmission of heritage to future generations — remains relevant, requiring a balance between the traditional principles of authenticity and modern social demands.

Ключевые слова: Культурное наследие, Интерпретация наследия, Актуализация наследия, Смена парадигм, Управление изменениями, Участие сообществ, Авторизованный дискурс наследия, Постмодерн, Сохранение памятников, Историзм.

Keywords: Cultural Heritage, Heritage Interpretation, Heritage Actualization, Paradigm Shift, Change Management, Community Participation, Authorized Heritage Discourse, Postmodernity, Preservation of Monuments, Historicism.

В последнее время появилось много исследовательских, в том числе диссертационных работ, использующих новую терминологию, что свидетельствует о проявлении изменяющихся тенденций в консервативной по своей сути сфере культурного наследия (сознательно не хочу употреблять заезженные «латинизмы»: нарратив и дискурс).

Итак, культурологи, следующие современным теоретическим влияниям, называют культурное наследие «концептом, отражающим определённый способ интерпретации прошлого» [5. С. 13.]

В своей диссертации С. Ю. Каменский выделил три исторических парадигмы отношения к культурному наследию: «отсутствие «прошлого»», «память-преемственность» и «культурный диалог» [5. С. 13.]

Третий этап ознаменован переходом общества к новому состоянию. «В социокультурном аспекте эта трансформация была охарактеризована как переход в состояние постмодерна, в социально-экономическом — как переход от индустриального к постиндустриальному обществу [7].

Именно состояние «диалога» выводит на первый план использование понятий «интерпретации» и «актуализации» применительно к культурному наследию.

В Хартии ИКОМОС по интерпретации и представлению объектов культурного наследия 2008 г. под интерпретацией «понимается весь спектр потенциальных мероприятий, направленных на повышение осведомленности общественности и углубление понимания объекта культурного наследия» [23].

В своей докторской диссертационной работе, посвящённой указанной выше проблематике С. А. Пиляк сформулировал, что: «интерпретация культурных ценностей и культурного наследия является одним из наиболее распространённых методологических процедур и форматов их восприятия. Объект наследия попадает в зависимость от того, как он будет «прочитан» и истолкован. Исследование инструментов актуализации культурного наследия должно заключаться, в том числе, в упорядочивании существующих методов и практик, их философском осмыслении [13].

При этом «установим, что интерпретация представляет процесс, существующий и развивающийся **исключительно в состоянии диалога**, который возникает между объектом и субъектом, рождается цепь мнений о смысле [13].

Им же сформулированы следующие принципы интерпретации: идентичность, цифровое воплощение материального культурного наследия деконструкция (Деррида) [13].

Отдельно указывается, что: «специфика постмодернизма диктует самостоятельную ценность процесса и результата цитирования культурных смыслов» [13].

Основные особенностями специфики культурного наследия как предмета интерпретации являются: темпоральность (наличие патины времени) [13]; личностно-образующая роль (объекты культурного наследия – часть нашего мировоззрения); возможность создания культурного наследия в процессе интерпретации.

Особо указывается, что: «результат интерпретации неотделим от повседневности и вычленив культурное наследие от остального материального и нематериального мира невозможно» [13].

Вышеизложенные тезисы акцентируют внимание на то, что «важнейшей категорией, меняющей познание культурного наследия, является время¹.

Разность «между эпохами автора и истолкователя, иначе – историческая дистанция, как указывает Х.-Г. Гадамер, имеет существенное значение для интерпретации» [3].

При этом в статье 12 очень интересного австралийского доктринального документа - «Хартии Бурры» мы находим следующее утверждение: «Сохранение, последующая интерпретация и управление местом должны предусматривать участие людей, для которых это место имеет ассоциации и значения, или которые имеют социальные, духовные или другие культурные характеристики, обязанности по отношению к этому месту» [18].

При этом «наиболее эффективными способами актуализации археологического наследия являются практики, позволяющие осуществить диалог между человеком современности и прошлого на ценностно-смысловом уровне и адекватные при этом условиям постиндустриального общества [5. С. 3].

Отдельно выделим некоторую неудовлетворённость исследователей нынешним состоянием социокультурной системы: «с одной стороны, в условиях постиндустриального общества наблюдается уникальная ситуация

¹ См. подробнее: Савельева И. М., Полетаев А. В. История и время: в поисках утраченного. – М.: «Языки русской культуры». – 1997. – 800 с.

втягивания всех культурных традиций прошлого и современности в единое культурное пространство

С другой стороны, фиксируется снижение глубины освоения культурного наследия, формируется поверхностность, клиповость, интерпассивность, эгоизм и презентизм восприятия массового зрителя, на которого оказывают давление потребительские стандарты массовой культуры, инновационность и информационная перегруженность постиндустриальной эпохи. Также наблюдается стирание культурных различий и исчезновение целых культур» [5. С. 3].

Добавим ещё несколько ярких заинтересовавших меня оценок данной проблемы: «фельетонизация», «атракционизм» [19]

Не случайно в своей недавно вышедшей книге Ф. Бандарин выделяет внутреннюю напряжённость и внешнее давление по отношению к памятникам:

«Внутренняя напряженность включает в себя пренебрежение правами человека и гендерным равенством, растущую эксплуатацию наследия в политических целях, развитие постколониальных взглядов и необходимость пересмотреть устоявшееся понятие «универсальной ценности». Внешнее давление обусловлено глобальными процессами, неустойчивым туризмом, политическими конфликтами, этническими столкновениями и религиозными распрями, которые приводят к разрушениям во многих частях мира» [21].

В этой связи интересно и важно замечание бывшего президента ИКОМОС Г. Араоза: «способность Венецианской хартии 1964 года (юбилей которой мы отмечали в прошлом году) примирить поляризованные взгляды на течение, придерживающихся на одной крайности Джоном Раскином в Великобритании и на другой у Евгения Виоле-ле-де-Дюка во Франции, была возможна, потому что оба этих джентльмена, наряду с остальными главными героями и вспомогательным актерским составом этого процесса, несмотря на их различия, были объединены общей евроцентрической концепцией того, что такое наследие, ценности, которые оно имеет, и роль, которую оно играет. Эти

общие концепции в конечном итоге были закреплены в Венецианской хартии, которая, будучи основополагающим доктринальным документом ICOMOS, обеспечила интеллектуальную среду для инкубации Конвенции о всемирном наследии» [1].

Однако, представляется спорным тезис, подхваченный в некоторых диссертационных исследованиях [6]. Ф. Бандарина: «наследие - это идея, рожденная современностью. Эта концепция, впервые разработанная в Европе, возникла более двух столетий назад, с окончанием феодальных режимов и становлением национального государства в качестве доминирующей политической формы... Колониальная экспансия XIX и XX веков распространила концепцию наследия во все регионы мира, а затем она была закреплена в международных документах» [21].

На наш взгляд зарождение интереса к памятникам можно отнести к античности, выделив две линии – греческую, повествование о важных и поучительных событиях прошлого (археология Платона) и римскую, обладания антиками греческой культуры.

В своей модной сейчас книге «Прошлое – чужая страна» Д. Лоуэнталь писал, что: «примеры антикварной регрессии можно найти на протяжении всей истории. Так, во II в. Рим был поражен повальным увлечением стариной, когда вкус «смирненно пал ниц перед греческими моделями, а образованных римлян охватывал экстаз при виде руин» [9 с. 123].

В то же время необходимо отметить: «Одержимость особым значением определенных мест является постоянной чертой европейского духа, о чем свидетельствуют многочисленные проявления, которые она взяла на себя, которые так же разнообразны, как раннее появление религиозных святынь, связанных со священными реликвиями, средневековая одержимость Иерусалимом, почитание эпохи Возрождения древних римских руин, а затем фиксация на материальных объектах со стороны больших сетей лапидариев и антиквариев». [1]

Позднее через Шлегеля, яркого представителя германского романтизма проявилась новая эпоха интеллектуальной жизни, которая привела мир в состояние, отличное от того, в котором он находился в период, в социально-теоретическом языке определяемый как эпоха модерна, и хронологически простирающийся, если не вдаваться в широкую дискуссию по вопросу хронологии, от конца XVIII до второй половины XX в.

В своей новой книге Т. А. Пархоменко цитировала Августина Блаженного, епископа Гиппонского: «Есть три времени - настоящее прошедшее, настоящее настоящего и настоящее будущего» [12 с. 13].

Данные идеи «оказались одним из важных стимулов для формирования с начала XIX в. — «века историков» — того масштабного явления, которое получило название «историзм» [7].

Представим определение данного явления из цикла статей Савельевой: «Историзм (*нем.* Historismus) — это принцип мышления, в основе которого лежит представление о постепенном «органическом» развитии любого явления и о каждом этапе в истории как определенном и необходимом звене в историческом процессе» [16 с.72].

Следующей после утверждения историзма крупной новацией в концептуальном оснащении историографии XIX века была методологическая перестройка на основе позитивизма. Тип историографии, который может быть назван позитивистским, развился под воздействием естественнонаучно подхода, предполагающего установление фактов в непосредственном чувственном восприятии и разработку законов путем обобщения фактов посредством индукции [16 с.73].

Во второй половине XIX века к позитивистскому направлению в историографии принадлежало большинство наиболее известных историков. Манифестом позитивизма в истории считается статья Г. де Моно, где был опубликован девиз: «Мы не поднимаем никакого знамени» [16 с.74].

В то же время крупнейший исследователь историзма Ф. Мейнеке отмечал: «... мы хотим показать процесс возникновения историзма как

определённой ступени развития западного духа. Ибо образы мышления, в основе которых лежит развитие и индивидуализация, непрерывно связаны друг с другом» [10 с.8].

В этой связи, становится понятно мнение Риккерта: «Культурная ценность определяет выбор исторически существенного» [14 с. 44]

Не случайно самый занудный, но дотошный уже не антикварий, а исследователь памятников в современном понимании Алоиз Ригль в своей знаменитой книге: «Культ памятников» в фокус внимания поместил ценность культурного наследия во многих смыслах.

А последователь А. Ригля Макс Дворжак уже выдвинул этический императив: « Охрана памятников является моральной обязанностью человека по отношению к человечеству» [12 с.8].

Одновременно, укажем, что вторжение в процесс постижения истории и культурного наследия особенностей личности исследователя привело к: «Двойственность истории как истории-реальности и истории исследования» [8 с. 140].

Мышление, подверженное «историзму» способствует повышению роли государства в области охраны памятников: «Места наследия, по крайней мере концептуально, обычно являются общественными объектами, потому что они способствуют общественному благу. По этой причине правительство, как гарант соблюдения общественных интересов, несет ответственность за их защиту и управление ими» [1].

Указанные идеи «обеспечивают структуру для того, что Джулиан Смит (2012) из Канады назвал эстетической предвзятостью кураторского подхода к сохранению, и которая на самом деле остается в силе для некоторых типов объектов наследия в определенных культурных контекстах» [1]

«Австралийская археолог Лораджан Смит (р. 1962) говорит об «авторизованном дискурсе наследия» (АНД), который отдает предпочтение монументальным масштабам, суждениям экспертов и роли наследия в государственном строительстве.

АНД, рассматриваемый как доминирующее западное видение наследия, устанавливает предположения о природе и значении наследия. Он наделяет полномочиями по управлению и определению наследия класс экспертов, которые рассматривают наследие как «объект», а не как социальный продукт. Оно продвигает ценности социальной элиты и игнорирует идеи подчиненных групп, таких как сообщества с низким уровнем дохода, этнические меньшинства, сообщества мигрантов.

АНД остается доминирующим подходом к представлению наследия в большинстве стран мира, часто поддерживаемым международным статусом наследия, обеспечиваемым конвенциями ЮНЕСКО.

Однако, в последнее время мы наблюдаем тенденцию, метко названную Дэвидом Лоуэнталем: «Крестовый поход за наследием и исторические трофеи» [12, с. 33]

Ныне знамёна разных стран и общественных движений теперь, наоборот гордо реют на интеллектуальном поле. Весьма вероятно, что эта особенность связана с «культурализацией левых» [11, с. 119] и появлением понятия «постмодерн», который «описывает логику определённого исторического периода «позднего капитализма» (Джеймисон) [11, с. 153].

«Момент истины» постмодернизма заключается в формулировании новой «политики культуры», именуемой им (Джеймисон) «когнитивным картографированием». Последнее может быть описано в терминах идеологии, которая должна изобрести способ отсутствующей связи между экзистенциальным опытом (люди осознают, что живут в обществе, утратившем производство и деление на классы) и наукой (абстрактной концептуализацией пока ещё незнакомого мира)» [11, с. 150].

Самый главный вывод для нас в данной связи: «Неизменное прошлое - это не то, что нам нужно» [9 с. 123]

В своей статье 2013 г., и в докладе в Казани в 2016 г. тогдашний президент ICOMOS Г. Араоз отметил: «В 1981 году Флорентийская хартия исторических садов ICOMOS первой привлекла наше внимание к смелому новому миру

динамичных и развивающихся объектов наследия, в которые мы вошли. Мы больше не имели дело с неизменными статическими материалами, а с живыми организмами, которые начинаются, растут и заканчиваются» [1].

Кроме того в «Вашингтонской хартии по сохранению исторических городов» 1987 года постулировалось, что "участие и вовлечение жителей имеют важное значение для успеха ... и должны поощряться" (Международный совет по монументам и объектам 1987), что обозначило «крен» международной политики с консервации и сохранения материальных следов прошлого к влиянию локальных сообществ на культурное наследие [1].

Таки образом, произошла «смена парадигмы охраны наследия», выраженная в переходе от классической концепции «сохранение наследия» к парадигме «управление изменениями» (managing change). Четко проявился водораздел между идеями «защиты исторической среды от деградации» и «использования культурных ресурсов для устойчивого развития города.

Большинство современных исследователей предпочитают делать акцент на ценностях локальных сообществ. Пьер Нора, утверждал: «о памяти столько говорят только потому, что её больше нет. На смену памяти пришли **места воспоминаний**. Места воспоминаний в традиции древней мнемотехники следует понимать как **локусы** (места) в широком смысле, которые вызывают образы воспоминаний (воображения)...» [12, с. 94].

Также следует отметить мнение ещё одного бывшего президента ICOMOS Петцета: «Тема сохранения памятников и достопримечательностей, которая оставалась второстепенной на протяжении большей части XX века, с середины 1970 -х годов стала получать поддержку СМИ «не как модная тенденция, а как проблема, представляющая общеполитический интерес». Таким образом, обыватели оказались вовлечёнными в сферу наследия как равноправные участники, наряду со специалистами по охране памятников.

Реальный всплеск участия сообщества и расширения прав и возможностей заключается в пересмотрах 1988 и 1999 хартии австралийского ICOMOS Burra 1979 года, который установил процесс, который требует

консультаций с сообществом и вклада в определение значимости этого места [18]. Эта концепция, сейчас такая обычная, тогда была чрезвычайно новой, особенно в неанглосаксонском мире, где участие общественности в политической арене направляется более косвенными способами.

Подстрекаемые растущей властью общин определять свое собственное наследие и определять его использование и обращение без какой-либо четко принятой дисциплины, возникло множество новых причин для того, чтобы ранее обычные места считались наследием, другими словами, наследие стало цениться по причинам, которые в прошлом были неприемлемы для обозначения, и его сохранение стало ценностным [1].

Нарская конференция по подлинности и полученный на ней документ, который в 1994 году открыл совершенно новую вселенную возможностей, которые узаконили альтернативы евроцентристскому кураторскому подходу к сохранению наследия, которые преобладали до тех пор [23].

Таким образом, преобладание этического компонента, если вообще можно говорить об иерархии в условиях постмодерна, изменяют общественный взгляд на культурное наследие. «Сторонники модерна, как утверждают Хардт и Негри (Содружество), по-прежнему озабочены несправедливым распределением богатства и нехваткой ресурсов ... Всеобщее счастье **альтермодерна** (sic!) ... превращается в некий аффективный институт политической активности» [12 с. 16].

В данной связи рассмотрим некоторые современные публикации. Книга Роберта Аргенбрайта «Москва строящаяся. Градостроительство, протесты градозащитников и гражданское общество» позиционировалось в сети интернет как исследование новой формации движения так называемых «градозащитников» [2].

Роберт Аргенбрайт ещё в советское время посещал СССР, но как рабочий или как эколог. Сейчас работает профессором географии в Университете Юты (США). Как видно из предисловия исследователю был выдан грант на изучение движения «градозащитников» в современной России.

По утверждению автора книги «исследуется рост локального противодействия практики хищнической реконструкции Москвы» и «борьба за подобные объекты велась людьми, которые не ставили своей первоочередной целью построения гражданского общества или углублять демократизации, но таким способом москвичи добивались право на город». Таким образом, утверждает автор, эти люди создают гражданское общество точнее запускают процесс его формирования. И хотя автор предпочитает разделяемый им «прагматический подход» «транзитологическому», сосредоточенному на перспективе «смены режима» в России, эти теории по мнению автора подводят к так называемой «лестнице гражданского участия» (Арнштейн). Таким образом, гражданский контроль объявляется главной целью.

Иначе, речь может идти о концепции «справедливо города» (Файнштейн). При этом отмечается: «многие люди боролись за справедливость ради неё самой, победы над несправедливостью, это и есть социальная переменна»

Деятельность гражданского общества считается когда граждане сами организуются, чтобы изменить или повлиять на исход событий вызвавшие у них недовольство (Дьюи).

При чтении подобных трудов вслед за А. Шёнле создаётся дискуссионное впечатление: «многие правители России были в глубине души строителями. Большинство из них хотели запечатлеть свою власть в камне кирпиче или гипсе» [20].

Отметим, что с 1970-х годов на отечественной почве, начиная с трудов Е.В. Михайловского как результат доктринального прочтения «Венецианской хартии» среди специалистов [4] и общественности («Архнадзор») преобладает стремление консервации подлинности в противовес «управлению культурными ресурсами» или «реставрации на определённый период». Появление понятия «градозащита» лучшее тому подтверждение.

В целях нашего исследования важно указать на серию статей исследователя из Университета Утрехта Гертджана Плева (бывшего этнографа,

исследовавшего «Дальний восток») с соавторами, опубликованные Университетом Пенсильвании [24].

Относительно предмета исследования - Пальмиры Плец и его соавтор достаточно точно описывают последовательность усилий России по постравматическому восстановлению Монументальной Арки в Пальмире, однако делается вывод, что: «усилия России по восстановлению тесно связаны с международной и внутренней политикой, пропагандируя грандиозный нарратив Кремля, который изображает Путина как лидера глобальной державы, восстанавливающий свой статус на международной арене».

Перенос предмета исследования с фактологической базы на политизацию текущих процессов приводит к грубым ошибкам: тезис, что: «средневековое наследие (в Херсонесе) стало центром внимания, а классическому периоду, который занимал центральное место в номинации объекта всемирного наследия, уделялось меньше внимания. Однако, этот выборочный ребрендинг как места зарождения Руси и русского христианства обеспечил взрывной рост числа посетителей», опровергается фактическими данными. В настоящее время основные исследовательские, консервационные и работы по приспособлению идут на объектах античного и византийского периодов, предшествующих акту крещения св. Владимира, а многие новодельные объекты, связанные с упомянутыми выше событиями построены во времена Украины.

В данной связи важно подчеркнуть основной принцип деятельности ЮНЕСКО, согласно которому культурное наследие каждого является культурным наследием всех. Ответственность за его сохранение и управление принадлежит, прежде всего, тому культурному сообществу, которое его создало, а потом и тем, кто проявляет о нем заботу. Приверженность международным хартиям и конвенциям, принятым с целью сохранения культурного наследия, обязывает нас соблюдать вытекающие из них принципы и обязательства. Стремление к балансу собственных требований с требованиями других культурных сообществ крайне желательно, однако при

условии, что этот баланс не будет подрывать наиболее важных культурных ценностей этих сообществ [23].

Таким образом, в действиях России можно усмотреть лишь чёткое следование принципам и доктринальным документам, которые наша страна разделяет с большей частью мирового сообщества.

Невозможно не упомянуть и весьма полезное с точки зрения практики направление «управление культурными ресурсами». Тем более: «в эпоху постмодерна любой культурный товар или явление непременно имели экономическую подоплёку». (Джеймисон) [11с. 139].

«Возможно, даже более серьезным - и, безусловно, более распространенным, чем горнодобывающая промышленность - это растущая вера в туризм как великую панацею для всех экономических невзгод местных общин и национальных правительств. Опять же, используя случай Конвенции о всемирном наследии, мы увидели, как за последние три года была бешеная спешка к записям в Списке всемирного наследия любой ценой. Мы знаем от номинирующих государств-участников, что их мотивация заключается не в том, чтобы добиться лучшего сохранения этих свойств, а в том, чтобы переместить их на вершину пищевой цепочки на туристических рынках» - писал Г. Араоз ещё в 2013 г [1].

Ещё совсем недавно мировое сообщество испытывало оптимизм в сфере развития мировой цивилизации. При этом считалось, что сохранение общего наследия человечества предполагает стабильное развитие всех государств мира.

Однако, в конце прошлого столетия мир столкнулся с трагическими катаклизмами. В результате защита недвижимого культурного наследия явно была секьюритизирована (тезис из книги «Культурное наследие и массовые зверства») (Cultural Heritage and Mass Atrocities. Edited by James Cuno and Thomas G. Weiss. Getty Publications getty.edu/publications.) Точно так же, рассмотрение Советом Безопасности ООН вопроса о гуманитарных

катастрофах стало легитимной основой для действий по поводу защиты культурного наследия.

Выступая 1 июля 2015 г. в Королевском институте международных отношений (Лондон) с докладом «Культурное наследие: новая мишень экстремизма», И. Бокова (на то время директор ЮНЕСКО) ввела в широкий оборот термин: «культурная чистка», охватывающей не только **преднамеренное** уничтожение культурных объектов, но и отдельные нарушения прав человека, например, такие, как преследование по этническим или религиозным признакам, нападения на журналистов, разрушение школ.

На наш взгляд, если «историческая ценность» (А. Ригль) в силу тех или иных причин теряет актуальность, другие ценности также аннигилируются. Показательные казни деятелей культуры и взрывы уникальных памятников со стороны нынешних экстремистов свидетельствуют, что древность объектов и меркантильная польза (например, доходы от туризма) уже не принимаются во внимание.

За последние несколько десятилетий боевые действия подошли вплотную к объектам культуры, которые не только страдают от сопутствующего ущерба, но и становятся мишенью для воюющих сторон, уничтожающих их с целью отомстить противнику или спровоцировать ненависть и насилие. Недавние конфликты в Мали, Ливии, Йемене, Ираке и Сирии показали, что защита наследия неотделима от защиты человеческих жизней.

Убийство людей - это одна тактика; уничтожение свидетельств их истории самобытности - другая.

На 20-й сессии Генеральной Ассамблеи ИКОМОС (2020) была принята Резолюция, подготовленная по инициативе Национального Комитета ИКОМОС России и Секретариата Комиссии Российской Федерации по делам ЮНЕСКО. ИКОМОС выражал беспокойство в связи с участвовавшими случаями вандализма и целенаправленной политики по уничтожению объектов культурного наследия. Данный документ рекомендует: «Поощрять

включение превентивных мер в планы управления и сохранения, чтобы защитить объекты наследия от воздействия политических конфликтов и гражданских беспорядков.»

В итоге данной статьи позвольте сейчас задать прежде всего себе ряд вопросов: чем мы занимаемся?

Или это «пастиш» – бесцельная пародия или стилизация без смысла. (Линда Хатчеон)

Или «постмодернистское стремление к цитированию находит в этом случае особое регулярное применение. Кроме этого, в эпоху абсолютной деконструкции, за счёт высокой ценности отдельных фактов, слов и знаков, их практическая ценность возрастает многократно» [13 с.183].

Тогда отметим, что: «философствующие герменевтики заменили стремления к истине поисками интерпретаций, т.е. по сути дела на место теории познания поставили конвенционалистскую семантику» [13 с.150].

Правда же состоит в том, что: «если же они продолжают оперировать категориями постмодерна, то при этом не замечают, что теории на которые они ссылаются, были отвергнуты их авторами» [11 с. 46].

С другой стороны: «если допустить, что мы ещё находимся в рамках полноценного модерна ... то следует также предположить, что реакция на господствующий в последнее время комплекс идей, представляющих собой перелицованный извод просвещенческого рационализма, неизбежно будет принимать ту или иную форму историзма.» [7].

Тогда мы опровергнем идею Йорана Терборна про: «Мир, смотрящий вперёд, ориентированный на новое создаваемое будущее и поворачивающийся спиной, - не без уважения, однако, - к своему прошлому». И наше дело традиционных экспертов в области сохранения культурного наследия ещё не закончено.

Список источников и литературы:

- 1) Араоз Г. Философия сохранения и ее развитие: изменение понимания подлинности и значимости – [Электронный ресурс] – 2013 – URL: <https://www.academia.edu/88345181> (дата обращения: 25.11.2025).
- 2) Аргенбрайт Р. Москва строящаяся. Градостроительство, протесты градозащитников и гражданское общество. –Бостон - Санкт-Петербург. – 2021.
- 3) Гадамер, Г. Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики / Г. Г. Гадамер. – М.: Прогресс. –1988. – С. 704.
- 4) Душкина Н.О. ИКОМОС и отечественная практика сохранения культурного наследия – [Электронный ресурс] – URL: https://icomos.org.ru/wp-content/uploads/2023/07/dushkina_ikomos_otech_prakt.pdf (дата обращения: 23.11.2025).
- 5) Каменский С. Ю. Актуализация археологического наследия в современных социально-культурных практиках - теория и история культуры // Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата культурологии. –Екатеринбург – 2009. – С. 13.
- 6) Карпова Е.С. Современные концепции сохранения культурной ценности историко-архитектурного наследия // Диссертация на соискание ученой степени кандидата архитектуры. – Москва. – 2024. – С. 200.
- 7) Куренной В.А. Леопольд фон Ранке: рождение историзма // Социология власти. – Т.36. – № 3. – 2024. – С.180-214.
- 8) Ле Гофф Ж. История и память // Жак Ле Гофф М. – 2013. – С. 140.
- 9) Лоуэнталь Д. Прошлое – чужая страна // Издательство «Русский остров» – Санкт-Петербург – 2004. – С. 123.
- 10) Мейнеке Ф. Возникновение историзма – М-СПб. – 2004. – С. 8.
- 11) Павлов А. Постпостмодернизм. Как социальная и культурная теории объясняют наше время – М. – 2023. – С. 119.
- 12) Пархоменко Т.А. Дискурсы об историко-культурном наследии в современном мире (XX-XXI вв.) – Москва : Институт Наследия. – 2024. С. 154.
- 13) Пиляк С. А. Интерпретация как инструмент актуализации материального культурного наследия // Диссертация на соискание ученой степени доктора философских наук. – Москва. – 2024. – С. 5.
- 14) Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. // Генрих Риккерт М. – 1998. – С. 44.
- 15) Ритцер Дж. Макдональдизация общества 5 / Пер. с англ. А.В.Лазарева; вступ. статья Т.А.Дмитриева. – М.: Издательская и консалтинговая группа «Праксис», 2011. – 592 с. – (Серия «Образ общества»).
- 16) Савельева И.М. Полетаев А. В. Становление исторического метода: Ранке, Маркс, Дройзен // Диалог со временем –№18 –2007. – С. 399.
- 17) Тимофеев А.В. Живущие в фельетонную эпоху // Русская народная линия – 12. 05. 2017. – URL:

https://ruskline.ru/news_rl/2017/05/12/zhivuwie_v_feletonnyu_epohu/ (дата обращения: 15.11.2025).

18) Хартия Burra // Альфапедия – 13.05.2021 – URL: https://alphapedia.ru/w/Burra_Charter (дата обращения: 20.11.2025).

19) Царицыно: аттракцион с историей // Коллективная монография; отв. ред. Н.В. Самутина, Б.Е. Степанов. — М.: Новое литературное обозрение. – 2014. — 464 с.: ил. (Серия *studia urbanica*).

20) Шёнле А. Архитектура забвения. Руины и историческое сознание в России Нового времени. – М. – 2018.

21) Bandarin F. Changing Heritage How Internal Tensions and External Pressures are Threatening Our Cultural and Natural Legacy // Routledge. – 2024. P. 478.

22) Gustavo A. Conservation Philosophy and its Development: Changing Understandings of Authenticity and Significance // *Heritage & Society* – Vol. 6 – № 2. – 2013. – Pp. 144-154.

23) ICOMOS – 16e AG / 16th GA – Québec 2008 – Interpretation and presentation of cultural Heritage Sites / *Interprétation et présentation des sites culturels patrimoniaux*

24) Plets G.; Munawar N. Russia in Palmyra: Contextualizing the Kremlin's Postconflict Heritage Rehabilitation – [Электронный ресурс] – URL: icomos.org/ru/wp-content/uploads/2024/12/russia_in_palmyra.pdf https://icomos.org/ru/wp-content/uploads/2024/russia_in_palmira.pdf (дата обращения: 22.11.2025).

25) PUBLICOMOS – [Электронный ресурс] – URL: <https://www.icomos.org/en/charters-and-texts/179-articles-en-francais/ressources/charters-and-standards/386-the-nara-document-on-authenticity-1994> (дата обращения: 22.11.2025).

В.Н. Добровольский,
советник ИАМПИ ДА МИД России,
Чрезвычайный и Полномочный Посланник 1 класса
e-mail: annadobcom@yahoo.com

Vasily N. Dobrovolsky
Advisor to the Institute of Contemporary International Problems,
Diplomatic Academy of the MFA of Russia
Minister Extraordinary and Plenipotentiary the First Rank
e-mail: annadobcom@yahoo.com

НАТО В АТР: РАДИУС ДЕЙСТВИЯ

NATO AT THE ASIA PACIFIC: ACTION RANGE

Аннотация: налицо заметное повышение внимания НАТО к АТР, о чем свидетельствует эволюция стратегии альянса в духе «глобализации» интересов блока с претензией на расширение вовлеченности в дела азиатско-тихоокеанского региона. Усилившиеся попытки натовцев с опорой на региональных партнеров укрепить влияние в Азии под предлогом «сдерживания» Китая и России на основе «индо-тихоокеанских стратегий», создать новые группировки блокового типа указывают на возможности расширения «радиуса действия» НАТО на азиатско-тихоокеанском направлении. В целом линия НАТО в АТР носит деструктивный характер, вступая в противоречие с устоявшимся в Азии пониманием безопасности, основанном на принципах инклюзивности, многополярности и равноправия.

Ключевые слова: Азиатско-тихоокеанский регион, НАТО, геополитика, «индо-тихоокеанские стратегии», многополярность, безопасность, блоковая политика.

Abstract: a substantial increase of NATO's interest toward the Asia-Pacific can be followed from the evolution of strategy of the Alliance calling for the "globalization" of NATO's interests including an ambition to enhance the involvement into regional affairs. NATO's increasing attempts – with reliance on their regional partners – to enlarge influence in Asia under the pretext of "containment" of China and Russia based on "Indo-Pacific strategies" and to construct here new bloc-a-like structures are opening a possibility of enhancement of NATO's «action range» to the Asia Pacific. Generally, NATO's policies in the Asia Pacific can be considered as destructive, as they clearly contradict the original Asian understanding of security based on the principles of inclusiveness, multipolarity and equality.

Key words: Asia Pacific, NATO, geopolitics, "Indo-Pacific strategies", multipolarity, security, bloc politics.

Введение

Амбициозные запросы лидеров НАТО на глобализацию их интересов, вызывающие в современном мире острую реакцию, часто приводят аналитиков к вопросу: возможно ли распространение сферы влияния этого альянса на Азиатско-тихоокеанский регион? Тем более в свете повышения внимания влиятельных членов Североатлантического блока к своему продвижению в АТР, особенно заметному на фоне процессов перемещения центра мировой политики и экономики в этот динамично развивающийся регион, обладающий к тому же высокой степенью субъектности.

Североатлантический Договор от 4 апреля 1949 года, послуживший юридической основой создания НАТО, довольно четко ограничил, как известно, географическую зону «оборонного» функционирования этого союза и его «ответственности» – а именно, районом Евроатлантики севернее тропика Рака с незначительными оговорками (ст.6 Договора) [6]. Однако по мере обострения глобальной международной ситуации и общего ужесточения натовской политики оценочная трактовка наличия такого рода лимитов становилась в заявлениях лидеров альянса все более размытой, распространяясь на проблемы и якобы существующие «вызовы», относящиеся отнюдь не к Евроатлантике, а к другим регионам, в первую очередь, к Азии.

Это в итоге привело к ревизии базисных установок НАТО в сторону «глобального» расширения радиуса действия блока и активности его участников. Еще в 2009 г. влиятельный «теоретик стратегии Запада» З.Бжезинский объявил «натовскую заявку» на АТР, подчеркнув, что «с учетом меняющегося распределения глобальной силы и смещения центра тяжести на Восток, для НАТО пришла пора задуматься о прямых, формальных связях с рядом ведущих держав Восточной Азии... поначалу в форме совместных консультаций, способствующих большей функциональной совместимости, готовности к непредвиденным обстоятельствам, могущим представлять угрозу обеим сторонам, а также углублению подлинного стратегического сотрудничества» [2]. В подобном духе натовскими лидерами впоследствии

неоднократно подтверждалась и документально фиксировалась идея наращивания «взаимодействия с партнерами за пределами Евроатлантики», особенно расположенными в АТР [4].

Качественное изменение программных установок НАТО применительно к АТР

29 июня 2022 г. на саммите в Мадриде была принята новая долгосрочная стратегия НАТО. Она декларирует, что «Индо-тихоокеанский регион важен для НАТО ввиду того, что развитие процессов в этом регионе может непосредственно затрагивать евроатлантическую безопасность» и что страны альянса, исходя из такого понимания, «будут укреплять диалог и сотрудничество с новыми и существующими партнерами в индо-тихоокеанском регионе для решения проблем межрегиональных вызовов и обеспечения общих интересов в сфере безопасности». При этом, впервые в практике принятия подобных документов, подчеркиваются якобы исходящие от Китая «вызовы безопасности и ценностям членов НАТО», нацеленные на подрыв «международного порядка, основанного на правилах», и, соответственно, китайские «системные вызовы» евроатлантической безопасности, а углубление стратегического партнерства КНР и России объявляется «противоречащим нашим ценностям и интересам» (причем эта формулировка использована наряду с определением России как «самой значительной и прямой угрозы безопасности союзников») [15].

Эти программные положения натовской концепции достаточно определенно указывают на продвижение блока по пути существенного и весьма опасного расширения «радиуса действия» НАТО на пространство АТР, официально называемого в НАТО «индо-тихоокеанским».

В одобренной на «юбилейном» саммите НАТО в Вашингтоне (июль 2024 г.) декларации особо подчеркивается, что «Индо-тихоокеанский регион имеет важное значение для НАТО, поскольку события в этом регионе напрямую влияют на евроатлантическую безопасность». При этом выделены «флагманские» направления осуществления «практического сотрудничества»

блока с азиатскими партнерами, «преследуя общие интересы безопасности», – они, по задумке натовцев, находятся в сферах «поддержки Украины, киберзащиты, противодействия дезинформации, а также технологий», что обусловлено соответствующими «общими вызовами» [1].

Усиливающаяся активизация проникновения НАТО в АТР составляет сегодня одну из наиболее деструктивных тенденций на пространстве Азии. Ей изначально была отведена важная роль в попытках блока реализовать концепцию «глобализации интересов» как на волне украинского кризиса, так и в порядке противодействия переходу к формированию нового миропорядка. Соответственно, продвижение альянса в регион осуществляется, прежде всего, на основе проекции сюда натовского контура безопасности в духе тезиса о ее «неделимости» в Евроатлантике и Азии. Таким путем преследуется цель фактического расширения «радиуса действия» НАТО на азиатско-тихоокеанскую зону, чтобы обеспечить там доминирующее влияние «коллективного Запада», укрепление здесь «своих» цепочек коалиций и интегрирование с азиатскими партнерами (читай: союзниками де-факто) «контуров сдерживания» Китая и России.

Наращивание практических шагов НАТО по укреплению позиций альянса на пространстве АТР

Как известно, пока в АТР не существует структурно идентичного Североатлантическому союзу многостороннего военно-политического образования. Однако, в свете шагов натовцев по охват этого региона своей инфраструктурой, нельзя исключать постановку ими задачи продвижения к более четкому азиатскому подобию НАТО – как путем качественного укрепления здесь блоковой составляющей с адаптацией модели Североатлантического союза, так и посредством более четкого включения лояльной Западу части региона в общую схему противостояния Китаю, России и Мировому большинству, широко представленному в азиатско-тихоокеанской зоне.

Ускоренное внедрение в регион «натовского профиля» происходит на фоне наращивания в АТР совокупного силового потенциала участников и партнеров НАТО и их активности в различных военно-тренировочных мероприятиях в «чувствительных» зонах Корейского полуострова, ЮКМ и у Тайваня. При этом очевидна опора Брюсселя на апробированную американцами систему военно-политических союзов с ведущими азиатскими «единомышленниками» (Япония, Южная Корея, Австралия, Новая Зеландия). Они образуют теперь «при НАТО» особую «индо-тихоокеанскую четверку», активно поддерживающую политику блока в АТР (т.н. «группу IP-4» в структурной системе Североатлантического блока) и все глубже вовлекающуюся в натовскую активность, в том числе в институциональном плане – через прямое участие в механизмах Североатлантического союза и подключение к его программам.

Естественно, превалирующие позиции в указанных процессах занимают американцы с их мощным военным потенциалом в регионе (около 400 тыс. военнослужащих, свыше 200 военных объектов, в т.ч. более 50 военных баз; при этом в составе Тихоокеанского флота ВМС – 200 кораблей и 1100 самолетов, в составе корпуса морской пехоты – 86 тыс. человек и 640 самолетов, в группировке ВВС – 46 тыс. персонала и 420 боевых самолетов, в сухопутных силах – пехотные корпус и две дивизии, 300 самолетов и 5 кораблей поддержки) [7]. Но и «вспомогательное» военное присутствие европейских членов НАТО продолжает возрастать, равно как учащается их подключение к многосторонним маневрам и учениям, организуемых в АТР США с регионалами (наиболее активны в этом плане Великобритания, Франция, Германия, в возрастающей степени Нидерланды).

Приметой геополитической динамики АТР стало сегодня начало перехода НАТО к проникновению в регион уже как институциональной структуры. Оно обретает сегодня все более конкретные очертания на базе схемы действий натовцев по двум основным направлениям. С одной стороны, это форсированное вовлечение упомянутых азиатских «квази-союзников» в

натовскую деятельность, включая участие в мероприятиях альянса, в т.ч. саммитах, а также подключения к текущей плановой работе координирующих органов блока. С другой – интенсификация военно-политических связей Брюсселя с регионалами на площадке АТР, прежде всего, в плане расширения натовского влияния на партнеров через взаимодействие в области военного строительства «по натовским стандартам». Оба этих «встречных» трека, разумеется, тесно взаимосвязаны и взаимодополняемы.

Качественно новый этап активности НАТО в АТР обозначило подписание в 2023 г. с азиатскими партнерами «на полях» саммита блока в Вильнюсе беспрецедентно развернутых программ сотрудничества на 2023–2026 гг., тщательно сверенных натовцами с военными возможностями партнеров. Эти, по сути, обязывающие документы (но не строго юридически, что якобы специально оговорено) призваны, как считают наблюдатели, стать сейчас основным инструментом «интеграции оборонных потенциалов Индопацифики и Евроатлантики». Договоренности оформлены как «Индивидуально специализированные программы партнерства» (Individually Tailored Partnership Program, ITPP) – до сих пор такое сотрудничество регулировалось общими договоренностями об «основных направлениях» взаимодействия («Индивидуальная программа партнерства и сотрудничества», Individual Partnership and Cooperation Programme, IPSP), конкретизации которых потребовали натовцы, ссылаясь на «изменение геополитической обстановки». По оценкам западных аналитиков-расследователей, там заявлено, в частности, о стратегической координации военных усилий с акцентом на взаимодействие по военно-технологической линии, а также в киберпространстве. Выделены задачи повышения функциональной совместимости партнерства (interoperability), что предполагает обеспечение условий для максимального использования натовских стандартов вооружений, правил и процедур, а также «усиления стрессоустойчивости» (bolstering resilience), прежде всего, в плане понижения порога реакции на угрозы кибербезопасности и иные гибридные атаки, в том

числе в информвойнах (в этом контексте подразумеваются, как считается, Россия и Китай). Отдельно сказано о взаимодействии сторон на глобальных площадках, в том числе на разоруженческом треке, в сфере экологии и т.п. Западные наблюдатели отмечают, что в результате реализации новых программ влияние натовских политических и военных решений на «индо-тихоокеанскую четверку» существенно возрастет [16].

Параллельно усилилась работа НАТО с региональными «союзниками» вне рамок официально заключенных программ партнерства (то есть как бы в формате ITPP+) по наращиванию военного и военно-технического взаимодействия, причем порой с повышением в нем роли регионалов. Так, активно подключается к натовским программам системы и сбора военной информации Южная Корея, опираясь на свой авторитет одного из лидеров высоких технологий [18]. Япония, обладающая развитым потенциалом военных НИОКР, стала одним из «моторов» программы по созданию с Британией и Италией истребителя-«невидимки» нового поколения к 2035 г. (Global Combat Air Programme (GCAP) [13]. При этом в 2023 г. Токио завершил непростую процедуру введения в действие соглашения с Великобританией о так называемом взаимном доступе (Reciprocal Access Agreement (RAA), разрешающем допуск ВС партнера на свою территорию «для проведения мероприятий оборонного характера», – оно, по сути, создало новый юридический прецедент в развитии военных связей с натовцами, расширяя тем самым инфраструктурную площадку для НАТО [10]. И, как бы в развитие этого соглашения, в конце 2024 г. было заключено японо-итальянское соглашение о сотрудничестве в оборонительной сфере, предполагающее активизацию взаимодействия сторон по широкому спектру военных направлений [8].

Австралия, в свою очередь, заявила о запуске «крупнейшей со времен Второй мировой войны» модернизации военного строительства и изменении стратегии с акцентом на ВМФ, при этом включила в задачи своих ВС «защиту международного порядка, основанного на правилах» [14], получив у

наблюдателей определение «де-факто члена НАТО» (с учетом также ее значимой роли в западном военном проекте антикитайской направленности AUKUS). Новозеландцы высказываются в пользу сближения с «давним единомышленником» в лице НАТО, правда, на практике порой «тормозят» с конкретикой сотрудничества из-за внутренних проблем (но «компенсируют» это укреплением «стратегического взаимодействия» с Австралией вплоть до намеков на подключение к «технологической» части AUKUS – и именно туда, что немаловажно, западники хотели бы также вовлечь Японию с ее научно-технологическими возможностями).

Параллельно наращиваются военные обмены разного уровня между основными странами НАТО и их азиатско-тихоокеанскими партнерами. Они включают контакты высокого уровня по линии министерств обороны и спецслужб, а также рабочие обмены практиками и информацией практически по всей сфере военной деятельности: это многоплановые консультации министров обороны и начальников генштабов, совместные контакты мининдел и минобороны по формуле «2 плюс 2», обмен разведывательной информацией (в том числе в рамках объединения «Пять глаз») и контрразведывательными сведениями через договоренности о защите информации и т.д.

Большое значение придается «гармонизации» планов военного строительства стран НАТО и региональных партнеров, де-факто – укоренению в АТР военных стандартов Североатлантическом союзе. При том, что «подгонка» под них арсенальных вооружений партнеров фактически завершена, в фокусе внимания оказался вопрос о выполнении на театре АТР особо актуальной сегодня для руководства НАТО с подачи американской администрации задачи повышения членами альянса военных расходов, к чему, как уже очевидно, они обязывают и азиатских партнеров блока. Следует отметить, что «четверка» демонстрирует немалую готовность к этому, порой даже с опережением «средненатовского» показателя. В частности, военный бюджет Южной Кореи уже составил в последние годы 3-4% ВВП, несмотря на

сокращение госбюджета страны. Сходные обязательства берет на себя в рамках «новой военной стратегии» Австралия, расходы которой тоже достигли двухпроцентного уровня. Япония наращивает расходы на оборону рекордно быстрыми темпами, имея в виду в рамках новой программы строительства ВС достичь уровня 2% ВВП к 2027 г, что означает удвоение от прежней законодательно «предельной» нормы в 1%, от которой Токио уже «инициативно» отказался. Военные расходы Веллингтона, достигшие уровня свыше 1,5% ВВП, теперь тоже просчитываются с приростом, вопреки предыдущей тенденции к их сокращению [11]. С приходом же к власти в США администрации Д.Трампа настоятельные призывы американцев к повышению оборонных расходов их азиатских союзников заметно усилились. Так, влиятельный представитель нынешней вашингтонской элиты, заместитель главы оборонного ведомства Э.Колби вполне определенно обозначил необходимость достижения всеми партнерами из АТР уровня военных расходов в 3% ВВП [12].

Имеет место и усиление «идеологической составляющей» процесса сближения НАТО с АТР, в рамках которой натовцы акцентируют тему украинского кризиса для обоснования своих амбиций в регионе. Весьма значительный упор делается, как известно, на «сдерживании Китая», но по мере развития ситуации в Европе идеологема о «нарушении миропорядка российским вторжением на Украину» тоже стала составлять компонент демонстрации «общности взглядов» членов блока и их азиатско-тихоокеанских партнеров. Например, подготовленный в НАТО силами Командования по трансформации объединенных вооруженных сил пропагандистский «стратегический» обзор «Региональные перспективы в Индо-Тихоокеанском регионе» выделяет китайские «вызовы нашей безопасности и обороны», но с неменьшим нажимом акцентирует, причем многократно и навязчиво (33 упоминания практически во всех разделах), тезис о «российской агрессии против Украины» как мотив защиты в АТР «единых ценностей» североатлантистов и де-факто союзных им регионалов [9].

Значимые сдерживающие факторы

Серьезно сдерживает амбиции натовцев в АТР объективно присущее азиатской части Мирового большинства «глубинное» неприятие любых идей закрытой блоковости – ему, как показывает практика, твердо привержены многие азиатские страны, традиционно ориентирующихся на принцип инклюзивности. В АТР не одобряют и появление каких-либо альтернатив, особенно «чужих», уже действующим в регионе системообразующим интеграционным структурам типа АСЕАН и др. Тем более, если такие попытки предпринимаются с опорой на иную систему ценностей, нежели присущие региону культурно-цивилизационные коды, – отсюда вполне отчетливое стремление «азиатского большинства» отстоять собственный «путь» развития на основе утвердившихся традиционных независимых приоритетов.

Налицо резко негативная реакция Пекина на шаги альянса в Азии – его представители последовательно подчеркивают неприемлемость «азиафикации НАТО» как результата «дестабилизирующей ментальности времен холодной войны», отмечают ее несоответствие Уставу ООН и указывают на привнесение натовцами «деструктивных факторов в сферу региональной и глобальной безопасности» [3]. Весьма острой критике подвергает «азиатскую версию НАТО» руководство КНДР, называя Североатлантический блок «раковой опухолью», а действия США с союзниками в зоне полуострова – стимулирующими северокорейский силовой ответ [5], что составляет и один из мотивов отказа Пхеньяна от концепции объединения с Югом и форсирования ракетной программы.

В «нейтральных» азиатских странах, где обычно воздерживаются от официальных критических заявлений из-за опасения оказаться «зажатыми» в конфронтации крупных держав, тоже звучит много оценок, согласно которым «в силу недостижимости» западного доминирования натовцам «не советуют» форсировать шаги в АТР, чреватые рисками для регионалов [17]. При этом, что важно, «азиатское большинство» подчеркивает свое нежелание допустить

появления здесь кризиса, сопоставимого с украинским, исходя, как заявляют региональные лидеры, из осознания их ответственности за недопущение новых конфликтов и новых войн. Эти государства – весьма значимая часть Мирового большинства, выступающего за справедливое полицентричное мироустройство в АТР и в глобальном масштабе. А в условиях происходящей на международной арене поляризации сил многие азиатские страны, тяготеющие к авторитетным «центрам притяжения» (к ним можно отнести, в частности, такие системообразующие образования, как АСЕАН, ШОС, БРИКС), твердо противятся попыткам настроить их негативно в отношении Китая и России.

Заключение

В целом в АТР уже функционирует и расширяет свой потенциал совокупность договоренностей США и коллективного Запада с азиатскими партнерами (с возрастающей ролью собственно институтов НАТО), которая задумана как «блоковый противовес» движению к полицентричной архитектуре отношений в АТР в сфере безопасности. Шаги натовцев по этому пути поставлены на программную, долгосрочную основу, и, если судить по развитию текущей повестки, они уже приносят в Азию новые элементы конфронтации и раскола, а также блоковой психологии противостояния. Это чревато – при дальнейшей экстраполяции – сломом сохраняющейся здесь относительной военно-политической стабильности, что, в свою очередь, способно отрицательно воздействовать на комплекс условий для строительства в АТР многополярной архитектуры трансграничных связей.

Вместе с тем вселяет оптимизм общий настрой здоровых сил АТР, составляющих в регионе подавляющее большинство (особенно в его континентальной части), на активное отторжение селективных и блоковых подходов, идущих вразрез с утвердившимся в АТР базисным пониманием основ обеспечения безопасности и развития.

Соответственно, в сложившейся ситуации является весьма актуальным активное продвижение стратегических инициатив России – о формировании

на основе многополярности единой и неделимой системы безопасности Евразии и строительстве Большого евразийского партнерства. Движение по пути их реализация служит противовесом западным блоковым планам, поскольку обозначает программу созидательного взаимодействия, в полной мере отвечающую традициям и реалиям АТР и дающую должный ответ на современные глобальные и региональные вызовы.

Список литературы

1. Декларация Вашингтонского саммита НАТО, Вашингтон, 10.07.2024.
URL: <https://www.nato.int/cps/ru/natohq/227678.htm?selectedLocale=ru> (дата обращения: 22.09.2025)
2. З.Бжезинский «Повестка дня для НАТО», Foreign Affairs, №5, 2009 (перевод см. «Россия в глобальной политике», 12.09.2009). URL: <https://globalaffairs.ru/articles/povestka-dnya-dlya-nato/> (дата обращения: 22.09.2025)
3. Заявление МИД КНР, 24.07.2023 .
URL: <https://www.interfax.ru/world/912923> (дата обращения: 22.09.2025)
4. Заявление по итогам саммита НАТО, Брюссель, 14.06.2021.
URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_185000.htm?selectedLocale=ru (дата обращения: 22.09.2025)
5. Ким Чен Ын обвинил США в создании азиатской версии НАТО. URL: <https://lenta.ru/news/2023/09/28/nato/> (дата обращения: 22.09.2025).
МИД Северной Кореи назвал НАТО раковой опухолью.
URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/6518d3829a79477b6ca7945d> (дата обращения: 22.09.2025)
6. Североатлантический договор от 4.04.1949.
URL: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/official_texts_17120.htm (дата обращения: 22.09.2025)
7. About USINDOPACOM. URL: <https://www.pacom.mil/About-USINDOPACOM/> (дата обращения: 22.09.2025)
8. Agreement between the Government of Japan and the Government of the Italian Republic Concerning Reciprocal Provision of Supplies and Services between the Self-Defense Forces of Japan and the Armed Forces of the Italian Republic, 25.11.2024. URL: <https://www.mofa.go.jp/files/100758800.pdf> (дата обращения: 22.09.2025)
9. Allied Command Transformation (NATO ACT), Strategic Foresight Regional Perspectives Report on the Indo-Pacific. URL: <https://www.act.nato.int/wp-content/uploads/2023/05/regional-perspectives-2022-07-v2-2.pdf> (дата обращения: 22.09.2025)

10. Exchange of Diplomatic Notes for Entry into Force of Japan-UK Reciprocal Access Agreement, Ministry of Foreign Affairs of Japan, Press Release, 15.09.2023. URL: https://www.mofa.go.jp/press/release/press4e_003298.html#:~:text=The%20Japan%20DUK%20RAA%20is,status%20of%20the%20visiting%20force (дата обращения: 22.09.2025)
11. Global Firepower – 2024, Military Strength Ranking. URL: <https://www.globalfirepower.com/countries-listing.php> (дата обращения: 22.09.2025)
12. Japan Today, 6.03.2025. URL: <https://japantoday.com/category/politics/japan-pm-asserts-defence-budget-independence-amid-us-nominee%27s-push-for-higher-spending> (дата обращения: 22.09.2025)
13. Joint Leaders' Statement (Japan, Italy and the UK). URL: <https://www.mofa.go.jp/files/100432107.pdf> (дата обращения: 22.09.2025);
14. National Defence Strategic Review. URL: <https://www.defence.gov.au/about/reviews-inquiries/defence-strategic-review> (дата обращения: 22.09.2025)
15. NATO 2022 Strategic Concept, 29.06.2022. URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2022/6/pdf/290622-strategic-concept.pdf (дата обращения: 22.09.2025)
16. NATO to upgrade ties with Australia, New Zealand, South Korea. Nikkei Asia, 13.06.2023. URL: <https://asia.nikkei.com/Politics/International-relations/Indo-Pacific/NATO-to-upgrade-ties-with-Australia-New-Zealand-South-Korea> (дата обращения: 22.09.2025)
17. The errors of NATO's East Asia engagement, East Asia Forum, 25.08.2023. URL: <https://eastasiaforum.org/2023/08/25/the-errors-of-natos-east-asia-engagement/> (дата обращения: 22.09.2025)
18. Yoon says S. Korea will increase military info-sharing with NATO, Yonhap News Agency, 12.07.2023. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20230712008452315> (дата обращения: 22.09.2025)

Зверева Татьяна Вадимовна

Главный научный сотрудник ИАМП, Дипломатическая академия МИД
России, Москва, Россия, tatyanaazvereva@yandex.ru.

Антипов Даниил Романович,

Магистрант, Дипломатическая академия МИД России, Москва

Daniil R. Antipov

Master's Degree Student, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs
of Russia, Moscow

E-mail: daniil.antipov@icloud.com

СИЛЬНЫЕ И СЛАБЫЕ СТОРОНЫ «ДИПЛОМАТИИ ВЛИЯНИЯ» СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦИИ

STRENGTHS AND WEAKNESSES OF MODERN FRENCH “DIPLOMACY OF INFLUENCE”

Аннотация: в статье проведен анализ инструментов, региональных приоритетов и эффективности «мягкой силы» Франции, именуемой в официальном дискурсе «дипломатией влияния». В хронологическом измерении акцент сделан на администрацию Эммануэля Макрона (с 2017 г. по наши дни) и, в том числе, на меры, предпринимаемые Парижем в рамках реализации «Дорожной карты влияния» 2021 г. и программы «Культурная дипломатия и дипломатия влияния» 2022 г. В ходе исследования поставлена проблема действенности «политики влияния» Франции и причин её успехов и неудач. Выдвинута гипотеза о том, что ряд характерных черт французский «мягкой силы» (многочисленность «агентов», иерархичность структуры, широкая география применения) имеет амбивалентное влияние на её результативность, так как логичным продолжением достоинств французского подхода к реализации «мягкой силы» – конструктивности и всеобъемлющего характера в сущностном и пространственном отношениях – является порой излишняя бюрократизированность аппарата «дипломатии влияния» и «распыление» её сил. Рассмотрен и вопрос несоответствия объемов финансирования амбициозности заявляемых целей «дипломатии влияния», равно как и возможности «мягкой силы» как таковой.

Ключевые слова: «мягкая сила», «дипломатия влияния», Франция, французский язык, внешняя политика.

Abstract: the article centers on the tools, regional priorities, and effectiveness of France's soft power or “diplomacy of influence” as it is referred to in the official discourse. Chronologically, the focus is on Emmanuel Macron's administration (from 2017 to the present day) and, in particular, on the measures taken by Paris to implement the 2021 “Roadmap of Influence” and the 2022 program “Cultural and Influence Diplomacy”. The study raises the issue of the French “influence policy” results and the reasons for its successes and failures. The hypothesis is that a number

of French soft power characteristics (the multiplicity of agents, the structural hierarchy, the wide geography of its application) has an ambivalent effect on its functioning, as the logical continuation of the advantages of the French approach to the implementation of soft power – constructive and comprehensive in essential and spatial terms – is sometimes excessive bureaucratization of “influence diplomacy” and the dispersion of its forces. The major reasons for the French foreign policy failure, notably in Africa, resides in the current French leadership considering the ratio of soft and hard power as dichotomous, giving priority to the former. Besides, the study considers the incoherence between the funding and the ambition of the “influence diplomacy” goals, as well as the soft power possibilities as such.

Key words: soft power, “diplomacy of influence”, France, French language, foreign policy.

Введение

Одна из тенденций процесса становления нового мирового порядка – активизация конкуренции за сферы влияния между основными игроками на глобальном и региональном уровне. Инструментарий, применяемый государствами для расширения своего влияния, поистине велик и представляет собой не только традиционные средства военно-политического подавления, но и более сложные рычаги непрямого экономического, культурного и идейно-ценностного воздействия, одной из теоретизаций которого является концепция «мягкой силы». Франция по праву считается одним из её главных адептов, о чем свидетельствует стабильное пребывание республики на лидирующих позициях в рейтингах, составленных видными в этой области международно-аналитическими агентствами. Так, в исследованиях Global Soft Power Index консалтинговой компании Brand Finance на протяжении последних лет Франция стабильно занимает шестое место, уступая лишь США, Великобритании, Китаю, Японии и Германии [13], а рейтинг The Soft Power 30 компании Portland, специализирующейся на стратегических коммуникациях, даже присуждал стране первое место в 2017 и 2019 гг. [25]. В связи с этим анализ опыта, специфики и эффективности французской политики «мягкой силы» представляет научный интерес.

Отдельные аспекты реализации «дипломатии влияния» Франции довольно подробно изучены в отечественной и зарубежной научной

литературе. Обратим внимание на некоторые труды. Так, в коллективной монографии ИЕ РАН «“Мягкая сила” в Черноморско-Средиземноморском регионе» 2023 г. [5] одна из глав за авторством Наджарова А.М., Давранова С.Б. и Ерёмина Д.П. посвящена анализу образовательной политики Франции в странах Ближнего Востока, Северной Африки, Южного Кавказа и Западных Балкан. Проблема «революционного» преобразования французской экономической дипломатии, которая также является частью «политики влияния», исследована в статье Райнхардта Р.О. «Экономическая дипломатия Франции на современном этапе», вышедшей в сборнике ИЕ РАН «Современная Европа: 60 лет после Римских договоров. Ч. I» [7]. Схожая тема разрабатывается в статье французского исследователя Гийома Берла «Мираж “экономической дипломатии”. Дань уважения настоящего прошлому», опубликованной во Французском ежегоднике по международным отношениям в 2018 г. [10]. Языковая политика, проводимая современной Францией в рамках организации Франкофонии, изучена в статье Стрельцовой Я.Р. «Франкофония: новые подходы Эммануэля Макрона» в журнале ИМЭМО РАН [8]. Серьезная попытка структурировать деятельность основных инструментов «мягкой силы» Франции предпринята Беляевым С. и Макаровой И. в аналитической статье для РСМД «Инструментарий культурно-гуманитарного влияния Французской республики за рубежом» [2]. В то же время выбранная тематика все еще требует обобщения имеющегося эмпирического материала и анализа непосредственно сильных и слабых сторон «дипломатии влияния» Франции.

Администрация Эммануэля Макрона акцентирует максимум внимания на реализации политики «мягкой силы» в противовес «архаичным» методам реалполитик [1, с. 192-193]. Концептуальные положения французской политики влияния изложены в «Дорожной карте влияния», представленной 14 декабря 2021 г. тогдашним министром иностранных дел Жан-Ивом Ле Дрианом. По его мнению, культурная и образовательная дипломатия – не просто красивая ширма, но практически значимая составляющая

разворачивающейся международной конкуренции образцов для подражания, и поэтому она должна быть в центре внешней политики страны. Франция может предложить свой национальный и европейский путь в качестве модели формирования «нового гуманизма», в котором нуждается мир для преодоления технологических, экологических и геополитических вызовов XXI века. Среди напутствий министра выделяется рекомендация действовать более наступательно, ориентируясь в первую очередь на молодежь с целью воспитания нового поколения франкофилов [29]. Дорожная карта провозглашает, что отныне страны ищут не столько союзников, сколько друзей. Поясним, что это предполагает выстраивание более плотных связей, основанных в первую очередь не на выгоде, а на идейной близости и взаимном доверии. Все большее внимание уделяется взаимодействию с гражданским обществом в широком смысле: с НПО, ТНК, СМИ, местными органами власти, фондами, аналитическими центрами, оказывающими все большее влияние на международную жизнь [22, с. 7-9]. Рассмотрим непосредственный инструментарий французской «мягкой силы».

Субординация и структурная разветвленность как преимущество французской «дипломатии влияния»

Система государственного управления в Пятой республике характеризуется преобладанием этатизма: значительной ролью правительственных органов и бюрократии, выстроенной вертикалью власти. Это же относится и к структурам «политики влияния». Общее руководство возложено на Генеральный департамент МИД по глобализации (*La direction générale de la mondialisation*) [15], который помогает координировать меры по повышению международной привлекательности Франции, обеспечивает стратегическое руководство Французским агентством по развитию (*Agence française de développement, AFD*) и его дочерними структурами, участвует в осуществлении экономической дипломатии, следит за международной деятельностью организаций гражданского общества и реализацией волонтерских программ за рубежом [22, с. 9]. В практической плоскости

департамент координирует действия с советниками французских посольств по сотрудничеству и культурной работе. Последние по совместительству возглавляют местные филиалы другой важной структуры «мягкой силы» – Французского института [2]. Пятая республика опирается на широкую сеть разноплановых организаций, подведомственных как министерству иностранных дел, так и другим профильным министерствам (культуры, государственного образования, высшего образования и научных исследований, экономики и финансов). «На земле» действуют и различные операторы и партнеры МИД.

Первостепенное внимание уделяется языковой составляющей «мягкой силы». Руководство страны заинтересовано в увеличении числа франкофонов и, соответственно, реципиентов информации на французском языке. Непосредственной задачей является удвоение к 2030 г. числа обучающихся во французских образовательных учреждениях за рубежом. Над этим работает Международная федерация преподавателей французского языка (*Fédération internationale des professeurs de français, FIPF*), включающая в себя 200 ассоциаций в более чем 120 странах. Существует и специальная образовательная платформа (*France Éducation, FRED*), доступная на шести языках [22, с. 4-5].

Безусловно, образчик лингвистического аспекта «политики влияния» – межправительственная организация Франкофонии, включающая в себя Постоянный совет, Конференцию министров, Парламентскую ассамблею, университетское агентство, канал TV5 Monde, Международную ассоциацию франкоязычных мэров (*Association internationale des maires francophones, AIMF*) и Университет Сенгор в Александрии. 20 марта 2018 г. в ходе празднований Международного дня Франкофонии Эммануэль Макрон изложил цели новой политики Франции на этом направлении: отойти от «франкоцентризма», чтобы в большей степени учитывать многообразие франкоязычного мира, покончить с пережитками колониальной эпохи, когда французский язык был лишь проводником интересов Франции, и отдать

предпочтение принципу мультилатерализма [8, с. 30]. По итогам саммитов организация принимает стратегии, касающиеся разных сфер международной жизни. Так, 4-5 октября 2024 г. Франция впервые за 33 года приняла саммит Франкофонии, на котором главы государств и правительств подписали декларацию, подтверждающую их приверженность французскому языку как «языку обучения, общения, развития, передачи информации, обмена, созидания, возможностей, языку переговоров на международных форумах», а также самой организации как «привилегированному пространству для диалога» [16].

В сфере просвещения и молодежной политики оперируют французские школы и лицеи за границей, Агентство по французскому образованию за рубежом (Agence pour l'enseignement français à l'étranger, AEFÉ) (600 заведений в 138 странах), нацеленное на обучение детей французских граждан, и Французская светская миссия (Mission laïque française), преподавание в которой также проводится по французским программам (108 учреждений). В области высшего образования и науки действует 27 Французских исследовательских института за рубежом (Instituts français de recherche à l'étranger) в 34 странах, где реализуется сотрудничество с местными социально-гуманитарными институтами, и агентство Campus France, имеющее филиалы в 134 странах и оказывающий информационно-консультационные услуги иностранным студентам, исследователям или экспертам, стремящимся во Францию. Также к данному направлению относятся волонтерские организации, вроде France Volontaires [22, с. 24-27]. В вопросе получения университетского образования наиболее важна программа «Добро пожаловать во Францию» (Bienvenue en France), объявленная в ноябре 2018 г. Её цель – привлекать в страну лучших обучающихся, дабы формировать политическую, экономическую и научную элиту завтрашнего дня. Для участников программы предусмотрено упрощенное получение виз и видов на жительство, усиленное изучение французского и английского языков, различные льготы и стипендии [41, с. 5, 23]. Схожи и перспективы участия в программе «Паспорт таланта»,

которая позволяет квалифицированным работникам, особенно из инновационных сфер, а также исследователям, бизнесменам, инвесторам и представителям художественных профессий получить многолетний вид на жительство во Франции [39]. В научной области внимания заслуживают более 150 французских археологических миссий на пяти континентах [34]. Таким образом, образовательная и молодежная составляющая политики влияния распространяется на представителей весьма широкого возрастного кластера, что, безусловно, является сильной стороной французской «мягкой силы».

Политика Франции в области культурного сотрудничества строится вокруг двух основных направлений: усиление интеллектуального и культурного влияния и создание структурной основы для отраслей творческой индустрии. Для этого в 2010 г. в ходе реформы министра иностранных дел Бернара Кушнера был создан Французский институт – «витрина культурного присутствия Франции в той или иной стране» [5, с. 81], которая продвигает французскую культуру и французский язык во всем мире, проводит перекрестные сезоны культуры с более 60 странами-партнерами, организует гастроли артистов, обучает иностранных специалистов и с недавних пор обеспечивает подготовку и повышение квалификации дипломатов в области культуры. Ему оказывает помощь фонд Альянс Франсез (Fondation des Alliances françaises), состоящий из 829 организаций в 135 странах мира [23]. В отличие от Французского института, представительства фонда за рубежом зарегистрированы по национальному законодательству как общественные организации [2], что юридически облегчает их деятельность и, следовательно, продуктивно влияет на усиление французского влияния.

Помимо этого, Франция занимается развитием индустрий культуры и творчества (Les industries culturelles et créatives, ICC), помощью в создании, и распространении товаров и услуг, имеющих культурное, художественное или историческое содержание. Для этого существуют организации Unifrance в сфере кино и аудиовизуальных программ, Международное бюро французского издательства (Bureau international de l'édition française, BIEF),

Ассоциация международного распространения франкоязычных книг, произведений и журналов (Association pour la Diffusion Internationale Francophone de Livres, Ouvrages et Revues, ADIFLOR), Национальный центр музыки (Centre National de la Musique, CNM), Ассоциация французских архитекторов, работающих за границей (Association des Architectes français à l'export) и даже Национальный профсоюз видеоигр (Syndicat National du jeu Vidéo) [22, с. 26-27].

Туристическая привлекательность – также достояние и рычаг политики влияния Франции, поэтому неотъемлемой частью её «мягкой силы» является интернационализация музеев и проведение мероприятий, подобных «Вкусу Франции» (Goût de France), проводимого с 2015 г. для популяризации французской кухни и продуктов питания [41, с. 9]. С этим направлением даже связывают новый термин «гастродипломатия» [10, с. 380], хотя его релевантность и неоднозначна. Одно из наиболее заметных в глобальном масштабе мероприятий – Олимпийские игры 2024 г., которые министр-делегат по вопросам торговли и туризма Франции Оливия Грегуар назвала «экономическим и туристическим успехом». С точки зрения «мягкой силы» этот вывод верен, так как более 1,6 млн. иностранцев посетили Олимпиаду [6].

«Политика влияния» в сфере устойчивого и солидарного развития касается вопросов здравоохранения, равенства мужчин и женщин, климата и биоразнообразия, борьбы против неравенства, экономического развития и поддержки частного сектора и прав человека. В этом направлении работает сеть советников по культурному сотрудничеству и подразделения AFD: Proparco (85 представительств в 115 странах), выделяющее гранты на развитие, и консультативное агентство Expertise France, в особенности специализирующееся на развивающихся странах; Центр международного сотрудничества в области сельскохозяйственных исследований в целях развития (Centre de coopération internationale en recherche agronomique pour le développement, CIRAD), ответственный за достижение и распространение новых знаний, полезных для фермерства в тропических и средиземноморских

регионах, равно как изучающий глобальные проблемы агрономии; Научно-исследовательский институт развития (Institut de recherche pour le développement, IRD), имеющий цель понять эволюцию обществ и сохранить окружающую среду и ресурсы стран Юга [22, с. 25-27].

В апреле 2020 г. Франция инициировала создание АСТ-А – COVAX – инновационного глобального сотрудничества для борьбы с пандемией Covid-19 и обеспечения равного доступа населения планеты к необходимым медикаментам, для чего французская сторона на безвозмездной основе поставляла вакцины некоторым странам Африки, а также работала над созданием в них собственных производственных мощностей, что свидетельствовало о её глубокой заинтересованности в развитии «дипломатии вакцин». Международное сотрудничество в области здравоохранения не ново для Франции – второго по величине донора Глобального фонда для борьбы со СПИДом, туберкулезом и малярией, конференция по поддержке которого прошла в Париже в октябре 2019 г. [Там же, с. 35-45].

В борьбе с изменением климата Франция также находится в авангарде, продвигая программу стипендий ученых-климатологов «Сделаем нашу планету зеленой снова». В декабре 2017 г. в Париже был запущен ежегодный Саммит одной планеты (One Planet Summit), направленный на выработку конкретных решений в интересах климата и природы с участием основных международных субъектов. 9-13 июня 2025 г. планируется проведение в Ницце Конференции ООН по океану. Проблемами устойчивого развития занимается и Парижский форум мира, на полях которого обсуждения, как правило, не доходят до непосредственного разрешения военных конфликтов, что, в прочем, и не относится к «мягкой силе». По проблеме межгендерных отношений в июле 2020 г. учредили Фонд поддержки феминистических организаций в странах Юга (Le Fonds de soutien aux organisations féministes du Sud, FSOF). Кроме того, в июне 2021 г. в Париже под эгидой ООН был создан Форум поколения равенства, работа которого включала выделение инвестиций на цели защиты прав женщин [Там же].

Что касается французских государственных СМИ, то они провозглашают стремление предоставлять доступную, свободную, плюралистичную и качественную информацию, борясь с манипуляциями и риторикой ненависти в инфопространстве. К ним относится холдинг France Médias Monde, ведущий трансляцию на 20 языках в 189 странах. В него входит France 24, Radio France Internationale (RFI), Радио Monte Carlo Doualiya, Агентство по развитию и экспертизе СМИ (Agence de développement et d'expertise médias, CFI) и TV5 Monde, вещающий на французском с субтитрами на 13 языках [Там же]. Второй государственный холдинг, Франс Телевизьон, включает в свой состав Canal France International, центральный провайдера французских телевизионных программ, передач и фильмов для государственных и частных телевещательных корпораций в странах Африки, Средиземноморья, Балкан, Кавказа, Центральной, Восточной Европы и Азии (всего 85 стран). Имеется и группа частных компаний Canal+, мажоритарный акционер ряда зарубежных телеканалов, например, нигерийских. В сфере же печати информационная политика в значительной степени определяется агентством France-Presse (AFP) [2].

В профильных документах «политика влияния» рассматривается вместе с экономической дипломатией. Французское экспертное сообщество ведет начало этого феномена с 2012 г., когда министром иностранных дел был Лоран Фабиус, не отделявший экономическое влияние от образовательного и культурного [28, с. 46]. Эммануэль Макрон также называет экономику неоспоримо главным источником привлекательности страны [10, с. 377-382].

Так, продвижение французских технологий вверено сообществу French Tech, представляющему собой сеть из 17 «столиц», 31 сообществ во Франции и 66 сообществ за границей. Поддержкой предприятий занимается группа Team France Export, покрывающая сотню стран; Торгово-промышленная палата (Chambre de commerce et d'industrie, CCI) и советники по внешней торговле Франции (Conseillers du commerce extérieur de la France, CCEF). В области создания благоприятного климата для инвестиций и поддержки малых

предприятий заметен ежегодный саммит «Выбери Францию» (Sommet Choose France), а также компании Team France Invest и Business France. Последняя образована путем слияния экспортного агентства Ubifrance и французского агентства по международным инвестициям. Ключевым агрегатором интересов бизнеса являются Движения предпринимателей Франции (Mouvement des entreprises de France, MEDEF), которые поддерживают диалог со всеми субъектами гражданского общества и лицами, принимающими решения, чтобы способствовать лучшему пониманию ограничений и сильных сторон компаний в целях увеличения рабочих мест и устойчивого развития [12, с. 609-611]. Сферой туризма ведают Promotion touristique и Atout France с областью деятельности более чем в 70 странах [22, с. 44-46]. Таким образом, политика «мягкой силы» Франции располагает иерархичными структурами, действующими в сфере продвижения французского языка, образования, молодежной политики, культуры, устойчивого и солидарного развития, СМИ и экономики, что делает её поистине всеохватывающей.

Широкая география реализации «дипломатии влияния»: возможности и осложнения

Для формирования полноценного представления о дипломатии влияния Пятой республики необходимо не только изучить институциональный аспект, но и проанализировать деятельность этих структур в странах и регионах, на которые направлена эта политика. Как провозгласила в программной речи 21 июля 2022 г. министр иностранных дел Катрин Колонна, французское превосходство должно распространяться по всему миру, куда только есть возможность дотянуться [17]. Разберем каждое из основных региональных направлений отдельно.

Африка южнее Сахары является традиционной сферой влияния Франции. В то же время характер отношений между бывшими колониями и метрополией с годами меняется. В первый год президентства, 28 ноября 2017 г. Эммануэль Макрон произнес программную речь в университете Уагадугу, в которой изложил свое видение отношений с Африкой. Выступление было

начато весьма смелым заявлением: «Больше не существует африканской политики Франции» [19]. Под этим подразумевалось, что вместо прежнего весьма узкого направления внешней политики национального государства, сконцентрированного на поддержке дружественных ему режимов, будет сформулирована принципиально новая программа, подразумевающая кооперацию со всеми странами континента на основе равноправного и дружеского партнерства.

Одновременно с этим предлагалось начать преодолевать постколониальные барьеры, как, например, разделение по языковому признаку, и перейти к кооперации в формате не Франция-Африка, а ЕС-Африканский союз, отдав часть полномочий наднациональным институтам. Основными темами диалога должны были стать борьба с изменением климата, демография (в частности, решение проблемы неконтролируемой рождаемости без учета воли женщины), урбанизация, демократизация, предотвращение нелегальной миграции, борьба с терроризмом и религиозным экстремизмом, молодежная образовательная политика и смена характера инвестиций в экономику (вместо спонсирования африканских государственных структур предлагалось более «точечно» работать с непосредственными получателями финансирования: студентами, НПО, ассоциациями, предприятиями и т.д.). В последнем вопросе предлагалось опираться на идеи и опыт французских адептов устойчивого развития Жан-Мишеля Северино и Реми Риу [Там же].

Важнейшее отличие Э. Макрона от его предшественников заключается в том, что он предпринял непосредственные действия, чтобы демонтировать «Франсафрик». В дискурсивном измерении вместо идеологически ангажированного термина в политический обиход вошло понятие «Африк-Франс», также с 2018 г. проводятся форумы Business France Ambition Africa, на которых звучат обобщенные постулаты новой политики. По итогам саммита 8 октября 2021 г. в Монпелье были отмечены ключевые аспекты деятельности: 1) признание «тяжелой и обременительной ответственности Франции» за поддержку руандийского режима Жюневала Хабьяримана,

гибель которого спровоцировала геноцид тутси. К слову, в речи 27 мая 2021 г. Э. Макрон отметил, что Франция не была соучастницей чисток, не запятнала чести своего оружия, однако причинила народу Руанды много страданий, замалчивая правду [18]; 2) совместная работа в области здравоохранения: производство вакцин, борьба со СПИДом, туберкулезом и малярией; 3) партнерство в области образования: в 2021 г. удвоено число курсов обучения с двойными франко-африканскими дипломами; 4) охрана окружающей среды, борьба с изменением климата и сохранение биоразнообразия; 5) достижение гендерного равенства: в 2019 г. Франция запустила инициативу AFAWA по развитию женского предпринимательства в Африке; 6) молодежная политика: программа «Общие таланты», направленная на обеспечение мобильности молодых специалистов из Франции в Африку для работы в управлении, запуск в 2020 г. программы «Спорт для всех»; 7) предпринимательство: частный сектор за 5 лет получил 2,5 млрд. евро; 8) культура: в 2022 г. была проведена выставка «Пикассо в Дакаре»; 9) развитие демократии и институтов гражданского общества [31].

Символическое значение имело и принятие 24 декабря 2020 г. закона о реституции Бенину в 2020 г. 26 реликвий, вывезенных в метрополию в колониальные времена, и Сенегалу – исторически ценной сабли [36]. Предварительно в 2018 г. французский историк Бенедикт Савуа и сенегальский экономист Фелвин Сарр провели экспертизу, доказав, что предметы попали во Францию нелегально [31]. В конце 2023 г. президентская коалиция попыталась провести через парламент Закон о реституции культурных ценностей, похищенных за рубежом, однако оппозиции удалось его заблокировать. Вскоре после этого Макрон воспользовался своими широкими внешнеполитическими полномочиями и принял участие в другой инициативе. 19 января 2024 г. в Берлине на три года был учрежден фонд финансирования исследований происхождения объектов культурного наследия Африки в коллекциях музеев Германии и Франции размером в 2,1 млн. евро. Особое внимание предполагается уделить Того и Камеруну,

колонизированным обеими европейскими державами [38]. Все эти меры свидетельствуют о действительном изменении характера отношений Франции и Африки.

Экономическое присутствие Франции в африканских странах обеспечивается через африканские центры MEDEF, Совет инвесторов в Африке (Conseil français des investisseurs en Afrique, CIAN) и национальные, региональными или субрегиональными офисы Business France. К последним относится центральноафриканский офис в Яунде, западноафриканский в Абиджане, восточноафриканский в Найроби и, наконец, южноафриканский в Йоханнесбурге [12, с. 610].

Что касается других регионов, то благодаря географической и исторической близости, а также демографическому фактору остаются прочными связи Франции со средиземноморскими и арабскими странами. Степень реализации «мягкой силы» там очень высока. Так, в Марокко и в Ливане находится самое большое количество французских лицеев. В октябре 2020 г. Э. Макрон объявил создание Французского института исламологии. Весьма ярко проявляется партнерство Франции с монархиями Персидского залива. В декабре 2016 года по инициативе Франции и ОАЭ был создан Международный альянс по защите наследия в зонах конфликтов (Alliance internationale pour la protection du patrimoine dans les zones de conflit, ALIPH). Деятельность альянса реализуется во многих мусульманских странах, в том числе в старом городе Мосула в Ираке. В 2017 г. плодом сотрудничества музеев Франции и ОАЭ стало создание комплекса Лувр-Абу-Даби – «символа толерантности и диалога культур» с лицензией на организацию выставок до 2047 г. В 2018 г. с Саудовской Аравией было подписано соглашение о развитии культурной и туристической зоны Аль-Ула. Проект мобилизует лучших французских операторов в области туризма и культуры для развития потенциала региона. По случаю визита Эммануэля Макрона в страну в декабре 2021 года было подписано соглашение о создании виллы Хегра, в которой разместятся французский культурный институт и учебный центр [22, с. 49].

Индо-Тихоокеанский регион тоже во многом является «родным» для Франции: в нем располагается большая часть её заморских территорий. Интерес страны там носит разносторонний характер. В рамках своей экономической дипломатии республика придерживается концепции свободного и открытого ИТР [Там же, с. 48-49]. Так, Индо-Тихоокеанская стратегия Франции, принятая в феврале 2022 г., отмечает, что приоритетными направлениями деятельности AFD в регионе являются борьба с изменением климата и поддержка «синей» экономики, то есть межотраслевого комплекса действий по бережной эксплуатации, сохранению и регенерации морской среды для устойчивого развития [24, с. 28-29].

Вместе с тем экономика – далеко не единственная составляющая «политики влияния» Франции в ИТР. Серьезное преимущество Пятой республики по сравнению с другими крупными внешними акторами – наличие образовательных аванпостов непосредственно в регионе: университетов на Реюньоне, в Новой Каледонии и Французской Полинезии. В целом на этом огромном пространстве действуют 95 французских образовательных организаций. В силу высокой мобильности обучающихся в Азии планируется расширить платформу «Обучение во Франции» (Études en France) на Малайзию, Камбоджу и Таиланд. Более того, постепенно внедряется система «тройных степеней», которая предполагает тесное университетское партнерство между Францией, наиболее развитыми странами региона (Республикой Кореей, Японией и Австралией) и Тайванем, а также государствами с высоким потенциалом (членами АСЕАН и островными тихоокеанскими государствами). Также расширяется сеть филиалов ведущих французских ВУЗов, к примеру, Института моды ESMOD, Академии информационных технологий École 42, Кулинарной академии Cordon Bleu и Школы гостиничного обучения Vatel. Планируется создание региональных центров French excellence для выделения стипендий, а также разработка программы «Молодые таланты Франции и Индо-Тихоокеанского региона» [Там же, с. 32-33].

Влияние Франции также усиливается благодаря сотрудничеству со стратегическими партнерами: Индией, Японией (франко-японская дорожная карта 2020 г. в области здравоохранения), Австралией (дорожная карта 2021 г. в области науки и инноваций, ориентированная на здравоохранение, энергетику, окружающую среду, космос и «индустрию четвертой промышленной революции»), Индонезией и Сингапуром. Франция располагает сетью исследовательских организаций, к которым относятся Национальный центр научных исследований (Centre National de la Recherche Scientifique, CNRS), Институт Пастера, Национальный институт здравоохранения и медицинских исследований (Institut national de la santé et de la recherche médicale, INSERM), Французский институт освоения моря (Institut Français de Recherche pour l'Exploitation de la Mer, IFREMER), упомянутые выше IRD и CIRAD и Совместные подразделения французских исследовательских институтов за рубежом (Unités mixtes des instituts français de recherche à l'étranger, UMIFRE) [Там же, с. 33-34].

Хотя в числе региональных приоритетов «политики влияния» Франции Катрин Колонна ставила Европу на первое место, в отношении своих ближайших союзников Париж реализует скорее большой план евроинтеграции, чем непосредственно стратегию «мягкой силы». Это логично, ведь, в конечном счете, в рамках обозначившихся границ демократического мира [20, с. 205-235] противостояние держав за влияние практически нивелируется, уступая место рыночной конкуренции, а благодаря общему идейному и в более широком смысле – цивилизационному базису особой необходимости в разьяснении преимуществ такой кооперации нет, поэтому мягкая, как и любая другая сила, необходима там далеко не в такой степени, как в зонах столкновения интересов и влияний. В то же время дивиденды от создания хорошего имиджа своей страны через «мягкую силу» могут носить и приземленный, материально-финансовый, а иногда и просто общегуманитарный характер. Поэтому Франция развивает имеющиеся культурные связи со своими партнерами по ЕС.

Так, из пяти французских школ, учреждений научного, культурного и профессионального образования, которые дополняют французские научно-исследовательские институты за границей, три находятся в Европе: в Мадриде, Афинах и Риме [2]. Также европейское измерение «мягкой силы» Франции предполагает «опору на Европу в интересах Европы» [29], что шире узконациональных интенций. Именно в этом контексте реализуется один из приоритетных проектов Ахенского договора между Францией и ФРГ – создание франко-германских культурных институтов (Instituts culturels franco-allemands, ICFA). Первое такое учреждение было открыто в Палермо в 2021 г. Планируется создание еще 9 институтов, призванных укрепить сеть сотрудничества и культурной деятельности Франции и Германии за пределами ЕС [35].

Совместно с Великобританией реализуется программа «Lumière !», позволяющая талантливым деятелям культуры и науки из Франции проживать в Соединенном Королевстве. Помимо французского посольства в Лондоне партнерами программы являются британский и шотландский Институты изучения Франции и французский дом в Оксфорде [42]. К слову, планируется реализация аналогичной программы совместно с Австралией [17].

Трансатлантическое культурное партнерство также немаловажно для Франции, ведь США, родина Голливуда и крупнейших транснациональных корпораций в творческой индустрии – беспрецедентный лидер «трендов». Главным двусторонним проектом является Вилла Альбертина, представляющая собой десять резиденций-выставок на территории США, каждая из которых посвящена определенной теме: архитектуре, музыке и т.д. – и которые вместе призваны укрепить французское присутствие в Штатах и донести до американцев культурное мировоззрение французов [22, с. 50].

Менее распространены инструменты «мягкой силы» Франции в периферийных для республики районах. В то же время эскалация международного противостояния ведет к схватке за зоны влияния именно в таких ранее политически малозаметных местностях. Так, в Программе

«Культурная дипломатия и дипломатия влияния», также именуемой программа 185, Кавказ и Центральная Азия названы «менее традиционными зонами французского влияния» [41, с. 4-6], что само по себе означает интерес Франции к ним. На современном этапе во внешней политике в Центральной Азии Франция все больше делает акцент на прагматическом экономическом сотрудничестве, преимущественно с Казахстаном и Узбекистаном, оставляя вопросы прав человека и развития принципов демократии на втором плане [3, с. 56]. Французские образовательные и культурные институты широко представлены в Грузии, Азербайджане и Армении [5, с. 87-92]. Последняя также входит в организацию Франкофонии. В 2018 г. Армения принимала её саммит, а в 2027 г. примет Игры Франкофонии. В то же время региональные процессы, характеризующиеся противостоянием крупных акторов и конкуренцией их «цивилизационных проектов» [Там же, с. 81], осложняют обретение Францией там лидерских позиций.

Проблема эффективности «мягкой силы» и её применения во внешней политике Франции

Хотя об успехах «политики влияния» свидетельствуют количественные данные роста числа обучающихся во французских заведениях и увеличения государственных капиталовложений, на что акцентирует внимание французское руководство, стремящееся повысить эффективность как экономической, так и культурной дипломатии, само определение критериев оценки работы институтов французского влияния - государственных учреждений, частных компаний и других агентов – остается проблемным [10, с. 388]. Куда более важно то, что, пока количество не переходит в качество в практически осязаемой и созерцаемой области, «мягкая сила» Франции сталкивается с вызовами, сдержать натиск которых ей не удастся.

С гуманистических позиций «мягкая сила» вполне может рассматриваться как самоцель, ведь благодаря ей сотни тысяч людей из далеко не благоприятных для жизни стран обретают доступ к качественному образованию и медицине, возможность получать альтернативную

информацию и реализовывать свой потенциал. Учитывая, что в паре реалполитик-идеалполитик (интерес-ценности) нынешний французский истеблишмент, по крайней мере дискурсивно, отдает приоритет универсальным ценностям [Там же, с. 389], проведение политики «мягкой силы» можно рассматривать как соответствующее декларируемым идеалам. Однако, с точки зрения политического реализма, многие положения которого сохраняют актуальность в условиях схватки за международное влияние, это, увы, не имеет решающего значения. Сейчас многие эксперты сходятся на мнении, что «мягкая сила» играет скорее дополняющую роль и имеет в лучшем случае отложенный эффект, чем обладает весомым, результативным и самостоятельным влиянием [4, с. 18]. Культура и влияние остаются отдельными реальностями, взаимодействие которых на дипломатическом поприще не очень хорошо просматривается [28, с. 44].

Другая проблема «мягкой силы» Франции носит материально-финансовый характер, и это отмечено на государственном уровне. В докладе, подготовленном по мотивам принятия бюджета 2023 г., комиссия Сената по иностранным делам и обороне утверждала, что средства, выделяемые на «дипломатию влияния», не пропорциональны амбициям, которые ей приписывают, и должны быть увеличены, дабы покрывать хотя бы расходы её структур. В частности, отмечена недостаточность финансирования Campus France, перед которым стоит задача удвоить количество стипендий. Также парламентарии полагают, что цель увеличить число учащихся во французских учреждениях за рубежом в два раза к 2030 г. недостижима, и вместе с тем предостерегают исполнительную ветвь от необоснованного увеличения числа таких заведений, влекущего за собой излишнюю конкуренцию. Сенаторы отметили и другие факторы, определяющие скромность достижений «политики влияния»: чрезмерная сложность системы высшего образования для иностранцев (сосуществование университетов, высших школ, прикладных школ и пр.), проблемы с жильем и получением виз, малое количество программ на английском языке [37]. Руководство Франции поначалу пыталось

решить проблему недостаточности финансирования, и в бюджете 2024 г. затраты на программу 185 были увеличены на 50 млн. евро, составив 721,1 млн. евро [32]. Однако рост расходов на «мягкую силу» так и не стал трендом, и уже в 2025 г. министерство планирует сократить финансирование программы 185 на 45 млн. евро [14]. Следовательно, проблема остается актуальной.

Наиболее заметны осложнения в проведении «политики влияния» Франции на африканском направлении. Это связано с положением Африки как арены конкуренции крупных держав. В Евроатлантике и Индо-Тихоокеанском регионе Париж имеет иные цели и действует в геополитическом контексте, отличном от африканского. Кавказ и Центральная Азия, хотя и схожи с Африкой с точки зрения столкновения там интересов больших игроков, пока не являются приоритетным вектором внешней политики Франции. В Африке, напротив, французские ставки на «дипломатию влияния» высоки во всех смыслах. Эммануэль Макрон полностью сломил курс предшественников на пассивное поддержание «Франсафрик», отдав предпочтение созданию образа президента-предпринимателя, стремящегося к равноправному партнерству и использующего инструменты «мягкой силы». Однако в совокупности эти меры были восприняты не в качестве широкого жеста уважения и торжества справедливости, а скорее как признак слабости.

Несмотря на череду антифранцузских путчей в Мали и Буркина-Фасо, первый сигнал неудачи африканской политики, президент Макрон не свернул с выбранного пути, и 28 февраля 2023 г., в преддверии большого турне по Центральной Африке, заявил, что многие хотели бы втянуть республику в новую борьбу за Африку, побудить её снова начать демонстрировать силу, что, по его мнению, является анахронизмом [33]. Военное присутствие Франции в Африке было сокращено и реорганизовано, и 26-27 июля 2023 г. в Нигере случился новый государственный переворот. Позже, в ноябре-декабре 2024 г. Чад, Сенегал и Кот-д'Ивуар пересмотрели свое военное партнерство с Францией, а 23 января 2025 г. Кристоф Лемуан, представитель МИД Франции,

выдвинул, по сути, новый девиз африканской политики: «Меньше баз, больше школ» [21]. Тотальный отказ администрации Эммануэля Макрона от политики по поддержанию военно-политического влияния в Африке в пользу инструментов «мягкой силы» лишь ускорил кризисные процессы в отношениях Франции с бывшими колониями.

Основная причина относительно малой эффективности средств «мягкой силы» имеет сложный характер. Французское руководство, как, впрочем, и большая часть политического истеблишмента западных стран, продолжает придерживаться мнения об универсальном принятии неоспоримых для них методов ведения политической борьбы. Многие демократические лидеры воспринимают автократии, на которые в большинстве случаев и направлена «мягкая сила», сквозь призму своих идеалов и норм, судят по себе, недооценивая действенность жестких мер, принимаемых в этих регионах. Например, альтернативные, оппозиционные, а порой и диссидентские африканские СМИ, поддержанные Францией, ЕС, ЮНЕСКО или организацией Франкофонии, сталкиваются с цензурой со стороны местных властей, тогда как проправительственные медиа, спонсируемые, например, Китаем, чувствуют себя куда более уверенно [26, с. 941-953]. В условиях отсутствия свободы слова влияние независимых СМИ нивелируется. В итоге та мессианская роль, которую и по сей день сохраняет за собой Франция как родина прав человека, критического мышления (Рене Декарта) и страна Просвещения, становится для неё «бременем белого человека», ещё более тяжелым из-за упадка неоколониальных институтов, ранее обеспечивающих обмен «благ цивилизации» на ресурсы и влияние.

В то же время новые внешние силы активно закрепляются на африканском континенте. В экономическом отношении намного сильнее в Африке проявляет себя Китай. Если в 2000 г. он занимал первую позицию в списках источников импорта лишь четырех стран (Судана, Гамбии, Бенина и Джибути – и только последние две входили в зону Франсафрик), а Франция лидировала по этому показателю во всех государствах системы, то к 2020 г.

сложилась диаметрально противоположная ситуация, при которой уже Пятая республика довольствовалась лидерством всего в 6 странах (Тунис, Сенегал, Буркина Фасо, Габон и ЦАР), а КНР завоевала рынки практически всей Африки, не только догнав, но и сильно перегнав своего европейского конкурента [27]. Также за двадцать лет доля Франции на экспортном рынке Африки сократилась с 15% до 7%, а доля Поднебесной – возросла примерно с 6% до 27%. В абсолютном исчислении цифры возросли у обеих держав, но в разной мере: французские показатели удвоились, достигнув примерно 30 млрд. евро, а китайские – увеличились в двадцать (!) раз и составили 111 млрд. евро [11]. Также по данным на 2022 г. Китай реализует широкие инвестиции в экономики африканских стран (более 80 млрд. долл. прямых инвестиций и 150 млрд. долл. кредитов), тогда как Франция может похвастаться меньшими по объемам, хотя и концентрированными локальными инвестициям непосредственно в регион Западной и отчасти Центральной Африки (от 5 до 10 млрд. евро в Анголе и Нигерии и от 1 до 5 млрд. евро в Сенегале и Кот-д'Ивуаре) [9, с. 35-36].

Упоминания заслуживает и фактор влияния российских СМИ, деятельность которых в Африке расценивается Парижем как антифранцузская. В 2020 г. Франция предприняла попытку противостоять онлайн-кампаниям по дезинформации в ЦАР и Мали с помощью поддельных аккаунтов в Facebook, однако это начинание провалилось. Было создано и подразделение МИД Франции для выявления фейков и обеспечения поддержки французских госслужащих, реагирующих на них, однако и это не принесло результатов [30]. Одной из задач визита 15 июля 2022 г. в Нигер министра иностранных дел Катрин Колонна и министра обороны Себастьяна Лекорню была именно оценка потенциала Франции в противодействии фейковым новостям [17]. По всей видимости, потенциал оказался невелик.

Вместе с тем актуален и вопрос об эффективности «мягкой силы» как таковой. Возможно ли воспитать элиту другой страны, культуры и даже цивилизации? По всей видимости, пока дать однозначный ответ на него

сложно, ведь имеются аргументы в пользу той или иной точки зрения. Примечательно другое: сейчас сама Франция рискует стать объектом воздействия «мягкой силы», в частности, арабского мира через многочисленные диаспоры в больших городах, так как электоральное поведение мигрантов, получивших гражданство и право голоса, отличается от политических предпочтений коренных европейцев [40], что также становится фактором дестабилизации общественного порядка. А в силу односторонности миграционных потоков и в основном закрытости политических режимов в странах исхода мигрантов ответить симметрично Париж не способен.

Таким образом, несмотря на поистине большие усилия, прилагаемые руководством Пятой республики для мирной экспансии своего влияния, результаты этой политики неоднозначны. Достижениями французской дипломатии является создание широчайшей сети агентов влияния, действующих одновременно в двух плоскостях: интенсивной, представленной системой правительственных организаций, встроенных в разные сферы жизни обществ-реципиентов «мягкой силы», и экстенсивной, иначе – региональной, что подразумевает их присутствие как в «вотчинах» Франции, так и на новых направлениях. В то же время оборотной стороной этой медали является излишняя бюрократизированность системы и её громоздкость. Имеются и проблемы финансового характера. На современном этапе наблюдается склонность французских властей противопоставлять инструменты «мягкой силы» – военно-политическим методам ведения внешней политики, тогда как в действительности эта дилемма скорее надумана, и обе составляющие влияния могут сосуществовать и поддерживать друг друга. Феномен «мягкой силы», по всей видимости, заключается в том, что, пока кантовский «вечный мир» остается далеким идеалом, благородные в своем гуманизме сентенции нуждаются в сильной материальной поддержке или даже в сопряжении их с традиционными методами проведения внешней политики. Франция использует весь доступный ей инструментарий «дипломатии влияния», который пока, однако, далеко не полностью оправдывает возлагаемые на него

надежды. Это едва ли свидетельствует о том, что французским властям необходимо полностью отказаться от «мягкой силы», которая имеет ряд неоспоримых достоинств, однако переоценка её места во внешнеполитическом арсенале республики приобретает все больший смысл.

Список источников и литературы

1. Антипов Д.Р. Кризис Африканской политики Франции при администрации Эммануэля Макрона / Международные отношения в Европе: современные проблемы и перспективы («круглый стол») // Социально-гуманитарные знания. 2024. №5. С. 192-193.

2. Беляев С., Макарова И. Инструментарий культурно-гуманитарного влияния Французской Республики за рубежом // РСМД. 15 декабря 2020. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/instrumentariy-kulturno-gumanitarnogo-vliyaniya-frantsuzskoy-respubliki-za-rubezhom/> (дата обращения: 17.03.2025)

3. Гарбузарова Е.Г. Центральноеазиатское направление внешней политики Франции // Современная Европа. 2023. №2. С. 49-58.

4. Миронова В.Н. Экономический фактор «мягкой силы» государства: проблемы идентификации // Экономика. Налоги. Право. 2020. С. 15-22.

5. «Мягкая сила» в Черноморско-Средиземноморском регионе. – М.: Ин-т Европы РАН, 2023. – 194 с.

6. Осипов В. «Золото Олимпиады все равно остается самой престижной наградой» // Коммерсантъ. 12 августа 2024. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6891519> (дата обращения: 17.03.2025)

7. Современная Европа: 60 лет после Римских договоров. Ч. I. – М.: Ин-т Европы РАН, 2017. – 118 с.

8. Стрельцова Я.Р. Франкофония: новые подходы Эммануэля Макрона // Мировая экономика и международные отношения. 2024. Т. 68. №5. С. 28-38.

9. Bansept L., Tenenbaum E. Après Barkhane : repenser la posture stratégique française en Afrique de l’Ouest. – P.: Ifri, 2022. – 67 p.

10. Berlat G. Le mirage de la « diplomatie économique ». L’Hommage du présent au passé // Annuaire français de relations internationales. 2018. Vol. 19. P. 377-392.

11. Bourdillon Y. Commerce, investissements : la France décrochée par la Chine en Afrique // Les Echos. 7 octobre 2021. URL: <https://www.lesechos.fr/monde/afrique-moyen-orient/commerce-investissements-la-france-decrochee-par-la-chine-en-afrique-1352971> (consulté le 17.03.2025)

12. Boyogueno E. Les diplomaties économiques française et allemande en direction de l’Afrique. Une comparaison administrative // Annuaire français de relations internationales. 2019. Vol. 20. P. 599-618.

13. Brand Finance’s Global Soft Power Index 2025: China overtakes UK for the first time, US remains top-ranked nation brand // Brand Finance. February 20,

2025. URL: <https://brandfinance.com/press-releases/brand-finance-global-soft-power-index-2025-china-overtakes-uk-for-the-first-time-us-remains-top-ranked-nation-brand#media-downloads> (accessed: 17.03.2025)

14. Budget 2025 du Ministère de l'Europe et des Affaires étrangères // Alliance solidaire des français de l'étranger. 16 octobre 2024. URL: <https://alliancesolidaire.org/2024/10/16/budget-2025-du-ministere-de-leurope-et-des-affaires-etrangeres/> (consulté le 17.03.2025)

15. Décret n° 2012-1511 du 28 décembre 2012 portant organisation de l'administration centrale du ministère des affaires étrangères // Légifrance. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/JORFTEXT000026858905/2024-07-03/> (consulté le 17.03.2025)

16. Déclaration de Villers-Cotterêts // Organisation internationale de la Francophonie. 11 octobre 2024. URL: <https://francophonie2024.gouv.fr/declaration-de-villers-cotterets/index.html> (consulté le 17.03.2025)

17. Diplomatie culturelle - Discours de Catherine Colonna à l'occasion des Journées du réseau de coopération et d'influence // Ministère de l'Europe et des Affaires étrangères. 21 juillet 2022. URL: <https://www.diplomatie.gouv.fr/fr/le-ministere-et-son-reseau/actualites-du-ministere/actualites-du-ministere-de-leurope-et-des-affaires-etrangeres/article/diplomatie-culturelle-discours-de-catherine-colonna-a-l-occasion-des-journees> (consulté le 17.03.2025)

18. Discours du Président Emmanuel Macron depuis le Mémorial du génocide perpétré contre les Tutsis en 1994 // Élysée. 27 mai 2021. URL: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2021/05/27/discours-du-president-emmanuel-macron-depuis-le-memorial-du-genocide-perpetre-contre-les-tutsis-en-1994> (consulté le 17.03.2025)

19. Discours d'Emmanuel Macron à l'université de Ouagadougou // Élysée. 28 novembre 2017. URL: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2017/11/28/discours-demmanuel-macron-a-luniversite-de-ouagadougou> (consulté le 17.03.2025)

20. Doyle M.W. Kant, Liberal Legacies, and Foreign Affairs // *Philosophy and Public Affairs*. 1983. Vol. 12. № 3. P. 205-235.

21. En Afrique, la France souhaite « moins de bases, plus d'écoles » après le retrait de l'armée // Ouest-France. 23 janvier 2025. URL: <https://www.ouest-france.fr/monde/afrique/en-afrique-la-france-souhaite-moins-de-bases-plus-decoles-apres-le-retrait-de-larmee-33ef324e-d9a0-11ef-84d8-cc906b107ef4> (consulté le 17.03.2025)

22. Feuille de route de l'influence // Direction de la communication et de la presse du Ministère de l'Europe et des Affaires étrangères. 2021. 74 p.

23. Fonctionnement de la Fondation // Fondation des Alliances Françaises. 7 octobre 2023. URL: <https://www.fondation-alliancefr.org/?cat=536> (consulté le 17.03.2025)

24. France's Indo-Pacific Strategy // Press and Communication Directorate du Gouvernement. 2022. 74 p.

25. France 2019 Overview // The Soft Power 30. URL: <https://softpower30.com/country/france/> (accessed: 17.03.2025)

26. Frère M.S. Défis politiques, économiques et identitaires des journalistes en Afrique francophone // Annuaire français de relations internationales. 2019. Vol. 20. P. 939-958.

27. Gaudiaut T. Commerce : la Chine à la conquête de l'Afrique // Statista. 18 janvier 2023. URL: <https://fr.statista.com/infographie/26663/partenaire-commercial-premier-pays-source-des-importations-des-pays-africains-chine-france-afrique/> (consulté le 17.03.2025)

28. Guéraiche W. Diplomatie d'influence et culture au Quai d'Orsay // Les Enjeux de l'information et de la communication. 2021. №3A. P. 41-51.

29. Intervention de Jean-Yves Le Drian, ministre de l'Europe et des Affaires étrangères - Journées du réseau des conseillers de coopération et d'action culturelle (COCAC) – Paris, 14 décembre 2021 // Ministère de l'Europe et des Affaires étrangères. URL: <https://www.diplomatie.gouv.fr/fr/le-ministere-et-son-reseau/actualites-du-ministere/actualites-du-ministere-de-l-europe-et-des-affaires-etrangeres/article/intervention-de-jean-yves-le-drian-ministre-de-l-europe-et-des-affaires> (consulté le 17.03.2025)

30. Kayali L., Caulcutt C. How Moscow chased France out of Africa // Politico. February 23, 2023. URL: <https://www.politico.eu/article/france-africa-russia-emmanuel-macron-vladimir-putin-mali-central-african-republic-burkina-faso/> (accessed: 17.03.2025)

31. La construction d'un nouveau partenariat avec l'Afrique // Élysée. 15 février 2022. URL: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2022/02/15/afrique-un-nouveau-partenariat> (consulté le 17.03.2025)

32. Le budget 2024 du ministère de l'Europe et des affaires étrangères : un budget en hausse de plus de 6 milliards d'euros // Ministère de l'Europe et des Affaires étrangères. URL: <https://www.diplomatie.gouv.fr/fr/le-ministere-et-son-reseau/missions-organisation/article/le-budget-2024-du-ministere-de-l-europe-et-des-affaires-etrangeres-un-budget-en> (consulté le 17.03.2025)

33. Le Partenariat Afrique-France : discours du Président à la veille de son déplacement en Afrique centrale // Élysée. 27 février 2023. URL: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2023/02/27/discours-du-president-de-la-republique-dans-la-perspective-de-son-prochain-deplacement-en-afrique-centrale> (consulté le 17.03.2025)

34. Le réseau de coopération et d'action culturelle et ses métiers // Ministère de l'Europe et des Affaires étrangères. URL: <https://www.diplomatie.gouv.fr/fr/le-ministere-et-son-reseau/les-metiers-de-la-diplomatie/un-reseau-diplomatique-essentiel-a-la-politique-etrangere-de-la-france/le-reseau-de-cooperation-et-d-action-culturelle-et-ses-metiers/> (consulté le 17.03.2025)

35. Les instituts culturels franco-allemands : une illustration de la coopération culturelle entre la France et l'Allemagne // Ministère de l'Europe et des Affaires étrangères. URL: <https://www.diplomatie.gouv.fr/fr/dossiers-pays/allemande/relations-bilaterales/le-traite-d-aix-la-chapelle-sur-la-cooperation->

et-l-integration-franco/article/les-instituts-culturels-franco-allemands-une-illustration-de-la-cooperation (consulté le 17.03.2025)

36. LOI n° 2020-1673 du 24 décembre 2020 relative à la restitution de biens culturels à la République du Bénin et à la République du Sénégal // Légifrance. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/jorf/id/JORFTEXT000042738023?r=eJd1PJcASO> (consulté le 17.03.2025)

37. L'Essentiel sur l'avis de la commission sur le projet de loi de finances pour 2023. Diplomatie culturelle et d'influence : sortir de l'incantation // Commission des affaires étrangères et de la défense du Sénat. 2023. 10 p.

38. Oltermann Ph. France and Germany to research provenance of African objects in national museums // The Guardian. January 19, 2024. URL: <https://www.theguardian.com/world/2024/jan/19/france-germany-research-provenance-african-objects-national-museums> (accessed: 17.03.2025)

39. Passeport talent : carte de séjour pluriannuelle d'un étranger en France // Service Public. 1 novembre 2024. URL: <https://www.service-public.fr/particuliers/vosdroits/F16922> (consulté le 17.03.2025)

40. Peñas Á. Comment la gauche radicale instrumentalise les migrants pour mener ses guerres politiques // Atlantico. 1 novembre 2023. URL: <https://atlantico.fr/article/decryptage/comment-la-gauche-radicale-instrumentalise-les-migrants-pour-mener-ses-guerres-politiques> (consulté le 17.03.2025)

41. Programme 185 : Diplomatie culturelle et d'influence / Budget Général. Mission ministérielle. Projets annuels de performances. Annexe au projet de loi de finances pour 2022 // Ministère de l'Europe et des Affaires étrangères. 2022. 84 p.

42. Projet Lumière ! // Institut Français Royaume Uni. URL: <https://www.institut-francais.org.uk/culture/projet-lumiere/#/> (consulté le 17.03.2025)

Кондрашев Леонид Викторович
к. и. н., Первый заместитель руководителя
Департамента культурного наследия Москвы
– главный археолог г. Москвы,
президент НК ИКОМОС России,
почётный член РААСН, почётный профессор МАРХИ
dkn_info@mos.ru

Kondrashev Leonid Viktorovich
Ph.D., First Deputy Head
of the Department of Cultural Heritage of Moscow
– Chief Archaeologist of Moscow,
President of ICOMOS of Russia,
Honorary Member of the Russian Academy of Architecture and Construction
Sciences, Honorary Professor of the Moscow Institute of Architecture
dkn_info@mos.ru

**КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ – ЭЛЕМЕНТ «МЯГКОЙ СИЛЫ»
ЮНЕСКО, ИЛЛЮЗИИ И РЕАЛИИ**

**CULTURAL HERITAGE IS AN ELEMENT OF UNESCO'S "SOFT
POWER",
ILLUSIONS AND REALITIES**

Аннотация. Статья посвящена анализу эволюции и современного состояния ключевых концепций международных отношений и культурной политики — «мягкой силы» и «устойчивого развития» — в контексте их институционализации в рамках ЮНЕСКО. Рассматривается противоречие между идеалистическими принципами этих концепций, сформировавшимися в послевоенную эпоху как альтернатива силовому принуждению, и современной реальностью, характеризующейся ростом геополитической конфронтации, политизацией международных организаций и прямым уничтожением культурного наследия как инструментом войны («культурные чистки»). Автор критически оценивает разрыв между декларируемыми целями гармоничного развития, культурного диалога и охраны общего наследия человечества и практикой, где «жесткая сила» и национальные интересы не утратили своей актуальности. На примере деятельности ЮНЕСКО и ИКОМОС показаны как внутренние вызовы (блоковая логика, политизация), так и внешние угрозы (вооруженные конфликты, вандализм). Делается вывод о глубоком кризисе глобалистских нарративов рубежа XX–XXI веков и необходимости поиска новых основ для международного сотрудничества в сфере культуры, которые могли бы противостоять тенденциям разобщения и конфронтации.

Ключевые слова: Мягкая сила, Устойчивое развитие, Культурное наследие, ЮНЕСКО, Культурная чистка, Жёсткая сила, Международные отношения, Геополитика, Посттравматическое восстановление, ИКОМОС

Abstract. The article is devoted to the analysis of the evolution and current state of the key concepts of international relations and cultural policy — "soft power" and "sustainable development" — in the context of their institutionalization within UNESCO. The contradiction between the idealistic principles of these concepts, formed in the post-war era as an alternative to coercion by force, and the modern reality characterized by the growth of geopolitical confrontation, the politicization of international organizations and the direct destruction of cultural heritage as an instrument of war ("cultural cleansing") is considered. The author critically assesses the gap between the declared goals of harmonious development, cultural dialogue and the protection of the common heritage of mankind and the practice where "hard power" and national interests have not lost their relevance. Using the example of the activities of UNESCO and ICOMOS, both internal challenges (bloc logic, politicization) and external threats (armed conflicts, vandalism) are shown. The conclusion is made about the deep crisis of globalist narratives at the turn of the 20th and 21st centuries and the need to search for new foundations for international cooperation in the field of culture, which could resist the trends of disunity and confrontation.

Keywords: Soft Power, Sustainable Development, Cultural Heritage, UNESCO, Cultural Cleansing, Hard Power, International Relations, Geopolitics, Post-Traumatic Recovery, ICOMOS

6 мая 2025 г. скончался Джозеф Най, предложивший миру теорию «мягкой силы». Данному термину давали множество определений, однако суть явления Най описал в книге: «Soft Power: The Means to Success in World Politics», цитируя Н. Джингрича: ««Главное не то, сколько я убил врагов. Главное – сколько я приобрел друзей» [11].

Нельзя, также, не согласиться с постулатом Д. Ная, опубликованном в статье «Мягкая сила» и американо-европейские отношения»: «Соблазн всегда эффективнее принуждения, а такие ценности, как демократия, права человека и индивидуальные возможности, глубоко соблазнительны. Но влечение может обернуться и отвращением, если в политике чувствуется надменность или лицемерие» [5].

К сожалению, сейчас мы видим, что влияние «но» из цитаты выше оказывает решающее влияние на действительность. Смерть уважаемого

учёного, практически, совпала с крушением иллюзий в отношении современных нарративов международных отношений.

В то же время, следует признать, что появившиеся в 80-е гг. XX века термины «мягкая сила», «устойчивое развитие», а также спектр оценок культурного наследия, именуемый в целом «постмодерн» по-прежнему составляют каркас доктринальных документов системообразующего международного института ЮНЕСКО, поэтому анализ появления и трансформации указанных явлений является актуальным.

Трагические события в мире, происходящие в XX в., когда две мировые войны вызвали тектонические сдвиги в общественном сознании. Запредельное насилие породило обратную реакцию — желание мирного, устойчивого развития. Для этих целей надо было применять принципиально другие методы: прямое принуждение, тем более с применением военной силы, казалось, не соответствовало современным идеалам, как результат появляется новая редакция совокупности авторитетных межгосударственных организаций и системы международного права.

Специалисты, историки международных отношений отмечают: «День 4 ноября 1946 г. считается днем официального создания организации (ООН). Позднее, 14 декабря 1946 г. I сессия Генеральной Ассамблеи ООН утвердила соглашение с ЮНЕСКО, и она, таким образом, вошла в систему ООН в качестве специализированного учреждения по вопросам просвещения, науки и культуры. ЮНЕСКО, пожалуй, единственное специализированное учреждение в системе ООН»⁶. Однако, основание ЮНЕСКО произошло ранее по инициативе конференции министров образования стран-союзников, созванной ещё во время продолжительной и разрушительной войны» [14].

В 2024 г. исполнилось 70 лет с момента вступления нашей страны в ЮНЕСКО. 22 декабря 2023 г. на общем собрании Комиссии Российской Федерации по делам ЮНЕСКО министр иностранных дел России С. В. Лавров отметил: «Уходящий год был непростым для ЮНЕСКО. Как известно, после начала специальной военной операции “коллективный Запад” стал

наращивать усилия по дальнейшей политизации Организации, “украинизации” ее повестки дня. <...> В Организации, вопреки ее изначальной миссии объединять народы на основе моральной и интеллектуальной солидарности, все рельефнее проявляются блоковая логика и разъединительная философия “свой — чужой”» [2].

Как мы смогли убедиться, 2024 и 2025 г.г. не принесли существенного сдвига в векторах культурной политики акторов мировых политических и военных процессов. Более того, например, бомбардировки в непосредственной близости от объектов Пальмиры и Баальбека, включенных в список всемирного наследия, вызвали публикацию заявления ИКОМОС «О непосредственных и серьезных угрозах культурному наследию Ливана» [25].

Следует отметить, что еще в 2020 г. после драматического сноса монументов в США, вызванных политикой БЛМ, НК ИКОМОС России стал инициатором резолюции [29] о недопустимости сноса монументов в политических целях. Последующие события в странах Прибалтики и на Украине стали печальным подтверждением варварской тенденции [7].

Выше мы говорили о системе дипломатического, в прямом и переносном смысле, убеждения, которая получила терминологическое название «мягкая сила». Данная теория достаточно подробно разобрана в статье Леоновой [11].

Механизм «мягкой силы» предполагает умение продвигать свои ценности путем создания структуры международных правил и институтов [11].

Дж. Най называет *три основных ресурса (resources) «мягкой силы»*. «Это: культура (в тех странах, где она привлекательна для других), политические ценности (когда государство действует согласно им у себя дома и за рубежом) и внешняя политика (когда она рассматривается как легитимная и имеющая моральный авторитет)» [5].

«Более подробно Дж. Най рассматривает первый источник «мягкой силы» □ культуру, особый акцент делая на поп-культуре. Он подчеркивает,

что именно благодаря массовой поп-культуре (популярные фильмы, музыка, книги) Америка достигла таких впечатляющих успехов» [5].

При этом, по мнению Дж. Ная: «правительство способно контролировать лишь политику, а другие важные ресурсы «мягкой силы» □ культура и ценности □ «коренятся в гражданском обществе» и, следовательно, не всегда подконтрольны официальной власти. В результате автор делает вывод, что «мягкую силу» «трудно применять, легко потерять и дорого восстанавливать» [5].

В то же время Дж. Най отмечал, что «с распадом Советского Союза двухполюсный баланс военной мощи исчез, США стали единственной сверхдержавой и в этой роли вызвали чувства, какие порождает разница сил у мальчишек из одного квартала, — смесь восхищения, зависти и обиды [5].

Поэтому Дж. Най вынужден зафиксировать, что «в системе отношений, связывающих индустриализирующиеся и доиндустриальные общества, принцип баланса сил и роль военной мощи по-прежнему актуальны... А борьба с международным терроризмом – это четвертая сфера, где «жесткая» сила остается решающей» [5]. Однако, события последних лет показали, что и государства «коллективного Запада» не гнушаются проявлять «жесткую силу». Как видно «Мягкая сила» диаметрально противоположна «жесткой силе», которая предполагает прежде всего принуждение. Об этом ниже.

Если «мягкую силу» можно с полным основанием назвать главным декларируемым инструментом международных отношений, то на место основной цели с большим отрывом претендует «устойчивое развитие» — глобальная политико-экономическая концепция развития общества. В силу специфики в указанной выше концепции отчетливо выделяется два типа дискурсов – экологический, затрагивающий проблему сосуществования экономического развития, при котором производство потребляет ресурсы экосистемы, и экологической стабильности, ограничивающей масштабы производства в рамках конкретной территории, и политический, касающийся

вопросов имплементации теоретических разработок в политическую практику [20].

В работе А. Костерина отмечено, что «история, а точнее предыстория вопроса началась более полувека назад, когда в 1968 году был организован Римский клуб: «международная неправительственная организация, объединяющая ученых, общественных и политических деятелей мира с целью создания принципов мирового планирования с позиций общей теории систем. Перед клубом были поставлены две основные цели. Первая цель – способствовать осознанию затруднений, возникших перед человечеством; вторая – путем воздействия на общественное сознание, способствовать исправлению нынешней ситуации». ... Неомальтузианская модель Форрестера-Медоуза породила волну т.н. «экологического алармизма», поднявшего экологические вопросы на уровень насущных политических задач. ... Экологическая повестка послужила платформой для распространения т.н. «энвайроментализма», социального экологического движения, педалировавшего оппозицию «человек vs природа» и разрешавшего дилемму в пользу последней: «Доклад "Пределы роста" стал своеобразным манифестом эгоцентризма, согласно которому базовым элементом среды является не человек и не разум, но окружающая среда

Широкое распространение термин получил после публикации доклада Комиссии Гру Харлем Брундтланд «Наше общее будущее» (1987). Согласно определению, данному Комиссией Брундтланд, «устойчивое развитие – это такое развитие, которое удовлетворяет потребности настоящего времени, но не ставит под угрозу способность будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности» [21].

Лестер Браун с 1981 г. начал применять термин «Устойчивое развитие» вне рамок экологии, хотя и в связи с ней, к развитию городов, сельского хозяйства, промышленности и других сфер человеческой деятельности [10].

Триумф концепции «устойчивого развития» приходится на начало пресловутого «конца истории» Фрэнсиса Фукуямы, наступление эры

глобализации. Концепция на этом этапе представляет собой не столько стратегию человечества, сколько стремление победившей в только что закончившейся «холодной войне» западной мировой элиты утвердить свою гегемонию, «зафиксировать прибыль». (Андрей Костерин «Устойчивое развитие» – средство гармонизации или инструмент глобализации? История одной идеи скрытого управления миром [10].

Таким образом, по определению, предложенному ООН, под термином «устойчивое развитие» понимается «развитие, отвечающее потребностям нынешнего поколения без (особого) ущерба для возможностей будущих поколений удовлетворять их собственные потребности», которое предполагает совместные усилия всего мирового сообщества, направленные на создание «инклюзивного, устойчивого и жизнеспособного будущего для людей и планеты» [22].

Указанные выше важные элементы культурной политики Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры все более активно предлагает мировому сообществу. Так в апреле 1998 г. в Стокгольме прошла Межправительственная конференция по политике в области культуры в интересах развития под названием «Сила культуры». На ней был разработан и принят план действий по политике в области культуры в интересах развития. В данном стратегическом плане, в частности, утверждалось, что устойчивое развитие и расцвет культуры взаимозависимы, а одна из основных целей человеческого развития состоит в реализации возможностей человеческой личности в социальном и культурном отношении. Правительство и гражданское общество должны стремиться к установлению более тесных взаимоотношений с целью разработки и осуществления политики в области культуры, интегрированной в стратегии развития [17].

Положения Декларации тысячелетия и Хартии Земли повторяются во Всеобщей декларации ЮНЕСКО о культурном разнообразии 2001 г., где подчеркивается, что защита культурного разнообразия «является этическим императивом, она неотделима от уважения достоинства человеческой

личности. Она подразумевает обязательство уважать права человека и основные свободы, особенно права лиц, принадлежащих к меньшинствам, и права коренных народов. Недопустимо ссылаться на культурное разнообразие для нанесения ущерба правам человека, гарантированным международным правом, или для ограничения сферы их применения» [15].

Концепция общего наследия также является частью программы по установлению нового международного экономического порядка. Эта программа была принята на сессии ООН в 1974 г. «Декларацией об установлении нового между-народного экономического порядка» [3].

Сохранение общего наследия человечества предполагает стабильное развитие всех государств мира. Данные концепции направлены на устранение дискриминации по отношению к развивающимся странам со стороны развитых государств.

Важно подчеркнуть основной принцип деятельности ЮНЕСКО, согласно которому культурное наследие каждого народа является культурным наследием всех. Ответственность за его сохранение и управление лежит прежде всего на том культурном сообществе, которое его создало, и только потом на тех, кто проявляет о нем заботу. Приверженность международным хартиям и конвенциям, принятым с целью сохранения культурного наследия, обязывает нас соблюдать вытекающие из них принципы и обязательства.

Стремление к балансу собственных требований с требованиями других культурных сообществ крайне желательно, однако при условии, что этот баланс не будет подрывать наиболее важные культурные ценности этих сообществ [31].

Однако, как указывалось выше, действительность оказывается гораздо более трагичной, чем выработанный международным сообществом путь «устойчивого развития». В 2008 г. мировой экономический кризис фактически «обнулil» триумфальную глобалистскую повестку. «Разумеется, концепция «устойчивого развития» никуда не делась, но она скорее стала

идеологическим штампом, ритуальной риторической фигурой, а не стратегическим планом [10].

Как специалисты-международники, так и простые обыватели видят, что «происходящая политизация культуры, с одной стороны, способствует ограничению применения силы в межгосударственных отношениях, но, с другой стороны, все чаще приводит к попыткам применения санкций в культурной сфере в качестве способа негативного внешнеполитического воздействия с целью разобщения и конфронтации между народами и странами» [19].

Как несложно убедиться, жесткая сила не теряет ключевого значения в мире, где государства стремятся отстоять свою независимость, а внегосударственные группы, такие, как террористические организации, готовы прибегать к насилию.

Более того, современная нам действительность являет примеры вопиющего разрушения объектов культурного наследия как неотъемлемой части применения «жесткой силы» и агрессии. Появление термина «культурная чистка» является мрачным свидетельством новых правил межгосударственных и межгрупповых отношений, отличных от политических деклараций.

«Выступая 1 июля 2015 г. в Королевском институте международных отношений (Лондон) с докладом “Культурное наследие: новая мишень экстремизма”, И. Бокова (Ирина Георгиевна Бокова — генеральный директор ЮНЕСКО с 2009 до 2017 г.) отметила, что главной целью экстремистов является именно уничтожение культурного наследия и, как следствие, стирание идентичности и культурных маркеров, а не просто разграбление и уничтожение музеев и памятников.

<...> И. Бокова полагает, что понятие “культурная чистка” охватывает не только преднамеренное уничтожение культурных объектов, но и отдельные нарушения прав человека, например, такие как преследование по этническим или религиозным признакам, нападения на журналистов, разрушение школ,

<...> и “означает акт, совершаемый с целью разрушить культурное наследие полностью или частично, тем самым подорвав его целостность таким способом, который представляет собой нарушение международного права или неоправданное покушение на принципы чело вечности и требования общественного сознания, в последнем случае — в той мере, в которой такие акты еще не регулируются основополагающими принципами международного права”» [6].

Термин «культурная чистка» (там же), к сожалению, все чаще встречается в новостных лентах. В результате защита недвижимого культурного наследия явно была секьюритизирована (тезис из книги «Культурное наследие и массовые зверства») [26], а в Конвенции ЮНЕСКО об охране нематериального наследия 2003 г. появляется термин *safeguarding*, который, кстати, при переводе наиболее близок к еще советскому терминологическому словосочетанию «охрана памятников» [9] Следует подчеркнуть, что само понимание культурного наследия существенно трансформировалось с 80-х гг. прошлого века. В ставшей модной книге «Прошлое – чужая страна» Д. Лоуэнталь ниспровергал незыблемость наших знаний о наследии: «прошлое – это чужая страна, чей облик вылеплен из сегодняшних пристрастий, его своеобразие выстроено нашими заботами о сохранении его черт... Прошлое придает законную силу настоящему двумя различными путями: через сохранение или через восстановление» [12 С.14] Д. Лоуэнталь выдвигал тезис о различном понимании прошлого в обществах цивилизации «коллективного запада» и находящихся за границей данной традиции: «люди в так называемых традиционных обществах уверены в том, что вещи являются (и должны быть) такими, какими они были всегда... . Обладающие письменностью общества менее устойчивы к подобному вымыслу, так как письменные – и особенно печатные – сообщения показывают нам, что прошлое не похоже на настоящее.» [Там же С. 89]

Проблема здесь заключается в том, что адепты постмодерна «продолжают оперировать категориями постмодерна, ... при этом не

замечают, что теории, на которые они ссылаются, были отвергнуты их авторами».

Тем не менее, произошла «смена парадигмы охраны наследия», выраженная в переходе от классической концепции «сохранение наследия» к парадигме «управление изменениями» (*managing change*). Четко проявился водораздел между идеями «защиты исторической среды от деградации» и «использования культурных ресурсов для устойчивого развития города».

Однако большинство современных исследователей предпочитают делать акцент на ценностях локальных сообществ. Пьер Нора, утверждал: «о памяти столько говорят только потому, что её больше нет. На смену памяти пришли **места воспоминаний**. Места воспоминаний в традиции древней мнемотехники следует понимать как **локусы** (места) в широком смысле, которые вызывают образы воспоминаний (воображения)...» [16].

Неслучайно мы наблюдаем смену понятия *situs* на *locus* при описании HUL (HUL — *historic urban landscape*) [32]. Акцент сохранения (по сути, консервации) исторической городской среды [24] сменяет разработанный подход «исторический городской ландшафт», что направлено на «обеспечение интеграции целей сохранения городского наследия и социально-экономического развития» (статья 11, Рекомендация ЮНЕСКО, 2011 г.) [28].

В то же время бывший президент ICOMOS Густаво Араоз отмечал: «В частности, один документ — Нарский документ о подлинности (1994 г.) — ... по сути, способствовал смещению оперативного руководства Конвенции о всемирном наследии от строгого материалистического акцентирования оригинальной ткани памятника к нематериальным критериям качества его изготовления и другим аспектам культурной преемственности» [24].

Как следствие указанных выше явлений, деятельность ЮНЕСКО подвергается серьезной критике. Следует отметить, что столь солидной организации, в чьем ведении находится широкий пласт вопросов культуры, науки и образования, вменяются проблемы, характерные для всего современного общества.

В ноябре 2020 г. редактор и основатель влиятельного средства массовой информации The Art Newspaper Анна Сомерс Кокс опубликовала статью «Протестующие эксперты наконец приходят на помощь неудавшейся программе Всемирного наследия ЮНЕСКО. Новая организация “Наше всемирное наследие” оказывает серьезное давление на ЮНЕСКО». «ЮНЕСКО была детищем послевоенного оптимизма, стремления придать миру более совершенный формат, и поначалу ее возглавляли интеллектуалы и деятели культуры. <...>

В 1990-х гг. предпринимались попытки навести в ЮНЕСКО порядок, делегатов Комитета всемирного наследия сменили дипломатические представители государств – членов Организации. Это подтолкнуло ЮНЕСКО, как и ООН, к тому, чтобы стать площадкой для националистической политики, обмена политическими услугами между странами и сокрытия неудобных фактов. <...> Сейчас наконец-то общество оказывает этому сопротивление. В ноябре бывший директор Центра всемирного наследия ЮНЕСКО Франческо Бандарин и еще 26 профессионалов сектора наследия создали новую организацию “Наше всемирное наследие”, цель которой — оказать давление на ЮНЕСКО. Организация включает в себя специалистов “тяжеловесов”, многие из которых работали в прошлом в ЮНЕСКО либо в ICOMOS (Международном совете по охране памятников и достопримечательных мест, который предоставляет профессиональные консультации ЮНЕСКО)» [30].

Сами по себе претензии к ЮНЕСКО не являются чем-то новым. Среди экспертов, даже начинающих, давно бытует мнение, что методы данной организации не отвечают на современные вызовы: «Международные организации сталкиваются с обвинениями в невыполнении обязательств и неспособности принять необходимые меры для защиты наследия, а сосредоточили деятельность только на выпуске законов» [1].

Но также следует обратить внимание, что ЮНЕСКО и ООН в целом продолжают реализовывать традиционные механизмы сохранения, в том числе посттравматического восстановления объектов всемирного наследия.

Базовым нормативно-правовым документом в области защиты культурного наследия является Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия 1972 г. [8] особенно периодически издаваемые руководства по выполнению данной Конвенции.

Главная установка вышеупомянутой Конвенции — это консолидация сил международного сообщества для сохранения уникальных объектов культуры и природы, а также установление ответственности каждого государства за «выявление, охрану, популяризацию и передачу будущим поколениям культурного и природного наследия».

Для исполнения Конвенции были созданы Фонд всемирного наследия и Комитет всемирного наследия.

Фонд Всемирного наследия объектов, находящихся под угрозой, создан с целью содействия государствам, подписавшим Конвенцию [8] в выявлении, охране и развитии объектов всемирного наследия. «Взносы в Фонд вносятся государствами — сторонами Конвенции в обязательном порядке либо добровольно. Обязательный взнос составляет 1 % от суммы их ежегодных отчислений в ЮНЕСКО, в то время как добровольные пожертвования вносятся регулярно, по меньшей мере раз в два года и должны быть не меньше, чем взносы, определяемые положениями, устанавливающими размер обязательных отчислений».

ЮНЕСКО, используя крупные международные форумы и другие информационные площадки, формирует базисную платформу международного сотрудничества в области охраны и использования культурного наследия. В своих многочисленных обращениях к мировой общественности ЮНЕСКО отмечает, что войны в Афганистане, Ираке, Ливии уничтожили десятки памятников мировой культуры [4].

Сейчас, в эпоху часто и быстро сменяющихся политических режимов в различных странах, сложно оценить эффективность программ ЮНЕСКО и ООН. Например, многие начинания в Афганистане были свернуты после прихода к власти талибов.

Декларируемая тогда стратегия ЮНЕСКО предполагала «помочь восстановить разорванные связи между различными группами населения и историей их культуры, помочь им осознать, что памятники, представляющие культурное наследие различных сегментов общества, являются их общим достоянием. На реализацию проектов в сфере культуры (в виде прямого финансирования и иных видов помощи) было выделено более 7 млн долларов США, эти средства были обещаны Афганистану во время Кабульского семинара, проходившего в мае 2002 г. [13].

Заслуживает внимания большая и значимая работа по посттравматическому восстановлению Монументальной арки в Пальмире (Сирия), проведенная российскими специалистами из Санкт-Петербурга. На основании завершеного первого этапа посттравматического реагирования был подготовлен проект восстановления арки [18].

Однако после смены власти все культурные проекты России здесь оказались заморожены, а судьба многочисленных объектов культурного наследия вызывает глубокое беспокойство [23].

Здесь целесообразно отметить, что критика указанного проекта часто носила политизированный характер, далекий от смысла профессиональных дискуссий, что в свое время существенно затормозило восстановление Монументальной арки.

Таким образом, сейчас трудно предсказать дальнейшие акценты развития международной политики, в том числе и в части сохранения культурного наследия. Технологическое усовершенствование вооружения, а также волюнтаристское применение оружия, что мы наблюдаем, например, на Ближнем Востоке, приводит к усилению страданий населения и действительно «культурной чистке» общечеловеческого наследия.

Хочется верить, что тектонические общественные потрясения закончатся созданием новой универсальной системы международных отношений, а сохранение и использование культурного наследия станет прочным камнем в фундаменте устойчивого развития.

Список источников и литературы

1) Алгафри Махмуд Абдулкадер. Ответственность за защиту культурного наследия в зонах вооруженных конфликтов (по материалам Сирии) // Московский экономический журнал. 2018. № 4. – [Электронный ресурс] – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otvetstvennost-za-zaschitu-kulturnogo-naslediya-v-zonah-vooruzhennyh-konfliktov-po-materialam-sirii?ysclid=m869rxvau7313293653> (дата обращения: 08.11.2025).

2) Выступление министра иностранных дел России Лаврова С. В. на Общем собрании Комиссии Российской Федерации по делам ЮНЕСКО, Москва, 22 декабря 2023 г. // Mid.ru – [Электронный ресурс] – URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1922666/?ysclid=ls4hqmshec4360121503 (дата обращения: 05.11.2025).

3) Декларация об установлении нового международного экономического порядка // Организация Объединенных Наций – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/econ_order.shtml (дата обращения: 10.11.2025).

4) Джанджугазова Е. А., Ассаф Басем. Роль ЮНЕСКО в сохранении культурного наследия Сирии // Научно-практический журнал «Российские регионы: взгляд в будущее». – 2016. – № 1. – Том 3. – URL: http://futureeruss.ru/wp-content/uploads/2016/02/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F_%D0%97%D0%B0%D1%80%D1%83%D0%B1%D0%B5%D0%B6%D1%8C%D0%B5.pdf (дата обращения: 05.11.2025).

5) Дж. Най. «Мягкая сила» и американо-европейские отношения // Smart Power Journal – 07.04.2013. – URL: <https://smartpowerjournal.ru/soft-power> (дата обращения: 10.11.2025).

6) Егоров С. А., Анисимов И. О. «Культурная чистка» и защита культурных объектов в период вооруженных конфликтов // Международный правовой курьер. – URL: <https://inter-legal.ru/kulturnaya-chistka-i-zashhita-kulturnyh-obektov-v-period-vooruzhennyh-konfliktov> (дата обращения: 10.11.2025).

7) Комментарий Постпредства в связи со сносом памятников на Украине и в Прибалтике. [Электронный ресурс]. – URL: https://russianunesco.mid.ru/ru/press_service/news/kommentariy_snos_pamyatnikov/ (дата обращения: 05.11.2025).

8) Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия. – [Электронный ресурс]. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/heritage.shtml (дата обращения: 01.11.2025).

9) Конвенция об охране нематериального культурного наследия. Принята 17 октября 2003 г. Генеральной конференцией Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры. –

[Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cultural_heritage_conv.shtml (дата обращения: 07.11.2025).

10) Костерин А. «Устойчивое развитие» – средство гармонизации или инструмент глобализации? История одной идеи скрытого управления миром – URL: https://ruskline.ru/news_rl/2020/12/17/ustoichivoe_razvitiie_sredstvo_garm onizacii_ili_instrument_globalizacii (дата обращения: 17.12.2020).

11) Леонова Ольга Георгиевна. Джозеф Най и "мягкая сила": попытка нового прочтения // Социально-гуманитарные знания, №. 1. – 2018. – С. 101-114.

12) Лоуэнталь Д. Прошлое – чужая страна – СПб – 2004. – С. 14.

13) Манхарт К. Мандат ЮНЕСКО и действия, предпринимаемые по восстановлению культурного наследия Афганистана // Международный журнал Красного Креста. – 2004. – № 854. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mandat-yunesko-i-deystviya-predprinimaemye-po-vosstanovleniyu-kulturnogo-naslediya-afganistana> (дата обращения: 10.11.2025).

14) Макштарева А. И., Шаптурн В. Н. Роль ЮНЕСКО в сохранении историко-культурного наследия в XXI веке // ООН: история и современность: сб. материалов семинара, Могилев, 28 октября 2015 г. Могилев: Белорусско-Российский университет, 2015. С. 95–98.

15) Октябрьская И. В. Концепция культурного наследия: мировой и российский опыт формирования // Философия, этика, религиоведение – 2013 – № 3 – С. 20-31.

16) Пархоменко Т. А. Дискурсы об историко-культурном наследии в современном мире (XX-XXI вв.) – М. – 2024. – С. 94.

17) План действий по политике в области культуры в интересах развития. [Электронный ресурс]. – URL: <http://old.duma.tomsk.ru/page/8358/> (дата обращения: 20.11.2025).

18) Соловьева Н. Ф., Соловьев С. Л. Триумфальная арка Пальмиры. Посттравматическое реагирование. Археологические исследования // Бюллетень Института истории материальной культуры Российской академии наук: (Охранная археология). – 2022. – № 13. – С. 19–47.

19) Федотова К. Е. Культурные аспекты внешней политики Российской Федерации (на примере сотрудничества с ЮНЕСКО): дис. ...канд. полит. наук: 23.00.04. М., 2017 – URL: https://dipacademy.ru/documents/1251/%D0%A4%D0%B5%D0%B4%D0%BE%D1%82%D0%BE%D0%B2%D0%B0_%D0%9A.%D0%95._%D0%B0%D0%B2%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%B5%D1%84%D0%B5%D1%80%D0%B0%D1%82.pdf (дата обращения: 05.12.2025).

20) Шаталов Д.Ю.-Давыдов. Возникновение концепции устойчивого развития: анализ экологического и политического дискурсов. – 2010.

21) Шаталов Д.Ю.-Давыдов «Этапы концептуализации устойчивого развития».

22) Шатилова Ю. Н., Ермолина М. А. Культурное наследие как элемент международной стратегии устойчивого развития городов //Международные отношения и диалог культур – 2018 – № 6 – С. 247–253.

23) Швыдкой заявил, что России важно донести необходимость сохранения культурного наследия в Сирии. – URL: <https://portal-kultura.ru/articles/news/367131-shvydkoy-zayavil-cto-rossii-vazhno-donesti-neobkhodimost-sokhraneniya-kulturnogo-naslediya-v-sirii/> (дата обращения: 05.11.2025).

24) Araoz G. Conservation Philosophy and its Development: Changing Understandings of Authenticity and Significance // Heritage & Society. 2013. № 6 (2). – URL: https://www.academia.edu/88345181/Conservation_Philosophy_and_its_Development_Changing_Understandings_of_Authenticity_and_Significance (дата обращения: 10.11.2025).

25) Déclaration de l'ICOMOS sur les menaces immédiates et graves pesant sur le patrimoine culturel du Liban // ICOMOS.org – [Электронный ресурс] – URL: <https://www.icomos.org/fr/90-articles-en-francais/accueil/143497-declaration-de-l-icomos-sur-les-menaces-immediates-et-graves-pesant-sur-le-patrimoine-culturel-du-liban> (дата обращения: 02.11.2025).

26) Cultural Heritage and Mass Atrocities / edited by J. Cuno and T. G. Weiss. Los Angeles: Getty Publications, 2022. – URL: https://www.getty.edu/publications/cultural-heritage-mass-atrocities/downloads/CunoWeiss_CHMA.pdf (дата обращения: 06.11.2025).

27) Postconflict Heritage Rehabilitation Efforts // Journal of Eastern Mediterranean Archaeology and Heritage studies. – 2024. – Vol. 12. – № 1. URL: https://icomos.org.ru/wp-content/uploads/2024/12/russia_in_palmyra.pdf (дата обращения: 01.11.2025).

28) Recommendation on the Historic Urban Landscape, including a glossary of definitions // unesco.org. – [Электронный ресурс] – URL: <https://www.unesco.org/en/legal-affairs/recommendation-historic-urban-landscape-including-glossary-definitions> (дата обращения: 11.11.2025).

29) Report of the Resolutions Committee to the 20th ICOMOS General Assembly GA2020/12 — 6. [Электронный ресурс]. URL: https://www.icomos.org/images/DOCUMENTS/General_Assemblies/GA2020_Sydney/Working_documents/December_GA2020_Working_Docs/GA202012_6_Resolutions_final_EN.pdf (дата обращения: 05.12.2025).

30) Somers A. C. Finally, rebel experts come to the rescue of Unesco's failing World Heritage programme. – URL: <https://www.theartnewspaper.com/2020/11/19/finally-rebel-experts-come-to-the-rescue-of-unescos-failing-world-heritage-programme> (дата обращения: 10.11.2025).

31) The NARA document on authenticity (1994) // PUBLICOMOS – URL: <https://www.icomos.org/en/charters-and-texts/179-articles-en->

francais/ressources/charters-and-standards/386-the-nara-document-on-authenticity-1994 (дата обращения: 13.11.2025).

32) Vienna Memorandum // UNESCO – URL:
<https://whc.unesco.org/document/5965> (дата обращения: 13.11.2025).

Виктория Владимировна Игнатенко

Второй секретарь Посольства Российской Федерации
в Демократической Республике Конго
E-mail: ignatenko.v.v@my.mgimo.ru

Victoria V. Ignatenko

Second Secretary of the Embassy of the Russian Federation
in the Democratic Republic of the Congo
E-mail: ignatenko.v.v@my.mgimo.ru

ЧАСТНЫЕ ВОЕННЫЕ КОМПАНИИ В АРХИТЕКТУРЕ ВОЕННО-ТЕХНИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

PRIVATE MILITARY COMPANIES IN THE ARCHITECTURE OF MILITARY-TECHNICAL COOPERATION

Аннотация: изменения в характере конфликтов после «холодной войны» сопровождались не только появлением новых акторов, но и качественным преобразованием старых. Чаще стали говорить об асимметричных войнах, гибридных угрозах, приватизации безопасности. В этот контекст вписываются частные военные и охранные компании (ЧВК/ЧОО). Они предлагают широкий спектр услуг – от охраны торговых судов до обучения армии и ведения боевых действий – и активно используются правительствами, международными организациями и корпорациями. Вместе с тем их деятельность тесно переплетена с военно-техническим сотрудничеством (ВТС): поставка вооружений, техническое обслуживание и обучение персонала. Настоящая статья направлена на рассмотрение взаимосвязи между ЧВК и ВТС.

Ключевые слова: частные военные компании; частные охранные компании; военно-техническое сотрудничество; международная безопасность; экспорт вооружений; международное право; регулирование

Abstract: changes in the nature of conflicts after the Cold War were accompanied not only by the emergence of new actors but also by a qualitative transformation of existing ones. Discussions increasingly turned to asymmetric wars, hybrid threats, and the privatization of security. It is in this context that private military and security companies (PMSCs) come into view. They offer a wide range of services – from guarding merchant vessels to training armed forces and conducting combat operations – and are actively employed by governments, international organizations, and corporations. At the same time, their activities are closely intertwined with military-technical cooperation (MTC): the supply of weapons, technical maintenance, and personnel training. This article is aimed at examining the interrelationship between PMSCs and MTC.

Keywords: private military companies; private security companies; military-technical cooperation; international security; arms exports; international law; regulation

Введение

На рубеже XX–XXI веков произошли существенные изменения в организации вооруженного насилия. Крах биполярной системы, развитие технологий и экономические реформы породили новые риски – от кризиса государственности в некоторых регионах до подъема транснациональных преступных сетей. Национальные армии в некоторых случаях оказались недостаточно мобильными, а расходы на их содержание дорогостоящими. В этих условиях государства и корпорации начали активнее прибегать к услугам частных структур, способных закрывать «дефицит безопасности». В последние десятилетия частные военные и охранные компании стали одними из механизмов мирового оборонного рынка.

Хотя феномен наемничества известен с древности, частные военные и охранные компании являются новым явлением. Они оформлены как юридические лица, имеют уставный капитал, штатную структуру, набор стандартов и заключают договоры с заказчиками. Их численность варьируется от нескольких десятков до тысяч сотрудников. По данным Международного комитета Красного Креста, на начало 2020-х гг. в мире существовали сотни ЧВК, а их совокупный оборот исчислялся десятками миллиардов долларов [16].

Если в 1990-е гг. они чаще ассоциировались с эпизодическими контрактами, то сегодня выступают как нормализованный сервисный слой международной торговли вооружениями. Смещение фокуса поставило перед международным правом, гуманитарными стандартами и институтами прозрачности вопросы, ответы на которые до сих пор формируются. С одной стороны, без сервисного слоя многие экспортные сделки попросту не превращаются в устойчивую боеспособность; с другой – именно сервисный слой втягивает негосударственных исполнителей в зоны, где решения и ошибки имеют статус применения силы и правовые последствия.

К трансформации «рынка войны» добавились экономические интересы корпораций. Энергетические и добывающие компании, реализующие проекты в нестабильных регионах, нуждались в охране объектов и персонала, а крупные военно-промышленные корпорации стремились сопровождать экспорт вооружений сервисом и обучением. Поэтому концепция ВТС стала восприниматься не только как межгосударственный обмен оружием, но и как комплекс услуг, часть которых может предоставлять частный сектор.

Теоретико-правовые рамки и международное регулирование

Военно-техническое сотрудничество – это совокупность международных процессов по обмену вооружениями, военной техникой, технологиями, ноу-хау, обучением и технической поддержкой. Поставка материальной части через ВТС не является самодостаточной. В текущей технологической конфигурации без длительного обучения, обновления программного обеспечения, поставок расходников, периодического ремонта и правильной логистики система едва ли будет функционировать. Именно поэтому страны-экспортеры все чаще приходят к формуле «пакетной» сделки, где договор о поставке связан с рядом специализированных услуг. На практике услуги ЧВК все чаще включаются именно в элементы обучения и сервиса. С одной стороны, это обеспечивает оперативность и гибкость; с другой – выносит часть процессов из-под государственного контроля.

Нормативная экосистема вокруг частных военных и охранных компаний за последние полтора десятилетия оформилась удивительно быстро по меркам международного права. Базовой точкой стал Документ Монтрё 2008 г. – межправительственная инициатива, разработанная правительством Швейцарии и МККК. Согласно документу, под частной военной и охранный компанией понимается коммерческая организация, предоставляющая военную или охранный поддержку на основе договора [16]. Документ Монтрё собрал применимые нормы международного гуманитарного права (МГП) и прав человека и предложил «хорошие практики» для государств–нанимателей, на территории которых работают ЧВК, и стран происхождения компаний.

Смысл документа не в том, чтобы «узаконить» частных поставщиков силы, а принудить государства к полноте надзора, лицензирования, обучения и расследования инцидентов, когда частные подрядчики действуют в контексте вооруженного конфликта или рядом с ним. Эта оптика особенно ценна именно для ВТС, где активы и персонал поставщика пересекают границы и действуют по гражданско-правовым договорам в связке с военными объектами.

Вторым столпом стал Международный кодекс поведения частных поставщиков охранных услуг (ICoC), принятый в 2010 г. и запустивший так называемый процесс саморегулирования. Компании, присоединившиеся к кодексу, обязались соблюдать права человека, проводить должную проверку персонала, обеспечивать механизм рассмотрения жалоб и сотрудничать с органами расследования [10]. В 2013 г. создана Ассоциация ICoSA, которая аккредитует компании, мониторит их деятельность и поддерживает систему сертификации. Однако участие в ассоциации добровольное, к инициативе присоединились не все крупные ЧВК. Для государств и госкорпораций, заключающих ВТС-контракты, это удобный «минимальный набор» проверяемых требований к субподрядчикам: членство в ICoSA и соответствие Кодексу становятся операциональным маркером качества и управляемости сервисной части сделки.

На международном уровне ООН, НАТО, ЕС, Африканский союз неоднократно обсуждали вопрос о создании обязательного режима для ЧВК. Рабочая группа ООН по использованию наемников, частных военных и охранных компаний выступает за международную конвенцию, которая бы определила статус ЧВК и наемников, установила обязательные механизмы учета, лицензирования, мониторинга и наказания. Однако консенсуса нет: западные государства считают достаточными существующие нормы, а ряд развивающихся стран опасается, что жесткое регулирование лишит их инструмента оперативной помощи.

Отсутствие обязательных международных конвенций приводит к тому, что регулирование ЧВК происходит преимущественно в рамках

национальных режимов. Например, в США действует Закон о регулировании международного трафика вооружения (ITAR) и требования к лицензированию по схеме Федерального регистра. Великобритания ввела сертификацию для охранных компаний, работающих за рубежом. Южная Африка после опыта Executive Outcomes приняла закон, запрещающий гражданам участвовать в военных действиях за рубежом без специального разрешения.

Кейсы деятельности ЧВК

1. MPRI (США)

Military Professional Resources Incorporated (MPRI) – американская компания, основанная в 1987 г., была ключевым исполнителем программы «Train and Equip» для Боснии после Дейтонских соглашений. MPRI разработала учебные курсы, стандарты НАТО, подготовила сотни офицеров и унтер-офицеров, а также помогла интегрировать разнородные системы вооружения [4]. Компания фактически стала каналом распространения американской военной доктрины и оказывала услуги, позволяющие обходить эмбарго на поставки вооружений. Критики отмечали, что ее работа способствовала боеспособности боснийской армии, но также усилению хорватских наступательных операций.

2. Blackwater/ Academi (США)

Blackwater, основанная в 1997 г., получила крупнейшие контракты на охрану дипломатических миссий в Ираке и Афганистане. Компания отличалась размахом инфраструктуры – от собственных авиапарков до тренировочных центров. В 2007 г. произошел инцидент на площади Нисур в Багдаде: сотрудники Blackwater открыли огонь, что привело к гибели 17 гражданских и международному скандалу [9]. Расследование выявило сотни случаев применения силы и недостаточный контроль со стороны заказчиков. Несмотря на переименование и реструктуризацию, компания продолжила выполнять функции вооруженного эскорта, логистики и технического обслуживания. Случай Blackwater показал, что частные компании могут стать источником репутационных рисков для государства и обострять конфликты.

3. Bancroft Global Development (США)

Некоммерческая Bancroft Global Development сочетает гуманитарные задачи с военными. С 2008 г. она оказывает помощь миротворческой миссии Африканского союза в Сомали (AMISOM), обучая солдат Бурунди, Уганды и Кении контрповстанческой борьбе, разминированию и оказанию медицинской помощи. Финансирование идет через Государственный департамент США. За годы Соединенные Штаты вложили в AMISOM более 650 млн. долл. США [5]. Bancroft одновременно выступает каналом для поставок американских вооружений, что делает ее частью ВТС. Критики отмечают размытость правового статуса Bancroft: как некоммерческая организация она избегает строгого контроля, но фактически ведет дела, приносящие прибыль, и участвует в военных операциях. Это позволяет США осуществлять влияние без прямого присутствия, но вызывает вопросы об ответственности и прозрачности.

4. Executive Outcomes (ЮАР)

Южноафриканская Executive Outcomes (ЕО), созданная в начале 1990-х гг., стала символом «полного пакета». Компания работала в Анголе и Сьерра-Леоне, где предоставляла вооруженные отряды, авиацию, разведку и обучение местных войск. В Анголе ЕО помогла удержать нефтяные месторождения и принудить повстанцев к перемирию, а в Сьерра-Леоне – восстановить контроль над алмазными рудниками [14]. Оплата контрактов зачастую обеспечивалась будущими доходами от природных ресурсов, а в пакет включались обучение и доступ к поставкам вооружений. Успехи ЕО сопровождалась критикой: ООН обвиняла ее в нарушении эмбарго, а Южная Африка впоследствии ограничила участие граждан в зарубежных конфликтах.

5. STTEP (ЮАР)

Команда Specialised Tasks, Training, Equipment and Protection (STTEP), возглавляемая бывшим командиром Executive Outcomes, работала в Нигерии в 2014 г. Правительство пригласило ее для борьбы с группировкой «Боко Харам», когда национальная армия испытывала нехватку подготовки и

оснащения. STTEP развернула мобильные группы, обеспечила использование вертолетов Ми-24 и обучила местных военнослужащих тактике «искать и уничтожать», что помогло вернуть часть территории под контроль правительства [8]. Контракт был относительно недорогим и ограниченным по времени, но вызывал споры о нарушении суверенитета и зависимости от внешних сил.

6. DeWe Security и Frontier Services Group (КНР)

Китай долгое время не прибегал к услугам частных военных компаний, но рост проектов в рамках инициативы «Один пояс – один путь» привел к появлению DeWe Security и Frontier Services Group. DeWe, созданная в 2011 г., охраняет объекты в Эфиопии, Кении и Южном Судане, обучает местных сотрудников и китайских специалистов, проводя тысячи тренингов [11]. Frontier Services Group, частично принадлежащая китайской государственной корпорации CITIC, предоставляет логистику и охрану для инфраструктурных проектов. В отличие от западных ЧВК, китайские компании часто остаются невооруженными, полагаясь на сотрудничество с местными силами правопорядка [6]. Их деятельность воспринимается как средство продвижения китайских технологий и маркетинга вооружений.

Наряду с вышеуказанными компаниями на рынке работают Aegis Defence Services, G4S, GardaWorld, DynCorp и другие. Их деятельность варьируется от охраны разного рода объектов до подготовки полиции и обеспечения логистики. Эти примеры подтверждают, что рынок ЧВК разнообразен и разделен между крупными транснациональными корпорациями и нишевыми игроками при различных моделях участия.

Сопоставление кейсов позволяет выделить несколько моделей взаимодействия ЧВК и ВТС. Первая – «полный пакет», когда компания, как ЕО или STTEP, одновременно участвует в боевых действиях, обучает персонал и обслуживает технику. Такая модель обеспечивает быструю стабилизацию, но создает зависимость от частного партнера и риск эскалации. Вторая – «тренер-интегратор», как MPRI, фокусируется на реформе

вооруженных сил и внедрении стандартов, служа инструментом распространения военной доктрины поставщика. Третья модель – «вооруженный эскорт и охрана», свойственная Blackwater, Aegis или G4S; она сопровождает поставки и защищает персонал, но часто связана с инцидентами из-за недостаточного контроля. Четвертая – «гуманитарный сервис», представленный Bancroft, совмещает «благотворительные» функции с обучением и способствует экспорту вооружений. Пятая – «транснациональная охрана инфраструктуры», как у DeWe и FSG: компании охраняют проекты и проводят тренинги, но остаются невооруженными, что делает их зависимыми от местной власти.

Нередко участие ЧВК позволяет обойти эмбарго и ограничения: через MPRI США легализовали поставки оружия в Боснию и Хорватию, ЕО обходила санкции в Сьерра-Леоне, а китайские фирмы, оставаясь консультантами, сопровождают экспорт технологий. Влияние на динамику конфликтов неоднозначно: ЧВК могут быстро изменить баланс сил, как в Нигерии, но их уход приводит к возвращению нестабильности; скандалы, подобные Нисурскому, усиливают протесты и антагонизм; гуманитарные проекты улучшают подготовку местных сил, но без долгосрочной стратегии их эффекты недолговечны.

Роль российских ЧВК в Африке

Правовой статус российских ЧВК остается противоречивым. Прямого закона о ЧВК нет; нормативная среда формируется отрицательным образом: ст. 359 УК РФ криминализирует вербовку, финансирование и участие наемников, а также их использование в вооруженном конфликте [2]. В результате на практике используется гибридный инструментарий: «частные» структуры выступают как добровольческие подразделения, охранные компании, подрядчики по обучению или технической поддержке, фактически интегрируясь в государственный контур безопасности.

Центральноафриканская Республика стала одним из ранних полигонов сопряжения ВТС и «частного» сервиса. После смягчения эмбарго на поставки

вооружений при адресных изъятиях Россия в 2018 г. поставила партии стрелкового вооружения и направила инструкторов [13]. В операционном плане именно связка «поставки – обучение – охрана объектов и персонала» позволила быстро нарастить дееспособность вооруженных сил ЦАР, но одновременно поставила вопросы соответствия международно-правовым стандартам и разграничения ролей государственных и негосударственных акторов.

В Сахеле роль российских ЧВК тесно сопрягается с импортом техники и подготовкой личного состава. Мали с 2021 г. последовательно получала из России вертолеты и самолеты [15]. Эти поставки сопровождались развертыванием российских инструкторов и охранных подразделений, что обеспечивало «доведение до готовности» техники и одновременно укрепляло режимную безопасность.

С конца 2023 г. значительная часть африканского присутствия была институционально реформатирована в «Африканский корпус» под эгидой Министерства обороны России [3]. В январе 2024 г. СМИ фиксировали прибытие российских представителей в Буркина-Фасо [1]; весной 2024 г. инструкторы были зафиксированы и в Нигере [17]. По оценкам профильных центров, «Африканский корпус» выступает как более интегрированная государственная замена прежних «несистемных» сетей, сохраняя их функционал – обучение, охрану, сопровождение ВТС и режимную защиту – но под прямым управлением МО РФ; в отдельных странах (Мали, ЦАР, Буркина-Фасо, Нигер) работает параллельно с процессами импорта вооружений и техники, обеспечивая оперативное «вшивание» поставок в контрповстанческие и антитеррористические кампании.

С точки зрения эффективности ВТС участие российских ЧВК решает три задачи. Во-первых, сокращает лаг между поставкой и достижением «боевой готовности» путем ускоренного обучения, совместного применения и доводки процедур эксплуатации. Во-вторых, снижает уязвимость экспортных проектов за счет охраны объектов, аэродромов и логистики, включая защиту

обслуживающего персонала и конвоев. В-третьих, обеспечивает устойчивость жизненного цикла техники: ремонт, снабжение и модернизация, что особенно важно для платформ советского и российского происхождения, доминирующих на африканском рынке. Но это же участие повышает нормативные риски. Чем больше сервисный слой вовлечен в боевые эпизоды и принуждение силы, тем выше вероятность коллизий с МГП, ответственности государства происхождения и санкционной нагрузки на связанные компании. После 2023 г. российская стратегия – от «несистемных» сетей к государственно контролируемому «Африканскому корпусу» – отражает прагматику снижения издержек несогласованности, но требует формализации правовых рамок и встроенных механизмов комплаенса с международными стандартами (в том числе практиками Монтрё и механизмами мониторинга, аналогичными ICoSA), если целью остается легитимизация сервисной части ВТС в глазах международных партнеров.

В итоге российские ЧВК – в широком, институционально эволюционирующем смысле – выступают как «переводчики» контрактов ВТС на язык реальной боеспособности: они ускоряют обучение, поддерживают эксплуатацию и охраняют критические узлы, одновременно служа инструментом политической вовлеченности и обеспечения безопасности партнеров. Эта функциональная полезность объясняет устойчивый спрос на «пакетное» присутствие. Однако долгосрочная устойчивость такой модели зависит от двух условий: прозрачного правового оформления в стране происхождения и совместимости практик на земле с международным правом и правами человека в странах присутствия. Без этого сервисный контур ВТС остается источником хронических правовых, политических и репутационных рисков, способных нивелировать выгоды от поставок вооружений и разрушить накопленный капитал доверия.

Заключение

Частные военные и охранные компании стали неотъемлемой частью современной безопасности. ЧВК в контексте ВТС не «аномалия», а новая

нормальность мирового оборонного рынка. Участие ЧВК способствует быстрому наращиванию военного потенциала и гибкому выполнению задач, но одновременно обостряет вопросы ответственности и прозрачности. Разбор зарубежных кейсов показывает, что ЧВК могут быстро повысить боеспособность и изменить баланс сил, однако это сопровождается рисками злоупотреблений, нарушений международного гуманитарного права, эскалации конфликтов и приватизации насилия.

Для уменьшения рисков необходимо развивать международное сотрудничество: создавать обязательные стандарты, интегрировать контроль за ЧВК в экспортную политику, обеспечивать прозрачность и ответственность. Национальные законодательства должны предусматривать строгие процедуры лицензирования и мониторинга, а международные организации – координировать меры по созданию общих регистров и усилению правосудия.

В условиях усиления международной нестабильности спрос на частные услуги, вероятно, будет расти. Это делает задачу регулирования еще более актуальной. Без надлежащего контроля этот рост может привести к дальнейшей фрагментации сферы применения силы. Исследователям, политикам и экспертам по безопасности предстоит продолжать изучать влияние ЧВК на международную систему и искать баланс между эффективностью и соблюдением правовых и этических стандартов.

Список литературы

1. Россияне развернулись в Африке // Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/>.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ, ст. 359. URL: <https://www.consultant.ru/>.
3. Что известно об «Африканском корпусе» России // Ведомости. URL: <https://www.vedomosti.ru/>.
4. Bennis P. Privatizing Military Training: The Role of MPRI in Croatia and Bosnia // Foreign Policy in Focus. — 2000. — URL: https://fpif.org/privatizing_military_training/.

5. Feral Jundi. Bancroft Global Development Trains African Troops in Somalia // Feral Jundi Blog. — 2011. — URL: <https://feraljundi.com>.
6. Fitch A., Erickson A. Beijing's Private Security Firms Go Global // Jamestown China Brief. — 2018. — Vol. 18, No. 16.
7. Global Policy Forum. In Somalia, U.S. Relies on Private Contractors // Global Policy Forum. — 2011. — URL: <https://globalpolicy.org>.
8. Hired Guns: The Rise of Private Military Industry in Africa // Modern Diplomacy. — 8 April 2025. — URL: <https://moderndiplomacy.eu>.
9. International Code of Conduct Association. Case Study: The Nisour Square Massacre, September 16 2007. — Geneva: ICoCA, 2013.
10. International Code of Conduct for Private Security Service Providers. — Geneva: International Code of Conduct Association (ICoCA), 2010. — URL: <https://icoca.ch>.
11. Jones B., Xiang L. Chinese Security Contractors in Africa: A New Tool of Chinese Foreign Policy? // Carnegie Endowment for International Peace. — 2023. — URL: <https://carnegieendowment.org>.
12. Lamb C. J., Arkin S., Scudder S. The Bosnia Train and Equip Program: A Lesson in Interagency Integration of Hard and Soft Power. — Washington, D.C.: National Defense University Press, 2014.
13. Letter dated 23 July 2018 from the Panel of Experts on the Central African Republic extended pursuant to resolution 2399 (2018) addressed to the President of the Security Council // UN CS. URL: <https://www.securitycouncilreport.org/>.
14. Maciag M. Executive Outcomes: Patronage or Predation? Changing the Nature of Security Governance in Africa // War Studies University Journal. — 2019. — № 3. — С. 189–203.
15. Mali receives four helicopters and weapons from Russia // Reuters. URL: <https://www.reuters.com/>.
16. Montreux Document on pertinent international legal obligations and good practices for States related to operations of private military and security companies during armed conflict. — Bern: Federal Department of Foreign Affairs of Switzerland; International Committee of the Red Cross, 2008.
17. Russia sends military trainers and air-defence system to Niger // Reuters. URL: <https://www.reuters.com/>.

Шангараев Руслан Насимович,
доктор политических наук, профессор
кафедры стратегических коммуникаций и государственного управления,
Дипломатическая академия МИД России,
e-mail: shang143@mail.ru

Галимов Ильназ Илдарович
студент магистратуры,
Дипломатическая академия МИД РФ,
E-mail: galimov.ilnaz2018.galimov@yandex.ru

Ruslan N. Shangaraev,
Doctor of Political Sciences, Professor Department of
Strategic Communications and Public Administration
Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation,
e-mail: shang143@mail.ru

Galimov Inaz Ildarovich
Master's student,
Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian
Federation,
E-mail: galimov.ilnaz2018.galimov@yandex.ru

**КУЛЬТУРНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО
РЕСПУБЛИКИ ТУРЦИИ СО СТРАНАМИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ:
КАЗАХСТАН, КИРГИЗИЯ, УЗБЕКИСТАН**

**CULTURAL AND EDUCATIONAL COOPERATION BETWEEN THE
REPUBLIC OF TURKEY AND THE COUNTRIES OF CENTRAL ASIA:
KAZAKHSTAN, KYRGYZSTAN, AND UZBEKISTAN**

Аннотация: в статье рассматривается культурно-образовательное сотрудничество Турецкой Республики с Казахстаном, Киргизией и Узбекистаном. В работе предпринята попытка изучить деятельность Международного казахско-турецкого университета им. Х.А.Ясави и Международного университета тюркских государств (Узбекистан). В исследовании особое внимание уделяется деятельности сети школ образовательного учреждения «Сапат» в Кыргызской Республике, а также Кыргызско-Турецкому университету «Манас».

Ключевые слова: Республика Турция, Центральная Азия, образование, Кыргызско-Турецкий университет «Манас», Международный казахско-турецкий университет им. А.Ясави, Международный университет тюркских государств

Abstract: the article examines the cultural and educational cooperation of the Republic of Turkey with Kazakhstan, Kyrgyzstan and Uzbekistan. The study focuses on the activities of the Hizmet movement, the Zapat educational institution

school network in the Kyrgyz Republic, as well as the Kyrgyz-Turkish Manas University. The paper attempts to study the activities of the International Kazakh-Turkish University named after H.A.Yasavi and the International University of Turkic States (Uzbekistan).

Keywords: Republic of Turkey, Central Asia, education, Manas Kyrgyz-Turkish University, A. Yasawi International Kazakh-Turkish University, International University of Turkic States

Введение

Летом 1990 года так называемая волна «парада суверенитетов» прокатилась и по Центральной Азии. Узбекистан стал первой республикой в регионе, объявивший о своем суверенитете 20 июня 1990 года. Вслед за ним в августе тоже самое сделали Туркменистан и Таджикистан, впоследствии их примеру последовали Казахстан в октябре и Киргизия в декабре соответственно. Вскоре аналогично другим республикам бывшего Советского Союза, законодательные органы всех пяти центральноазиатских государств объявили свои титульные языки государственными. В последующие два года все пять стран Центральной Азии присоединились к Организации Объединенных Наций, а в столицах начали открываться посольства и консульские службы иностранных государств.

Республика Турция стала первой страной, которая установила дипломатические отношения с новыми республиками Центральной Азии, направила усилия по оказанию помощи народам этого обширного региона и их молодым государствам в социальных, культурных и экономических преобразованиях [19]. Налаживание полноценных связей Турции с регионом берет свое начало с турне президента Турции Тургута Озала в центральноазиатские страны. Как результат, руководству Турции удалось в 1992 году организовать на высшем уровне в Анкаре конференцию всех тюркоязычных государств, а именно Турции, Азербайджана, Казахстана, Узбекистана, Киргизии и Туркменистана. Итогом данной встречи стало подписание 31 октября 1992 года Анкарской декларации, которая стала основополагающим документом в выстраивании дальнейшей турецкой

политики в отношении центральноазиатских республик, а конференция обрела характер ежегодного мероприятия [12]. Более того, в правительственных структурах Турции был учрежден пост Государственного Министра Турецкой Республики по связям с тюркоязычными государствами [2]. В это же время турецкие официальные лица представили свое видение касательно объединения всех тюркских государств, на основе общих социокультурных особенностей. Тогда же в СМИ активно циркулировали такие понятия как «узбекские тюрки», «киргизские тюрки», «татарские тюрки», что стало ярким свидетельством желания «восстановления тюркского единства» под турецким патронажем. Особый акцент Турцией уделялся и в сфере образования, как на одну из возможных эффективных инструментов политики «мягкой силы», так, ею иницируются и создаются различные образовательные программы, тюркским студентам предоставляются стипендии, начинается трансляция тюркских каналов [12]. Другим не менее важным событием в укреплении турецкого влияния в регионе стало создание по инициативе президента Казахстана Нурсултана Назарбаева Совета сотрудничества тюркоязычных государств 3 октября 2009 года [7]. В рамках саммита ССТГ в 2012 году обсуждались вопросы, связанные с процессом интеграции тюркоязычных стран, способствования сотрудничества в сферах экономики, науки и образования [3].

Продолжая рассмотрение образования как элемента турецкой политики «мягкой силы» в регионе можно отметить реализованные Анкарой проекты для студентов Центральной Азии. К примеру, Республика Турция прикладывала усилия в подготовке религиозного персонала на своей территории, с целью восстановления исламских ценностей в обретших независимость государствах путем интеграции через образовательные учреждения. Этот процесс стоит рассматривать в рамках Министерства образования Республики Турции, именно под его ведомством в 1992 году был реализован «Большой студенческий проект». Проект был направлен на студентов Центральной Азии, позволяя им без всяких препятствий поступать

в высшие учебные заведения Турции и при этом получать стипендии. Среди основных же задач, поставленных перед «Большим студенческим проектом», являлось формирование профессиональных кадров в тюркоязычных странах, а также распространение турецкой культуры и языка. Здесь не лишним будет упомянуть, что важную роль в реализации турецких внешнеполитических амбиций в регионе сыграла и Всемирная ассамблея тюркских народов, основной деятельностью которой является изучение исторических корней тюркской культуры [3].

Кыргызско-Турецкий университет «Манас»

Тем не менее знаковым событием в развитии турецко-киргизских отношений в сфере образования послужило подписание 30 сентября 1995 года в г. Измир Договора об учреждении в столице Кыргызстана г. Бишкек Кыргызско-Турецкого университета «Манас» [4]. В 1997/1998 учебном году был осуществлен первый набор студентов в университет на такие направления как «история», «тюркология», «менеджмент» и «компьютерная инженерия». В том учебном году в университете обучалось 86 студентов, которым преподавали 38 преподавателей, некоторые из которых были из Турции. Впоследствии в целях развития университета правительства обоих государств подписали новый Договор о дальнейшей деятельности Кыргызско-Турецкого университета «Манас». Новый этап охарактеризовался качественными изменениями. Так, университет «Манас» стал одним из ведущих университетов Центральной Азии, что в первую очередь объяснялось высоким качеством учебной и научной работы, а также интенсификацией взаимодействия с турецкой стороной. Изменению подверглась также и кадровая политика. К примеру, теперь оценки профессорско-преподавательского состава стали международно признанные критерии такие как наличие работ и публикаций в международных цитируемых журналах (SCI, SSCI, ANCI), принятие участия в международных исследовательских проектах, а также знание иностранных языков [5].

На сегодняшний день университет предлагает обучение по 96 программам, из которых 10 предоставляют среднее профессиональное образование, 41 программа бакалавриата, 28 программ магистратуры и докторантура (PhD) 17 программ. Университет вручает всем выпускникам дипломы о высшем образовании государственного образца, которые признаются как в Киргизии и Турции, так и в странах ближнего и дальнего зарубежья, а все предоставляемые на обучение программы соответствуют требованиям Болонского процесса [5]. Также стоит отметить, что в университете созданы все условия для льготного проживания и питания, а сам ВУЗ в большей степени финансируется за счет средств, которые выделяются Турцией. Киргизия же оплачивает обучение лишь 240 студентам, в то время как в вузе обучаются 4.700 человек. В настоящее время в ВУЗе работают 527 преподавателей, 393 из которых являются гражданами Киргизии [4].

В 2017 году Кыргызско-Турецкий университет «Манас» указом президента Республики Киргизии А.Ш.Атамбаева был награжден орденом «Достук» за особый вклад в развитие социально-экономического, духовного и интеллектуального потенциала Кыргызской Республики [5]. Это лишь является подтверждением успешности проекта Кыргызско-Турецкого университета «Манас», способствующим укреплению киргизско-турецких отношений в культурной, образовательной, научной и экономической сферах. Университет играет значительную роль в подготовке квалифицированных кадров, сохранении, развитии и передачи тюркской культуры, а также в укреплении дружественных взаимоотношений между Киргизией и Турцией.

**Международный Казахско-Турецкого университет
имени Ходжи Ахмета Ясави**

Отношения с Республикой Казахстан, одним из ведущих стран по экономическому развитию и крупнейшим по размеру тюркских государств постсоветского периода, имеют огромное значение в выстраивании политики Турции в Центрально-Азиатском регионе, и сфера образования в этом процессе играет значительную роль. В 2010 году в Астане по инициативе

президента Нурсултана Назарбаева была открыта Международная тюркская академия, основной деятельностью которой является проведение научных исследований о тюркском мире. Сотрудничество в сфере образования со временем лишь укрепилось и в ноябре 2022 года в Астане при поддержке турецкого Управления по делам турок за рубежом и родственных сообществ было открыто «Общество выпускников турецких ВУЗов». Общество было организовано с целью сохранения связей между выпускниками турецких ВУЗов и созданием площадки, с помощью которой они смогут развивать взаимное сотрудничество и поддерживать связи с Республикой Турцией. Однако наиболее важным моментом в развитии двусторонних культурно-образовательных отношений является создание совместного в г. Туркестан Международного университета имени Ахмеда Ясави в честь средневекового исламского проповедника, основавшего суфийский тарикат Ясавия [16]. Ключевую роль в основании данного университета сыграло подписание 1 мая 1992 года «Соглашения о сотрудничестве в областях образования, науки, культуры, и спортивных состязаний». Согласно договору, было принято решение, что Туркестанский Государственный Университет должен стать университетом обоих государств. В результате, 31 октября 1992 года между правительствами двух стран на встрече высшего уровня президентов тюркоязычных стран в Анкаре было подписано «Соглашение о Создании Международного Казахско-Турецкого университета имени Ходжи Ахмета Ясави в городе Туркестан» [6]. В мае 2007 года университетом был подписан Меморандум о присоединении к Болонской декларации, а в сентябре 2010 года была подписана Великая Хартия Университетов, которая считается основой Болонской Декларации [9].

Университет им. А.Ясави имеет особенную для Казахстана структуру корпоративного управления. В соответствии с Уставом, который был утвержден правительствами Казахстана и Турции, Высшим органом управления является Межправительственный полномочный совет (г.Анкара), обеспечивающий общее руководство университетом на паритетных началах.

Межправительственный полномочный совет состоит из десяти членов, пять из которых, в том числе и президента-ректора, назначаются правительством Республики Казахстан, другие пять представительств совета – правительством Турции [9]. В рамках университета существует так же и попечительский совет, куда входят пять граждан Турции и Казахстана, а председатель попечительского совета назначается указом президента Республики Турция [16].

Международный казахско-турецкий университет им. А. Ясави осуществляет свою деятельность в нескольких направлениях [11] и предлагает студентам весьма широкий спектр образовательных программ. К примеру, образовательная деятельность университета включает в себя 54 специальности бакалавриата, 30 специальностей магистратуры, 11 специальностей докторантуры (PhD), 3-резидентуры, а также 7-интернатуры в таких областях как естественные, гуманитарные, экономические, юридические, социальные, медицинские и технические науки, а также специальностям образования, искусства, услуг и бизнеса. Отличительной особенностью университета являются его стипендии. К примеру, решением Межправительственного полномочного совета ежегодно из бюджета Турции выделяются 500 образовательных грантов для казахстанских абитуриентов, которые по итогам Единого национального тестирования получили самые высокие баллы, однако не смогли пройти по конкурсу на получение государственных образовательных грантов [9]. Наряду с тем, университет поощряет студентов, чьи научные работы публикуются в престижных научных журналах, за что студенты получают денежное вознаграждение до 2 тыс. долларов [22].

На сегодняшний день в составе университета находятся 10 факультетов, 6 научно-исследовательских институтов, Высшая школа государственного управления и экономики, а также специализированный диссертационный совет по защите докторских диссертаций [10]. У ВУЗа также есть действующая библиотека, где помимо учебных материалов по всевозможным

научным направлениям, существует коллекция классических и современных художественных произведений. Помимо всего прочего в университете развита спортивная инфраструктура, включающая в себя спортивные площадки и секции [11]. Сам же кампус университета располагается в нескольких минутах ходьбы от символа Туркестана, мавзолея Ходжи Ахмета Ясави [21].

Отдельного упоминания заслуживает то, что по версии рейтинга QS, оценивающему ведущие университеты мира, ВУЗ им. А. Ясави входит в число 800 лучших университетов мира, в частности благодаря тому, что учебное заведение занимает одни из лучших позиций в области искусства, гуманитарных и социальных науках, а также в менеджменте [11]. Университет активно сотрудничает более чем с 50 институтами и университетами, среди которых стратегическими партнерами выступают турецкие ВУЗы [8]. В настоящее время в университете обучаются более 10274 студентов, интернов, магистрантов и докторантов, а также слушателей подготовительного факультета, включая 1351 студента из тюркоязычных стран ближнего и дальнего зарубежья что составляет 14% от контингента. За годы же своего существования ВУЗ подготовил в области высшего профессионального и послевузовского образования более 76 тыс. молодых специалистов, включая из стран ближнего и дальнего зарубежья. Это лишь подтверждает, что университет Ахмеда Ясави является уникальным в тюркском мире, в котором происходит диалог культур и толерантное межнациональное воспитание молодежи более чем из 17-ти стран мира. В нынешних условиях процесса глобализации это имеет важное идеологическое значение как духовный фактор, объединяющий тюркоязычный мир и образовательный центр [10].

Международный университет тюркских государств (Узбекистан)

Дипломатические отношения между Узбекистаном и Турцией были установлены 4 марта 1992 года. В том же году в столицах двух государств начали свою деятельность посольские службы и дипломатические миссии. Годом ранее состоялся визит узбекистанской делегации во главе с первым президентом И.А. Каримовым в Турцию, в ходе которого состоялась встреча

с президентом Турции Тургут Озалом и премьер-министром Сулейманом Демирелем. В рамках переговорных процессов были подписаны ряд основополагающих документов, в числе которых можно назвать «Договор об основных межгосударственных отношений между Республикой Узбекистан и Республикой Турция», «Соглашение о сотрудничестве в экономической и торговой сферах», «Соглашение о взаимном сотрудничестве в области культуры, науки, образования, здравоохранения, спорта и туризма» и др [20].

Однако несмотря на, казалось бы, крепнущее сотрудничество, отношения Анкары с Ташкентом еще с 1990-х оставались крайне напряженными, в основе их лежали политические причины. Турецкие власти предоставили некоторым узбекским оппозиционным деятелям укрытие на своей территории. Среди лиц, предоставленным политическое убежище, был и Мухаммад Салих, который является лидером оппозиционной партии «Эрк». Более того, официальные лица Узбекистана опасались экономической и культурной экспансии Турции в регионе, с целью которой являлось закрепление за собой статуса «старшего партнера». Тем самым двусторонние отношения оставались на минимальном уровне вплоть до прихода к власти в Узбекистане президента Шавката Мирзиёева [1].

После вступления в должность лидера Узбекистана Мирзиёева в отношениях между Ташкентом и Анкарой произошли и продолжают наблюдаться ощутимые положительные изменения. Республика Турция в настоящее время может стать одним из приоритетных направлений внешней политики Узбекистана. Стоит отметить, что стороны уже добились позитивных результатов: десятки турецких компаний вернулись в Узбекистан, был введен безвизовый режим пересечения границы для турецких граждан, активно развиваются торгово-экономические отношения [20]. Особую роль в укреплении сотрудничества начинает играть и образовательная сфера, в которой на сегодняшний день уже достигнуты определенные значительные успехи. К примеру, в настоящее время успешно функционируют Ташкентский филиал Университета экономики и технологий Турции, а также факультет

Университета медицинских наук Турции, который был создан в Бухарском государственном медицинском институте [18].

На сегодняшний день будущее развитие турецко-узбекских отношений в сфере образования во многом определяется реализацией указа, подписанным 24 января 2025 года лидером Узбекистана, «О создании Международного университета тюркских государств», предложение о создании котором поступило от Республиканского совета высшего образования и Совета высшего образования Турции [14]. Университет будет функционировать как негосударственная высшая образовательная организация, которая будет осуществлять свою деятельность в соответствии с законодательными актами Узбекистана в сфере образования [13]. Международный университет тюркских государств ставит себе целью подготовку современных кадров в соответствии с международными стандартами [17], а также расширение развивающихся в последние годы политических, торгово-экономических, культурно-гуманитарных связей между тюркскими государствами и укрепление взаимного сотрудничества в сферах образования, науки и инноваций. Основными же направлениями деятельности университета, как утверждается, будет подготовка высших кадров, специализирующихся в таких сферах, как инженерия, строительство, информационные технологии, логистика, программирование, здравоохранение, сельское хозяйство, пищевая промышленность. Наряду с тем, среди ключевых направлений остаются экономические и социальные сферы [14]. Планируется также и реализация образовательных программ с зарубежными учреждениями, включая и с турецкими ведущими ВУЗами, и разработка совместных академических программ проведения научных исследований, а начиная с 2025/2026 учебного года университет будет перенимать учебные программы турецких высших образовательных учреждений, которые входят в число 1000 лучших ВУЗов мира, признанные лидерами в своих областях [22]. Для осуществления же контроля за ходом исполнения задач, возложенных на университет будет

образован Управляющий совет по налаживанию и координации деятельности Международного университета тюркских государств [14].

В президентском постановлении отдельным пунктом также отмечается выдача грантовых мест на обучение в университете для граждан государств, имеющих статус члена и наблюдателя в Организации тюркских государств. Прием же студентов в университет и аттестация выпускников осуществляются университетом по согласованию с Министерством высшего образования, науки и инноваций в соответствии с установленным требованиям и порядку. Выпускникам университета будет выдаваться диплом зарубежной высшей образовательной организации-партнера и установленный по образцу диплом Университета, который признается в Республике Узбекистан [14].

Следует также принять к сведению, что договоренность между Республиканским советом высшего образования и Советом высшего образования Турции и высшими образовательными организациями-партнерами из Турции предусматривает полное обеспечение университета учебными планами, программами и учебной литературой, разработанными с учетом государственных образовательных стандартов Республики Узбекистан. Достигнутая договоренность также включает в себя создание возможности доступа студентов и профессорско-преподавательского состава университета к фонду библиотек зарубежных высших образовательных учреждений-партнеров, а также привлечение в университет профессорско-преподавательского состава из ведущих зарубежных, включая и высших образовательных организаций-партнеров из Турции для ведения занятий. В целях подготовки педагогических кадров для университета образовательные-партнеры обязуются выделять целевые грантовые места в магистратуре и докторантуре для граждан Республики Узбекистан [14].

Таким образом, можно утверждать, что Международный университет тюркских государств является важным фактором в развитии культурно-образовательного сотрудничества между Анкарой и Ташкентом. Университет станет площадкой для студенческих и преподавательских обменов, а также

исследовательской деятельности между двумя странами, что приведет к более глубокому пониманию истории, культуры и языков друг друга. В конечном счете это будет способствовать укреплению солидарности и единства между Республикой Узбекистан и Турецкой Республикой.

Заключение

Подводя итог становится ясным, что с самого начала обретения центрально-азиатскими государствами своей независимости Республика Турция старалась выстраивать отношения со странами региона в том числе и в образовательной сфере, используя ее как один из своих элементов «мягкой политики». Флагманскими проектами в отношениях Турции с такими центрально-азиатскими странами как Киргизия, Казахстан и Узбекистан в сфере образования являются Кыргызско-Турецкий университет «Манас», Международный казахско-турецкий университет им. А.Ясави, а также Международный университет тюркских государств (Узбекистан). Все три высших учебных заведения направлены на то, чтобы играть важную роль в укреплении связей между тюркскими государствами, которые способствуют развитию образования, науки, а также культуры. Наряду с тем они также являются важными проводниками турецкой мягкой силы в регионе и культурной дипломатии.

Список источников и литературы

1. Воробьев А. Казахстан и Турция: опциональная дружба // РСМД – 22.04. 2021. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/kazakhstan-i-turtsiya-optionalnaya-druzhba/> (дата обращения: 25.03.2025).
2. Вейцель Р. Влияние Турции на культуру и образование стран Центральной Азии // Ислам в современном мире. – 2014; №1 (33). – С. 26-32.
3. Дегер К. Сотрудничество Турции и Кыргызстана // Символ науки. – 2016. – № 3-4. – С.198-200.
4. Кудаяров К. А. Политика Турции в образовательной сфере Киргизии // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. – 2015. – №2. – С. 82-90.
5. Кыргызско-Турецкий университет Манас – URL: https://manas.edu.kg/ru/about_manas/history (дата обращения: 15.03.2025).

6. Лукашова С., Омиржанов Е., Чонгаров Е. Перспективы и реалии создания международных университетов в Казахстане // *Concorde*. – 2015. – №4. – С. 75-82.
7. Макулбеков М. Кратко об истории Тюркского совета // Международное информационное агентство «Казинформ». – 31.03.2021. – URL: https://www.inform.kz/ru/kratko-ob-istorii-tyurkskogo-soveta_a3770319?ysclid=m8olkssi3q721373654 (дата обращения: 12.03.2025).
8. Международный казахско-турецкий университет имени Ходжи Ахмета Ясави // Большая Российская Энциклопедия – 01.09.2023. – URL: <https://bigenc.ru/c/mezhdunarodnyi-kazakhsko-turetskii-universitet-imeni-khodzhi-akhmeda-iasavi-36a650> (дата обращения: 22.03.2025).
9. Международный казахско-турецкий университет имени Ходжи Ахмеда Ясави // РУВИКИ – URL: <https://goo.su/5NxK4k> (дата обращения: 18.03.2025).
10. Международный казахско-турецкий университет имени Ходжи Ахмеда Ясави // Университет Ахмеда Ясави – URL: <https://ayu.edu.kz/ru/50/tarihce> (дата обращения: 20.03.2025).
11. Международный казахско-турецкий университет имени Ахмета Ясави // UNIPAGE –URL: https://www.unipage.net/ru/20028/international_kazakh_turkish_university_named_after_ahmet_yasawi?ysclid=m84v4rr26h605162645 (дата обращения: 20.03.2025).
12. Нафиков И.З. Турецкая внешняя политика в странах Центральной Азии в постсоветское время: региональная интеграция в новых политических реалиях // *Известия Восточного института*. – 2024. – №1 (61). – С. 116-123.
13. Одинокоев Е. В Ташкенте появится Международный университет тюркских государств // *Sputnik Узбекистан* – 28.01.2025. – URL: <https://uz.sputniknews.ru/20250128/tashkent-mejdunarodnyy-universitet-tyurkskix-gosudarstv-47729161.html> (дата обращения: 27.03.2025).
14. Постановление Президента Республики Узбекистана, от 24.01.2025 г. № ПП-24 // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан – URL: <https://lex.uz/ru/pdfs/7339509> (дата обращения: 28.03.2025).
15. Притчин С. А. Турецкая стратегия в отношении Центральной Азии на современном этапе: сильные стороны и ограничители // *Ойкумена. Регионоведческие исследования*. – 2024. – №2 (69). – С. 52-62.
16. Свистунова И. Турецко-казахстанские отношения на современном этапе // *Россия и новые государства Евразии*. – 2023. – № 3 (60). – С. 45-54.
17. Создается Международный университет тюркских государств // *Ta'lim telekanali* – 28.01.2025. – URL: <https://talimtelekanali.uz/ru/turkiy-davlatlar-xalqaro-universiteti-tashkil-etiladi-28-01-2025/> (дата обращения: 25.03.2025).
18. Узбекско-турецкое сотрудничество в сфере образования // *Bright Uzbekistan* –URL: <https://brightuzbekistan.uz/ru/uzbeksko-tureckoe-sotrudnichestvo-v-sfere-obrazovaniya/> (дата обращения: 25.03.2025).

19. Шангараев Р.Н., Ивочкина А.С. Особенности применения «Мягкой силы» Турции на постсоветском пространстве // Вопросы национальных и федеративных отношений. – 2023. – Т. 13. – №9 (102). – С. 3766-3782.

20. Юсупалиева, Д. К. Взаимовыгодные отношения Узбекистана и Турции // Молодой ученый. — 2020. — № 27 (317). — С. 335-337.

21. Kussainova M., Asgarli A. Международный университет имени Ахмеда Ясави: 30 лет успеха // Anadolu Ajansı – 31.08.2022. – URL: <https://goo.su/x1DA2Ea> (дата обращения: 21.03.2025).

22. International University of Turkic States to be established in Tashkent – 27.01.2025. – URL: <https://kun.uz/en/news/2025/01/27/international-university-of-turkic-states-to-be-established-in-tashkent> (дата обращения: 25.03.2025).

Нафиков Ильсур Закирзянович

кандидат исторических наук,
доцент кафедры алтаистики, тюркских и центральноазиатских исследований
Института международных отношений, истории и востоковедения
Казанский (Приволжский) федеральный университет
e-mail: IZNafikov@kpfu.ru.

OrCID: <https://orcid.org/0000-0001-9016-7944>, AuthorID: 802141

Ilsur Z. Nafikov

Candidate of Historical Sciences, associated professor of the Department of Altay,
Turkic and Central Asia Researches, Institute of International Relations, History
and Oriental Studies, Kazan (Volga region) Federal University,
e-mail: IZNafikov@kpfu.ru.

OrCID: <https://orcid.org/0000-0001-9016-7944>, AuthorID: 802141

**ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ
СПОРОВ ТУРЦИИ
И ГРЕЦИИ В ВОСТОЧНОМ СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ
И ПУТИ РЕКОНСТРУКЦИИ ОТНОШЕНИЙ**

**THE ENERGY DIMENSION OF TURKISH-GREEK TERRITORIAL
DISPUTES
IN THE EASTERN MEDITERRANEAN AND PROSPECTS FOR
RAPPROCHEMENT**

Аннотация. Статья посвящена комплексному анализу влияния открытия крупных месторождений углеводородов в Восточном Средиземноморье на эскалацию давнего греко-турецкого конфликта. Рассматривается, как энергетический потенциал региона трансформировал локальный территориальный спор в узел глобальных геополитических интересов, приведя к формированию двух противостоящих блоков. Исследуются стратегические доктрины ключевых акторов, в частности турецкая концепция «Голубая Родина» (Mavi Vatan), и ответные шаги коалиции во главе с Грецией, Кипром и Израилем, институционализированной в формате Восточно-Средиземноморского газового форума (EMGF). Особое внимание уделяется роли внешних игроков – США, ЕС и России – чьи интересы в диверсификации энергопоставок и ослаблении зависимости от российского газа оказывают значительное влияние на региональную динамику. На основе проведенного анализа делается вывод о многоуровневой природе конфликта, сочетающей исторические, правовые, экономические и стратегические аспекты. Несмотря на высокий потенциал эскалации, стороны не заинтересованы в открытом военном противостоянии, а перспектива урегулирования видится в сложных многосторонних переговорах на основе

принципа взаимных уступок, хотя в обозримой перспективе конфликт, вероятно, сохранит характер управляемой напряженности.

Ключевые слова: Восточное Средиземноморье, энергетическая безопасность, греко-турецкий конфликт, углеводороды, «Голубая Родина», Восточно-Средиземноморский газовый форум, геополитика, делимитация морских пространств.

Abstract. The article is devoted to a comprehensive analysis of the impact of the discovery of major hydrocarbon deposits in the Eastern Mediterranean on the escalation of the long-standing Greek-Turkish conflict. It examines how the region's energy potential has transformed a local territorial dispute into a nexus of global geopolitical interests, leading to the formation of two opposing blocs. The strategic doctrines of key actors are explored, particularly the Turkish "Mavi Vatan" (Blue Homeland) concept, and the countermeasures of the coalition led by Greece, Cyprus, and Israel, institutionalized within the East Mediterranean Gas Forum (EMGF). Special attention is paid to the role of external players—the USA, the EU, and Russia—whose interests in diversifying energy supplies and reducing dependence on Russian gas significantly influence regional dynamics. Based on the analysis, the conclusion is drawn about the multi-level nature of the conflict, combining historical, legal, economic, and strategic aspects. Despite a high escalation potential, the parties are not interested in an open military confrontation, and the prospect for a settlement is seen in complex multilateral negotiations based on the principle of mutual concessions, although in the foreseeable future the conflict is likely to maintain the character of a managed tension.

Keywords: Eastern Mediterranean, energy security, Greek-Turkish conflict, hydrocarbons, "Blue Homeland", East Mediterranean Gas Forum, geopolitics, maritime delimitation.

Введение

Энергетический потенциал Восточного Средиземноморья, сконцентрированный в шельфовой зоне, стал в XXI веке ключевым катализатором эскалации одного из самых затяжных и сложных региональных противостояний – греко-турецкого конфликта. Открытие значительных запасов углеводородов не только обострило существующие территориальные споры между Грецией, Кипром и Турцией, но и привлекло внимание крупнейших внешних акторов, трансформировав региональную проблему в узел глобальных геополитических и экономических интересов [5, с. 58].

Географическая сложность архипелага, глубинные исторические противоречия и конкурирующие интерпретации международного морского права создают перманентный конфликтный потенциал, оказывая

дестабилизирующее влияние на всю систему международных отношений в Восточном Средиземноморье. Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью системного анализа трансформации традиционного территориального спора под влиянием энергетического фактора, а также выявления перспектив деэскалации в условиях формирования новых региональных альянсов. Целью работы является комплексное исследование энергетического измерения греко-турецкого противостояния, анализ стратегий ключевых акторов и оценка возможных путей реконструкции отношений. Методологическую основу составили системный подход, позволивший рассмотреть конфликт как многоуровневое явление, а также сравнительный анализ внешнеполитических стратегий государств региона.

1. Энергетические открытия как катализатор региональной трансформации

Отправной точкой современной фазы конфликта стала серия крупных открытий углеводородных месторождений в период с 2008 по 2011 годы. В 2008 году на шельфе Кипра было обнаружено месторождение «Афродита» с запасами около 225 млрд куб. м газа. Вслед за этим, в 2009-2010 годах, у берегов Израиля были открыты месторождения «Таммар» (283 млрд куб. м) и «Левиафан» (623 млрд куб. м), а в 2015 году в египетской исключительной экономической зоне (ИЭЗ) – гигантское месторождение «Зохран» с запасами порядка 850 млрд куб. м [3, с. 102]. Поздние открытия, такие как «Калипсо» (170-230 млрд куб. м) и «Глафкос» (142-227 млрд куб. м) у берегов Кипра в 2018-2019 годах, лишь подтвердили колоссальный энергетический потенциал Левантийского бассейна. Совокупные запасы региона, по последним оценкам геологов, могут достигать 6,42 трлн куб. м газа и 3,8 млрд баррелей нефти, что существенно превышает первоначальные оценки Геологической службы США 2010 года (3,4 трлн куб. м газа) [7, с. 25]. Эти открытия превратили Восточное Средиземноморье в стратегически важный и крайне привлекательный для международных инвестиций энергетический кластер.

Обнаружение ресурсов немедленно запустило процессы регионализации и формирования новых политико-экономических альянсов. Изначальная инициатива по созданию тройственного энергетического союза (Греция, Кипр, Израиль) была последовательно расширена за счет привлечения Египта, обладающего не только значительными ресурсами, но и развитой инфраструктурой для сжижения природного газа. Этот процесс институционализировался в 2019 году с созданием Восточно-Средиземноморского газового форума (East Mediterranean Gas Forum – EMGF), в который вошли Египет, Израиль, Иордания, Палестина, Кипр, Греция и Италия, а статус наблюдателей получили США и ЕС [4, с. 77]. Кульминацией технического сотрудничества стало подписание 2 января 2020 года межправительственного соглашения о строительстве газопровода EastMed протяженностью 1900 км. Проектная мощность газопровода составляла 10 млрд куб. м газа в год, а его запуск планировался на 2024-2025 годы. Этот амбициозный инфраструктурный проект, наряду с экспортом сжиженного природного газа (СПГ) через египетские терминалы, был нацелен на создание альтернативного маршрута поставок энергоносителей в Европу, что соответствовало стратегическим интересам Вашингтона, выраженным в законопроекте «О безопасности и энергетическом партнерстве в Восточном Средиземноморье», направленном на ослабление зависимости европейских стран от российских углеводородов [7, с. 113].

Ответной реакцией Турции, чувствующей себя намеренно исключенной из формирующейся архитектуры регионального сотрудничества, стала разработка и последовательная реализация собственной стратегии, концептуально обоснованной в доктрине «Голубая Родина» (Mavi Vatan). Хотя эта доктрина, разработанная отставным адмиралом Ч. Гюрденисом, не имеет официального статуса, она де-факто стала руководством для турецкого внешнеполитического и военного курса в регионе [10, с. 118]. Доктрина не только направлена на обоснование турецких притязаний на обширные морские пространства, но и призвана преобразовать Турцию в ведущую

морскую державу. Ее практическая реализация включала проведение сейсмической разведки в спорных водах, масштабные военно-морские учения «Голубая родина» в 2019 году и, что наиболее значимо, подписание в ноябре 2019 года Меморандума о разграничении морских юрисдикций с Правительством национального согласия Ливии. Этот документ, оспаривающий права Греции и Кипра, был охарактеризован МИД Греции как «абсолютно неприемлемый» и «игнорирующий географическую реальность наличия острова Крит» [6, с. 92]. Анкара, в свою очередь, последовательно настаивает на принципе справедливости и равных правах турок-киприотов на природные ресурсы острова, подписывая аналогичное соглашение о разграничении континентального шельфа с Турецкой Республикой Северного Кипра (ТРСК).

Турецко-ливийский меморандум стал важнейшим стратегическим ходом, направленным на легитимизацию турецких претензий в глазах международного сообщества и создание правовой основы для противодействия проекту EastMed. Согласно положениям меморандума, транспортировка газа в Европу должна осуществляться через турецкую юрисдикцию, что позволило Анкаре предложить альтернативный маршрут и бросить вызов планам греко-кипрско-израильского альянса. В ответ на действия Турции Европейский союз ввел два пакета санкций в июле и октябре 2019 года, включая приостановление диалога на высоком уровне и сокращение объема финансовой помощи. Однако отсутствие консенсуса внутри ЕС, где такие страны, как Германия и Испания, рассматривают Турцию как важного партнера в НАТО и в решении миграционного кризиса, значительно снизило эффективность этих мер [1, с. 98].

2. Многоуровневый анализ конфликта: переплетение интересов и противоречий

Глубинный анализ конфликта позволяет выявить несколько тесно переплетающихся уровней противоречий, которые обуславливают его устойчивость и сложность урегулирования. На первом, правовом уровне

находится классический спор о делимитации континентального шельфа и ИЭЗ, усугубленный тем, что Турция не является участником Конвенции ООН по морскому праву 1982 года (UNCLOS). В то время как Греция и Кипр апеллируют к положениям Конвенции, предоставляющим островам право на собственную ИЭЗ и континентальный шельф, Анкара настаивает на ином, «справедливом» распределении морских пространств, учитывающем протяженность ее береговой линии, и апеллирует к принципу equity (справедливости) в международном праве.

На втором уровне лежит неразрешенный кипрский вопрос, где энергетические ресурсы стали новым инструментом политического давления и одновременно – потенциальным стимулом для возобновления переговоров об объединении острова. Турция последовательно отстаивает позицию, согласно которой природные ресурсы острова принадлежат обеим общинам, и блокирует любые попытки Республики Кипр вести самостоятельную разработку месторождений до достижения всеобъемлющего урегулирования.

Третий уровень представляет собой геоэкономическое соперничество за право стать ключевым энергетическим хабом для Европы. Греция, Кипр и Израиль делают ставку на проект EastMed, Египет – на свои мощности по сжижению газа, а Турция предлагает альтернативный, более короткий и, по ее оценкам, экономически эффективный маршрут через свою территорию, используя положения меморандума с Ливией. Это соперничество усугубляется энергетической стратегией самой Турции, определяемой ее хронической зависимостью от импорта энергоресурсов, которая в 2017 году составляла 76% [2, с. 34]. Правительство Р.Т. Эрдогана поставило амбициозную задачу по достижению энергетической независимости к 2023 году, планируя масштабные инвестиции в разведку и развитие инфраструктуры. В этом контексте контроль над ресурсами Восточного Средиземноморья является для Анкары не только вопросом национального престижа и безопасности, но и ключевым элементом долгосрочной экономической стратегии.

Четвертый, наднациональный уровень – это противостояние крупных держав: США, поддерживающих EMGF как альтернативу российскому газу в рамках своей стратегии энергетической безопасности Европы, и России, для которой сохранение своих позиций на европейском энергетическом рынке является стратегическим приоритетом и которая видит в Турции важного, хотя и непредсказуемого, партнера. При этом ЕС демонстрирует внутреннюю разобщенность, не имея единой позиции по отношению к Турции, что значительно ограничивает его способность выступать в качестве эффективного медиатора.

Позиции ключевых региональных акторов в рамках данного конфликта демонстрируют сложное сочетание стратегической жесткости и ситуационного прагматизма. Политика Израиля является, пожалуй, наиболее гибкой и многовариантной. Обладая значительными собственными ресурсами, Тель-Авив участвует как в проекте EastMed, так и в экспорте СПГ через египетские терминалы, тем самым диверсифицируя риски и избегая полной зависимости от одной трубы или одного союзника. Управление военной разведки Израиля в 2020 году охарактеризовало политику Эрдогана как «вызов», однако о прямой военной угрозе речи не идет, что позволяет Израилю сохранять сдержанную и взвешенную позицию, не отказываясь от сотрудничества с Грецией и Кипром, но и не вступая в открытую конфронтацию с Турцией [8, с. 156].

Египет, обладающий крупнейшими в регионе запасами газа и развитой инфраструктурой для его сжижения, стремится утвердиться в роли регионального энергетического хаба. В 2019 году экспорт египетского газа более чем удвоился, достигнув 4,5 млрд куб. м. Каир занимает в целом миротворческую позицию, выступая за многосторонний диалог с обязательным участием Греции и Кипра, что блокирует попытки Турции наладить отдельные переговоры с Египтом и расколоть антитурецкую коалицию [1, с. 103]. При этом Египет твердо стоит на том, что Греция и Кипр

должны присутствовать на любых переговорах с Турцией по вопросам делимитации в Восточном Средиземноморье.

Позиция Европейского союза остается амбивалентной и внутренне противоречивой. С одной стороны, Греция и Кипр являются его членами, и ЕС обязан демонстрировать солидарность с ними. С другой стороны, такие страны, как Германия, Болгария и Испания, рассматривают Турцию как критически важного партнера в НАТО, ключевого игрока в сдерживании нелегальной миграции и важного экономического контрагента. Эта внутренняя разобщенность, выражающаяся в невозможности принятия единой жесткой позиции в отношении Анкары, значительно снижает способность ЕС выступать единым фронтом и эффективно влиять на ситуацию, ограничиваясь символическими санкциями и призывами к диалогу.

Заключение

Проведенный анализ позволяет сделать ряд фундаментальных выводов относительно природы, динамики и перспектив греко-турецкого энергетического противостояния в Восточном Средиземноморье. Во-первых, обнаружение крупных месторождений углеводородов не создало новый конфликт, но наложилось на комплекс существующих исторических, территориальных и политических противоречий, придав им новое, мощное экономическое измерение и значительно повысив ставки для всех вовлеченных сторон. Во-вторых, конфликт имеет ярко выраженный многоуровневый характер, где локальный спор о морских границах тесно переплетается с региональной борьбой за влияние и глобальной конкуренцией великих держав за энергетические рынки и трассы транспортировки. В-третьих, сложившаяся архитектура региональных отношений характеризуется биполярностью: протурецкий блок, основанный на двусторонних соглашениях с ТРСК и Ливией, противостоит институционализированной коалиции во главе с Грецией, Кипром и Израилем в формате EMGF, причем каждая из сторон пользуется поддержкой внешних покровителей.

Несмотря на периодические всплески напряженности, прямые военные инциденты и высокий потенциал эскалации, ни одна из сторон не заинтересована в открытом вооруженном конфликте, экономические, политические и репутационные издержки которого были бы неприемлемо высоки для всех участников. Перспектива урегулирования лежит в плоскости сложных, затяжных и многоуровневых переговоров. Возможный компромисс может быть найден на основе принципа «взаимности уступок» (reciprocity): например, частичное признание Турцией прав Греции на ИЭЗ вокруг Крита в обмен на уступки Афин по вопросу о морских пространствах вокруг малых островов, в частности, Кастелоризо, а также на предоставление гарантий прав турок-киприотов на долю в доходах от разработки ресурсов. Однако достижение такого компромисса потребует от Турции отказа от политики односторонних действий и ее присоединения к Конвенции ООН по морскому праву в качестве отправной точки для переговоров, что на данный момент представляется маловероятным в условиях текущей внутривосточной конъюнктуры в Турции. Таким образом, в обозримой перспективе конфликт в Восточном Средиземноморье будет сохранять характер управляемой напряженности, периодически переходящей в фазы контролируемого обострения, но сдерживаемой сложной системой взаимных экономических интересов, внутривосточных противоречий в ЕС и сдержек со стороны внешних акторов, для которых дальнейшая дестабилизация региона также не входит в стратегические интересы.

Список литературы:

1. *Baev P. K. Russian Policy in the Eastern Mediterranean: A Post-Cold War Assessment // Mediterranean Quarterly. 2020. Vol. 31. No. 2. Pp. 95-110.*
2. *Efthymiou N. A. Energy Security and the Eastern Mediterranean: A Greek Perspective // Hellenic Studies. 2019. Vol. 27. No. 1. Pp. 25-40.*
3. *Grigoriadis I. N. Energy Discoveries in the Eastern Mediterranean: Conflict or Cooperation? // Middle East Policy. 2018. Vol. 25. No. 3. Pp. 99-115.*
4. *Hadjipavlou M. The Cyprus Conflict: Root Causes and Implications for the Eastern Mediterranean // Journal of Modern Greek Studies. 2021. Vol. 39. No. 1. Pp. 71-89.*

5. *Katz Y.* The Eastern Mediterranean Gas Forum: A New Energy Alliance // *Israel Journal of Foreign Affairs*. 2020. Vol. 14. No. 2. Pp. 55-70.
6. *Öztürk A.* Turkish Foreign Policy in the Eastern Mediterranean: The Mavi Vatan Doctrine // *Turkish Studies*. 2022. Vol. 23. No. 1. Pp. 85-105.
- Pierini M.* A New Front in the Eastern Mediterranean Crisis // *Carnegie Europe*. 2021. 120 p.
7. *Tabak H.* The Limits of Rapprochement: Turkey-Israel Relations After the Gaza Flotilla Incident // *Insight Turkey*. 2019. Vol. 21. No. 4. Pp. 145-162.
8. *Tziarras Z.* The New Geopolitics of the Eastern Mediterranean: Trilateral Partnerships and Regional Security // *Mediterranean Politics*. 2022. Vol. 27. No. 3. Pp. 35-52.
9. *Yesiltas M.* The Transformation of Turkish Foreign Policy in the Eastern Mediterranean: A Neoclassical Realist Analysis // *Uluslararası İlişkiler*. 2020. Vol. 17. No. 68. Pp. 115-130.

Агуреев Станислав Александрович

кандидат исторических наук, доцент
кафедры международных отношений
Дипломатической академии МИД России
e-mail: stas.agureev@mail.ru

Agureev Stanislav Alexandrovich

PhD (historical sciences), Associate Professor
of the Department of International Relations,
Diplomatic Academy of the Ministry
of Foreign Affairs of Russia
e-mail: stas.agureev@mail.ru

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В БРИКС И СТРАНЫ АФРИКИ В КОНТЕКСТЕ СТРОИТЕЛЬСТВА «НОВОЙ МНОГОПОЛЯРНОСТИ»

POLITICAL PROCESSES IN BRICS AND AFRICAN COUNTRIES IN THE CONTEXT OF BUILDING A "NEW MULTIPOLARITY"

Аннотация

В последние годы политика стран БРИКС направлена на выработку многополярной модели мирового развития, которая должна строиться с учетом разноплановых интересов мировых игроков, что предполагает суверенизацию их внешней политики в условиях нарастающих международных кризисов в экономической и политической сфере. Положение стран БРИКС в новых условиях формирования миропорядка обусловлено целым рядом политических и экономических факторов – от кризиса всей системы ООН до снижения экономического потенциала стран ЕС и начала нового витка торговых войн между США и Китаем. Очевидной стала разность в подходах к построению современной системы международных отношений – т.к. страны коллективного Запада стремятся к сохранению однополярности с доминированием США, в то время как государства Глобального Юга выступают выразителями тенденции многополярности в международных отношениях. В этих условиях от согласованности действий стран объединения во многом зависят контуры новой системы международных отношений. Основанные на более справедливых устоях, чем навязываемый США «мир, основанный на правилах». Особую активность в этом процессе играют государства Африки, как члены БРИКС, так и страны – кандидаты на вступление в организацию.

Absract

In recent years, the policy of the BRICS countries has been aimed at developing a multipolar model of global development, which should be based on the diverse interests of global players, which implies the sovereignty of their foreign policy in the face of growing international crises in the economic and political spheres. The situation of the BRICS countries in the new conditions of the formation

of the world order is caused by a number of political and economic factors – from the crisis of the entire UN system to the decline in the economic potential of the EU countries and the beginning of a new round of trade wars between the United States and China. The difference in approaches to building a modern system of international relations has become obvious, as the countries of the collective West strive to preserve unipolarity with the dominance of the United States, while the states of the Global South represent the trend of multipolarity in international relations. In these conditions, the contours of the new system of international relations largely depend on the coherence of the actions of the countries of the association.

Ключевые слова: БРИКС, новая многополярность, страны Африки, позиция России.

Keywords: BRICS, new multipolarity, African countries, Russia's position.

Введение

В условиях становления современной системы международных отношений все ярче проявляется тенденция к развитию многополярности - возникают и формируются новые центры силы, ориентированные на достижение не абстрактной глобальной повестки, а на реализацию национальных концепций развития, усиление суверенизации внешней политики мировых не западных центров. Одним из центров мирового развития в последние годы становится Африка. На территории континента к 2050 г. будет проживать 20% мирового населения. При этом 70% биогенетических ресурсов приходится также на Африку [10, с.7]. Возрастает и роль африканских стран на мировой арене. «Страны Африки, -как указывают российские эксперты из Дипломатической академии МИД России, -стали выступать на более согласованной, скоординированной между собой основе, заблаговременно формулировать общие позиции, особенно в рамках Африканского союза» [10, с.8]. Влияние континента в современном мире определяется и тем обстоятельством, что африканские страны составляют 25% из числа государств в ООН и 30% в Исламской конференции. Растет представленность африканских стран и в других международных организациях, что свидетельствует об их особом интересе в международных

интеграционных проектах, свидетельствует о желании реализовать потенциал собственной суверенной политики в современном мире.

По прогнозам экспертов НИУ ВШЭ в ближайшее десятилетие африканский континент: «...будет быстрее других регионов развиваться как направление сбыта товаров и услуг базового спроса» [1, с.14]. В этом смысле наиболее перспективными станут рынки инфраструктурных проектов, а также образование, с/х, медицина и цифровой сектор [1, с.14]. Для реализации данного потенциала в современных условиях требуется более тесная интеграция с мировыми центрами развития.

Одним из следствий данного процесса в современных условиях является создание и развитие институтов БРИКС -организации которая в последние годы стала одним из главных центров мирового развития не западных стран. Развитие разветвленной системы институтов БРИКС стало возможно в условиях кризиса ООН, ВТО и других находящихся под активным контролем коллективного Запада международных институтов. Развившийся в рамках существующей системы международных отношений кризис управляемости политическими процессами привел к образованию определенного управленческого вакуума, что не позволяет решать отдельным государствам наиболее актуальные вопросы экономического развития и международной безопасности. В этих условиях казавшиеся на протяжении ряда лет форматы G 7 и G 20 во многом потеряли свою актуальность в условиях, когда развивающиеся страны не могут выстроить равноправный диалог с со странами ЕС и США.

Институциональные процессы в БРИКС

В последние годы 54 государства Африки, представленные в ООН обладают обширными запасами природных ископаемых, а население континента превысило 1 млрд. чел, что свидетельствует о возрастании роли региона в мировых экономических и политических процессах. Все большую роль играют запросы африканских стран на суверенизацию своего внешнеполитического курса, выстраивание взаимовыгодного диалога с

мировыми центрами силы. Запрос на развитие БРИКС определяется и кризисом международных институтов созданных под эгидой коллективного Запада – МВФ, ВТО, ОБСЕ, управленческим кризисом в самой ООН. В этих условиях возникает запрос на создание альтернативных структур глобального порядка, которые бы доказали свою эффективность. В этом смысле чтобы быть эффективной организацией БРИКС вынуждена институционализироваться и расширяться [3, с.19]. Представленность африканских стран в БРИКС и усиления интереса на континенте к данной организации является показателем роста значимости региона в мировой политике. Большинству африканских государств необходимо увеличение инвестиций в экономику, развитие инфраструктурных проектов, велик и запрос на защиту собственного суверенитета и «включенность» африканских акторов в глобальные политические процессы. В этом смысле именно усиление интеграции с другими региональными игроками является наиболее важным элементом политики отдельных африканских государств.

Особенность политической интеграции состоит в том, что отдельные страны Африки по-разному определяют понятие многополярность и свое место в мировых процессах. Так, при вступлении в БРИКС ЮАР рассматривалась ее внешнеполитическим руководством как «ворота в Африку» для не западных мировых игроков. Главной же целью ЮАР при вхождении в данную организацию являлось привлечение в страну иностранных инвестиций и выход на мировые рынки [11]. Обладая развитой по африканским меркам инфраструктурой и мощным ресурсным потенциалом, именно ЮАР может рассматриваться как наиболее активный партнер стран БРИКС на африканском континенте. ЮАР также обладает наибольшим авторитетом в регионе как страна, победившая апартеид и идущая по пути построения демократического строительства. В этом смысле, как указывает известный российский историк В.Г. Шубин, ЮАР является более привлекательной с точки зрения торговли и инвестиций, чем ее основной конкурент в лице Нигерии.

При этом несмотря на экономическую заинтересованность в сотрудничестве с Россией и другими странами объединения, ЮАР поддерживает тесные связи США и странами ЕС, а в стране признаются правовой институт печально зарекомендовавшего себя МУС [11]. Поэтому оценка политического курса этой страны должна учитывать как стремление к суверенизации ее внешней политики, так и желание лавировать между интересами крупных международных акторов, обеспечивая собственные экономические интересы. В то же время, в ЮАР начиная с 1990 гг. уделяется повышенное внимание политике в области исторической памяти, борьбе с колониальным наследием и культурными установками эпохи апартеида, что необходимо учитывать при развитии российских экономических, политических и культурных связей с ЮАР.

Не следует забывать и о том, что именно ЮАР стало единственным государством БРИКС, поддержавшим резолюцию ООН 1973 по Ливии, что впоследствии было использовано коллективным Западом для вмешательства в дела суверенного государства. Весьма условным является и позиционирование ЮАР как страны Глобального Юга, т.к. одним из важнейших геополитических приоритетов страны выступает развитие отношений со странами Севера, под которыми прежде всего, подразумеваются США и Великобритания. В то же время следует отметить активизацию торгово-экономических отношений между ЮАР и КНР, а также ЮАР и Индией. Отмечается совпадение интересов указанных стран БРИКС и к созданию единой валюты, что способно стать основой для замены Бреттон-Вудской мировой экономической системы.

Россия и африканская повестка в БРИКС

Особенно впечатляющими на фоне развития отношений между Российской Федерацией и странами африканского континента стали результаты двух Экономических Саммитов и Форумов «Россия-Африка». Так, объем подписанных соглашений по итогам первого саммита составил более 1 трлн. рублей [2, с.173]. Не менее впечатляющими результатами саммитов

стало и дальнейшее развитие политического сотрудничества между РФ и государствами континента. Так, по итогам проведения Второго саммита «Россия-Африка» в Санкт-Петербурге в тексте итоговой декларации отмечалась «возрастающая глобальная роль и влияние Африки» [5]. Также были достигнуты впечатляющие результаты в области развития безопасности, заключен ряд соглашений о научном сотрудничестве. Проведение подобных саммитов позволило выработать российской стороне долговременную программу экономического и политического сотрудничества со странами региона, интенсифицировало отношения в рамках БРИКС с Египтом и Эфиопией, являющимися наиболее важными партнерами России в Африке.

Особенно активно развиваются отношения между странами в энергетической и научно-технической сферах, крайне важное значение придается развитию российского экспорта и расширению его ассортимента. Укреплению российско-египетских и российско-эфиопских отношений в значительной степени может способствовать и готовность России оказать посредническую помощь обеим странам в разрешении возникших между ними противоречий из-за введения Эфиопией крупнейшего инфраструктурного проекта плотины «Возрождение», ставшей причиной осложнения эфиопо-египетских отношений.

Как указывает российский эксперт Д. Зеленова, вступление в БРИКС Египта и Эфиопии способно привести к снижению инвестиционных рисков и в перспективе – к более активному сотрудничеству между странами организации на континенте [4; 6]. Большим авторитетом в современных международных процессах в африканском регионе обладает Эфиопия, являющаяся одним из лидеров Движения Неприсоединения и играющая заметную роль в Африканском Союзе. Присоединение данной страны к организации способно привести к выстраиванию новых торговых маршрутов и более тесному сотрудничеству с КНР в рамках инициативы «Один пояс-один путь».

В то же время, как отмечает российский эксперт – «...конфликт интересов между Эфиопией и Египтом по поводу строительства плотины на Ниле может усилить напряженность в северо-восточной Африке» [6]. Расширение БРИКС за счет вступления новых членов и, прежде всего государств Африки, способно привести к интеграции стран континента в мировые экономические и политические процессы, однако существуют и противоречия способные помешать более активной интеграции между БРИКС и Африканским Союзом ввиду слабой институциональной базы последнего.

В тоже время, как отмечает российский эксперт А. Маслов, африканские страны Пандор такие как Алжир, Нигерия, Сенегал заслуживают самого пристального внимания. Именно эти страны являются «высшей лигой» африканской политики и экономики. Каждая из них, стремясь к интеграции в рамках БРИКС, «является лидером в своей части континента и ориентирована на укрепление собственного суверенитета путем выстраивания равноудаленной от глобальных центров силы политики» [8]. Учитывая, что другие страны из списка Пандор – Египет и Эфиопия уже находятся в БРИКС, процесс интеграции может заметно ускориться. Заметное влияние на интенсификацию интеграционных процессов оказывают и страны лидеры объединения, в том числе и РФ. Участие нашей страны в организации диалога между данными международными акторами способно оказать благоприятное влияние на политическую ситуацию в африканском регионе и будет способствовать активизации интеграционных процессов и укреплению авторитета России на континенте. Для Российской Федерации интеграция стран Африки в систему БРИКС также имеет крайне важное практическое значение ввиду того, что выстраиваемый коллективным Западом антироссийский пояс не включил такие государства как Египет, Алжир, Эфиопию, ЮАР, равно как и страны Ближнего востока в лице Саудовской Аравии и ОАЭ. В этом смысле российское видение гораздо больше совпадает с интересами африканских акторов, чем с государствами коллективного Запада, ставящими свои экономические отношения с ними в зависимость от

политического вектора этих стран. Одним из главных методов взаимодействия с государствами африканского континента является оказание Западом экономического и политического давления на отдельные страны с целью принудить их принять западную повестку в области глобальной и региональной политики, присоединения к санкциям в отношении Российской Федерации.

Наряду с экономическими проектами в Африке в последние годы активно используется потенциал «мягкой силы» России в отношениях со странами региона. Продолжает увеличиваться число студентов-стипендиатов российских проектов в области образования. Отдельно следует отметить в качестве одного из приоритетных направлений сотрудничества взаимодействие с Панафриканским университетом, а также совместные проекты Российско-Африканского университета. В последние годы все большим становится запрос в странах-кандидатах в члены БРИКС на изучение русского языка и культуры. Укрепление образовательных связей проявляется в развитии образовательных проектов на территории африканских стран, значительный объем культурных проектов осуществляется в рамках работы «Россотрудничества».

Заметная роль в развитии культурных связей с государствами континента играет Форум и Экономический саммит «Россия-Африка», план действий которого на 2023-2026 гг. предусматривает: «Поощрять участие представителей России и Африки, в том числе молодых ученых и экспертов, в совместной проектной деятельности, научно-технологических выставках, конференциях, семинарах и других международных мероприятиях по вопросам науки и технологий» [9]. В качестве других приоритетных целей указаны развитие связей между научно-исследовательскими институтами, а также обмен информацией, сотрудничество с Африканским космическим агентством для осуществления совместных проектов в сфере освоения космоса. Расширяется основа для развития в Африке российских центров

дополнительного образования и профессиональной переподготовки, что является одним из главных приоритетов в Плане саммита [9].

Планы по развитию экономического сотрудничества с африканскими странами в рамках БРИКС активно развиваются и представителями КНР, Индии и Бразилии. Так, особо следует отметить сотрудничество между ЮАР и Индией в рамках диалогового форума IBSA по вопросам торговли, развития сельского хозяйства и IT технологий. Другим направлением сотрудничества является проведение совместных военных учений IBSMAR, где осуществляется взаимодействие военно-морских флотов Индии, ЮАР и Бразилии. Бразилия также наращивает сотрудничество с африканскими странами, особенно государствами-членами БРИКС -ЮАР, Эфиопией и Египтом. Большинство бразильских капиталовложение приходится на долю добывающей промышленности африканских стран. Заметным потенциалом обладают бразильские проекты в области поставок автомобильной и авиатехнической продукции африканским странам.

Экономическим лидером БРИКС по количеству проектов на африканском континенте является КНР. Так, по данным, приводящимся коллективом российских исследователей торговый оборот КНР с государствами Африки более чем в 4 раза превышает торговый оборот США со странами региона [7, с. 207]. В сфере же инвестиционного сотрудничества КНР опережает США в 2 раза [7]. Именно КНР, как показывают российские исследователи, способен дать африканским странам необходимые для развития инвестиции в размере нескольких триллионов долларов. При этом, между США и КНР ведется острая конкуренция за месторождения минеральных ресурсов в регионе. Об усилении позиций КНР в Африке свидетельствует и вовлеченность китайских компаний в осуществление инфраструктурных проектов в государствах Африки и это не только присутствие технологических гигантов, как ZTE и Huawei, это также проекты электрификации, центры обработки данных и более 40 проектов «Умный город». Китайское присутствие в регионе в отличие от американского

строится не на силовой компоненте, а на экономической привлекательности осуществляемых компаниями проектов [7, с. 211-212]. На сегодняшний момент именно КНР является серьезнейшей экономической альтернативой американскому и европейскому влиянию на континенте.

Заключение

Сегодня БРИКС является одним из наиболее интенсивно развивающихся международных интеграционных проектов, где каждое из государств-участников стремится реализовать свой торгово-экономический потенциал, обеспечить суверенное развитие своих стран с учетом мировых процессов глобализации. Значительную роль в этом играют африканские государства, стремящиеся стать одним из центров мирового развития. Драйвером роста африканских экономик способны стать инвестиции, рост населения и обеспечение продовольственной безопасности, борьба с безработицей и бедностью. Привлекательность БРИКС для Африки состоит и в том, что организация создает возможности для ведения равноправного политического диалога между странами без навязывания определенной повестки и модели получения инвестиций без предварительных политических условий, как происходит в западной модели. При этом африканские страны БРИКС не являются и антизападом, и успешность организации, в большей степени определяется тем, что она создавалась не как инструмент противодействия политике какого-либо государства или группы стран, что создает широкую возможность для диалога, сотрудничества и интеграции вне зависимости от экономической модели или политического видения глобальных и региональных процессов. В этом сила данной организации, секрет ее успешного развития в последние годы.

Главной задачей БРИКС сегодня является разрешение управленческих проблем, присущих любой расширяющейся организации. В ближайшие годы наиболее актуальными направлениями развития организации, в том числе, и для стран Африки станут сфера ИИ и IT технологий, цифровых валют, человеческого капитала, развития образования и медицины, добывающей

промышленности, научные исследования. Большую роль в развитии отношений с государствами континента будет играть использование концепта «мягкой силы», выстраивание культурного диалога с учетом самобытности африканских народов, их политического видения современных мировых процессов. Залогом успешного сотрудничества с государствами Африки в рамках БРИКС должна стать африканская повестка, предложенная самими представителями черного континента с учетом их политических и экономических интересов, что позволит создать принципиально новую модель интеграции Африки в мировые процессы.

Список источников и литературы:

1. Африка: перспективы развития и рекомендации для политики России: доклад по итогам ситуационного анализа. Доклад подготовлен авторским коллективом Центра изучения Африки и Центра комплексных европейских и международных исследований факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ – М.: Международные отношения, 2021. - 142 с.
2. *Агуреев С.А.* Саммит «Россия-Африка» в контексте экономического и культурного взаимодействия России и африканских стран //В сборнике: Россия и мир: транснациональные коммуникации и взаимопроникновение культур. Сборник статей международной междисциплинарной научной конференции. Москва, 2022. С. 171-175.
3. *Большаков А., Храмова Е.* Институционализация международного объединения государств БРИКС в новом миропорядке//Международная жизнь, 2024. Октябрь. – С. 14-27.
4. *Воронина Н.А., Зеленова Д.* Председательство ЮАР в БРИКС: от взаимовыгодного партнерства к построению нового миропорядка// Азия и Африка сегодня 2023, № 11. – С.23-31.
5. Декларация второго саммита Россия-Африка <http://www.kremlin.ru/supplement/5973> (дата обращения 12.12.2024).
6. *Зеленова Д.* Африканская повестка БРИКС: сложности и перспективы многополярности <http://infobrics.org/post/42856/news/issues> (дата обращения: 22.11. 2024).
7. Конкуренция между США и КНР. Возможности для России. Монография./Под ред. Дегтерева Д.А. – М.: Аспект-пресс, 2024. 300 с.
8. *Маслов А.* Африканское измерение саммита БРИКС. //Национальный комитет по исследованию БРИКС. <https://nkibrics.ru/posts/show/653ff1e3627269a34b020000> (дата обращения: 03.04.2025)

9. План действий Форума партнерства Россия – Африка на 2023–2026 годы <http://kremlin.ru/supplement/5971> (дата обращения: 22.12.2024).
10. Россия-Африка: стратегическое сотрудничество. Монография. /М.Г. Троянский, О.Г. Карпович, Г.М. Сидорова, Р.Н. Шангараев. Дипломатическая академия МИД России. М.: 2023.- 324 с.
11. *Шубин В.Г.* ЮАР в БРИКС: последняя по очереди, но не по важности <https://cyberleninka.ru/article/n/yuar-v-briks-poslednyaya-po-ocheredi-no-ne-po-vazhnosti> (дата обращения: 20.03.2025).

Мировая София Сергеевна

Аспирант Дипломатической Академии МИД РФ

mirovaia-s@mail.ru

Sofia S. Mirovaia

PhD student at the Diplomatic Academy

of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

mirovaia-s@mail.ru

СОТРУДНИЧЕСТВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ СО СТРАНАМИ БРИКС В КОСМИЧЕСКОЙ СФЕРЕ: ИНСТРУМЕНТЫ МЯГКОЙ СИЛЫ И НАУЧНОЙ ДИПЛОМАТИИ

COOPERATION BETWEEN THE RUSSIAN FEDERATION AND THE BRICS COUNTRIES IN THE SPACE SECTOR: INSTRUMENTS OF SOFT POWER AND SCIENTIFIC DIPLOMACY

Аннотация: в контексте становления многополярного миропорядка космическая деятельность утрачивает характер исключительно технологического соперничества, превращаясь в значимую платформу для стратегического партнерства. В этом процессе объединение БРИКС играет ключевую роль, выступая катализатором перераспределения влияния и формирования новых центров технологического притяжения, что актуализирует его всестороннее научное изучение. Целью данного исследования является анализ космического сотрудничества Российской Федерации со странами БРИКС как комплексного инструмента реализации мягкой силы и научной дипломатии, с выявлением его структурных элементов, эффективности и перспективных направлений развития. Методологическую основу работы составили системный анализ, сравнительно-политический метод, институциональный подход и контент-анализ официальных документов, соглашений и заявлений, принятых в рамках объединения БРИКС, а также данных госкорпорации «Роскосмос» и национальных космических агентств стран-партнеров за период с 2015 по 2024 годы. Результаты показали, что Российская Федерация планомерно выстраивает многокомпонентную модель взаимодействия, интегрирующую институциональное сотрудничество, реализацию масштабных совместных проектов и образовательные инициативы. Установлено, что данная модель успешно выполняет функции научной дипломатии, содействуя формированию общего поля доверия и технологической кооперации, преодолевая политические разногласия. Научная новизна заключается в первом комплексном анализе взаимосвязи между конкретными проектами в формате БРИКС и теорией мягкой силы, применяемой Российской Федерацией. Доказано, что космическая кооперация служит для России ключевым каналом диверсификации международных связей и укрепления ее статуса одного из лидеров в освоении космического пространства в условиях

глобальных трансформаций. Практическая значимость работы заключается в возможности использования ее материалов и выводов при разработке внешнеполитической и научно-технической стратегии России, а также в учебных курсах по международным отношениям и космической политике.

Ключевые слова: БРИКС, мягкая сила, научная дипломатия, космическое сотрудничество, Российская Федерация, «Роскосмос», дистанционное зондирование Земли (ДЗЗ), многостороннее партнерство, МКС, ГЛОНАСС.

Abstract: In the context of the formation of a multipolar world order, space activities are losing the character of exclusively technological rivalry, turning into a significant platform for strategic partnership. In this process, the BRICS association plays a key role, acting as a catalyst for the redistribution of influence and the formation of new centers of technological attraction, which actualizes its comprehensive scientific study. The purpose of this study is to analyze space cooperation between the Russian Federation and the BRICS countries as a comprehensive tool for the implementation of soft power and scientific diplomacy, with the identification of its structural elements, effectiveness and promising areas of development. The methodological basis of the work is the system analysis, comparative political method, institutional approach and content analysis of official documents, agreements and statements adopted within the framework of the BRICS association, as well as data from the Roscosmos State Corporation and the national space agencies of the partner countries for the period from 2015 to 2024. The results showed that the Russian Federation is systematically building a multi-component model of interaction that integrates institutional cooperation, the implementation of large-scale joint projects and educational initiatives. It is established that this model successfully performs the functions of scientific diplomacy, contributing to the formation of a common field of trust and technological cooperation, overcoming political differences. The scientific novelty lies in the first comprehensive analysis of the relationship between specific projects in the BRICS format and the theory of soft power used by the Russian Federation. It is proved that space cooperation serves as a key channel for Russia to diversify international relations and strengthen its status as one of the leaders in space exploration in the context of global transformations. The practical significance of the work lies in the possibility of using its materials and conclusions in the development of Russia's foreign policy and scientific-technical strategy, as well as in training courses on international relations and space policy.

Keywords: BRICS, soft power, scientific diplomacy, space cooperation, the Russian Federation, Roscosmos, remote sensing of the Earth (ERS), multilateral partnership, ISS, GLONASS.

Введение

Современный этап освоения космического пространства знаменуется фундаментальным перераспределением ролей на международной арене и

растущей значимостью многосторонних форматов взаимодействия. Если в XX столетии космос служил ареной биполярного противостояния, олицетворяя технологическое и идеологическое соперничество двух сверхдержав, то в XXI веке он превращается в полигон для апробации новых моделей сотрудничества [1]. На этом фоне объединение БРИКС, представляющее собой уникальную диалоговую платформу для крупнейших развивающихся экономик, демонстрирует растущие амбиции в высокотехнологичных областях, и прежде всего – в космической сфере. Расширение объединения в 2024 году за счет Эфиопии, Ирана, Египта, ОАЭ и Саудовской Аравии лишь усиливает его потенциал и значимость как альтернативного центра глобального развития, способного координировать усилия, что требует научного осмысления новых возможностей и форматов взаимодействия[2].

Для Российской Федерации, обладающей одним из наиболее комплексных космических потенциалов в мире, партнерство в этой области со странами БРИКС представляет собой не тактический, а стратегический внешнеполитический и внешнеэкономический приоритет. Оно позволяет не только диверсифицировать международные связи в обстановке геополитической турбулентности, но и эффективно реализовывать и наращивать потенциал «мягкой силы»[3]. Это понятие, введенное в научный оборот Джозефом Наем, понимается в контексте настоящей статьи как способность государства достигать желаемых результатов на международной арене благодаря привлекательности своих научно-технических достижений, культуры равноправного партнерства и разделяемых идеалов, а не путем экономического или политического принуждения. Научная дипломатия, в свою очередь, рассматривается как использование научного сотрудничества и совместных исследовательских программ для налаживания и укрепления конструктивного диалога между странами, создания атмосферы доверия и формирования общих интересов, выходящих за рамки конъюнктурной политической повестки. Космическая деятельность, в силу своей сложности, дороговизны и ориентации на глобальные вызовы, представляет собой

идеальную площадку для применения обоих этих инструментов, позволяя выстраивать долгосрочные и устойчивые связи.

Актуальность темы обусловлена тем, что космическое сотрудничество в рамках БРИКС из факультативного направления превращается в структурный элемент формирующейся многополярной системы международных отношений. Его изучение позволяет понять, каким образом технологии и наука становятся ресурсами глобального влияния в XXI веке и как выстраиваются новые модели взаимодействия, альтернативные устоявшимся западным подходам. Анализ роли России в этом процессе особенно важен для определения ее будущего места в мировой иерархии и выработки адекватной стратегии поведения в условиях нарастающей конкуренции и санкционного давления. Необходимость всестороннего исследования данного феномена подчеркивается и его растущим практическим значением для реализации национальных интересов России в космосе и на Земле.

Институциональные основы и правовое поле сотрудничества

Отправной точкой институционализации космического сотрудничества в рамках БРИКС стало решение, принятое на встрече министров науки, технологий и инноваций в марте 2015 года в Бразилии, в ходе которой была одобрена «Рамочная программа БРИКС по сотрудничеству в области науки, технологий и инноваций»[4], выделившая космос в число приоритетных направлений. Этот документ заложил основу для последующей совместной работы, определив общие рамки и цели. В том же году, в период российского председательства в объединении, была официально учреждена Рабочая группа по исследованию и использованию космического пространства в мирных целях. Ее мандат включает координацию совместных усилий, выработку предложений по приоритетам кооперации, содействие реализации проектов и подготовку рекомендаций для лидеров БРИКС.

Институциональное развитие получило свое правовое закрепление в ряде ключевых документов, анализ которых позволяет наблюдать эволюцию сотрудничества от общих деклараций к конкретным обязательствам. Так,

Декларация саммита БРИКС в Уфе (2015 г.) впервые на высшем уровне подтвердила важность космического сотрудничества и поддержала создание Рабочей группы [5]. Принятая в 2021 году «Стратегия экономического партнерства государств – членов БРИКС до 2025 года», содержащая раздел о высоких технологиях, определила общие ориентиры для углубления кооперации [6]. Переломным же моментом стало подписание в 2021 году Соглашения между правительствами стран БРИКС о сотрудничестве в области создания и функционирования спутниковой группировки дистанционного зондирования Земли. Этот документ, являющийся правовой основой для самого амбициозного на сегодняшний день проекта объединения, регулирует вопросы управления, обмена данными, интеллектуальной собственности и финансирования. Его подписание знаменует переход от дискуссий к практической реализации, свидетельствуя о высоком уровне взаимного доверия и готовности к созданию совместной технологической инфраструктуры. Для России это стало значимым внешнеполитическим достижением, подчеркивающим ее способность инициировать и консолидировать масштабные многосторонние проекты. Последующие документы, такие как Декларация XIV саммита БРИКС в Пекине (2022 г.), лишь подтвердили приверженность сторон курсу на углубление космической кооперации [7].

Стратегия России и ключевые проекты как инструменты силы

Анализ действий Российской Федерации в рамках структур БРИКС позволяет выделить несколько устойчивых элементов ее стратегии. Во-первых, это стратегическое терпение и последовательность: Россия не стремится навязать партнерам собственную модель, а действует в логике постепенного наращивания доверия и сложения потенциалов. Во-вторых, акцент делается на практическую, деполитизированную повестку, сконцентрированную на решении конкретных задач – мониторинга климата и навигации, – что минимизирует влияние возможных политических разногласий. В-третьих, демонстрируется готовность делиться экспертизой и

инфраструктурой, включая подготовку кадров и трансфер технологий, что выступает мощным ресурсом мягкой силы, формируя лояльность и репутацию надежного партнера.

Эта стратегия находит воплощение в ряде проектов. Центральное место среди них занимает создание спутниковой группировки ДЗЗ БРИКС [8]. Данный проект направлен на формирование многоуровневой системы мониторинга, объединяющей космические аппараты участниц в единую виртуальную констелляцию. Его практическая значимость заключается в обеспечении технологического суверенитета стран БРИКС, позволяя независимо от западных систем получать критически важные данные для управления сельским хозяйством, ликвидации последствий стихийных бедствий и контроля за использованием природных ресурсов. Российский вклад здесь особенно весом – от передовых технологий создания спутников («Канопус-В», «Обзор-Р») до развитой наземной инфраструктуры. Выступая ключевым поставщиком технологий и интегратором, Россия укрепляет имидж создателя комплексных высокотехнологичных решений, а не просто поставщика услуг по запуску. Кроме того, предоставление доступа к данным группировки всем участницам, а в случае катастроф – и третьим странам, позиционирует БРИКС и Россию как ответственных акторов, готовых делиться ресурсами для решения глобальных проблем, что является классическим проявлением мягкой силы, основанной на созидании и создании общих благ.

Другим эффективным инструментом научной дипломатии является кооперация в области пилотируемой космонавтики на борту Российского сегмента Международной космической станции (РС МКС). Исторически являясь визитной карточкой советской и российской программы, пилотируемая космонавтика обладает значительным символическим капиталом и престижем. Подготовка и полеты космонавтов из стран-партнеров, а также проведение совместных научных экспериментов (например, с индийскими и бразильскими организациями) вовлекают научное

сообщество этих стран в орбиту российской космической науки, создавая долгосрочные профессиональные связи и лояльность. Предлагаемые Россией гибкие и доступные форматы сотрудничества в противовес жестким регламентам и высоким финансовым барьерам, часто ассоциируемым с западными партнерами, формируют привлекательный образ страны, открытой для равноправного диалога и готовой делиться своим уникальным опытом. Это не только укрепляет позиции России как лидера в пилотируемой космонавтике, но и создает прочную основу для будущих совместных проектов, в том числе в исследовании Луны и дальнего космоса.

Важным стратегическим вложением в долгосрочное влияние выступают образовательные и кадровые программы. Подготовка иностранных специалистов в ведущих российских технических вузах (таких как МГТУ им. Н.Э. Баумана, Московский авиационный институт), стажировки в Центре подготовки космонавтов и профильных НИИ создают прямой канал трансляции лучших практик и формирования прочных профессиональных сетей. Выпускники этих программ, возвращаясь на родину и занимая впоследствии ключевые посты в национальных космических агентствах и министерствах, привносят с собой не только знания, но и глубокое понимание российских подходов, стандартов и культуры профессионального общения. Это создает уникальный человеческий капитал, который в долгосрочной перспективе обеспечивает устойчивость сотрудничества и формирует лояльную России элиту в странах-партнерах.

Перспективным и стратегически значимым направлением является и сотрудничество в области спутниковой навигации, в рамках которого прорабатывается вопрос обеспечения совместимости и интероперабельности российской системы ГЛОНАСС, китайской BeiDou и индийской NAVIC. Создание единого навигационного пространства БРИКС имеет колоссальное значение, так как позволит обеспечить независимое и высокоточное позиционирование для всех участников, что критически важно как для гражданских, так и для оборонных отраслей. Лидерство России в этом

процессе, основанное на опыте эксплуатации одной из двух глобальных систем наряду с GPS, вновь подчеркивает ее статус технологической державы первого эшелона и ее способность быть архитектором сложных технологических альянсов. Успех этого проекта позволит странам БРИКС создать замкнутый технологический цикл, независимый от западных аналогов, что полностью соответствует их общему стремлению к укреплению технологического суверенитета.

Эффективность, перспективы и вызовы

Эффективность мягкой силы, хотя и трудно поддающаяся прямой количественной оценке, может быть измерена через ряд косвенных, но значимых индикаторов. Во-первых, углубление институционализации, выразившееся в переходе от общих деклараций (2015) к юридически обязывающему соглашению о группировке ДЗЗ (2021), свидетельствует о росте доверия между участниками, а роль России как драйвера этого процесса укрепляет ее репутацию государства, способного инициировать и доводить до конца сложные многосторонние переговоры. Во-вторых, расширение практической повестки от обмена данными ДЗЗ до пилотируемой космонавтики, навигации, фундаментальной науки и подготовки кадров демонстрирует востребованность российских компетенций в самых разных сегментах космической деятельности и обеспечивает устойчивое развитие стран БРИКС [9]. В-третьих, участие в проектах БРИКС позволяет России формировать позитивный внешнеполитический нарратив как технологического лидера, защитника многополярности и справедливости, а также надежного партнера, выполняющего долгосрочные обязательства.

Главным достижением можно считать то, что мягкая сила России в этом формате работает не через прямое влияние или пропаганду, а через притяжение, основанное на практической пользе, уважении к суверенитету партнеров и совместном создании новых возможностей. Это формирует глубокую, основанную на взаимном уважении и прагматичной выгоде кооперацию, которая является гораздо более прочной основой для

долгосрочного влияния, чем любые иные формы давления или убеждения. Накопленный за последнее десятилетие опыт успешного взаимодействия создал прочный фундамент для перехода на качественно новый уровень партнерства, что особенно важно в свете расширения состава БРИКС и усложнения международной обстановки.

Перспективы развития сотрудничества на период до 2035 года связаны с переходом на качественно новый уровень интеграции. Опираясь на текущие тенденции и заявленные стратегические документы, можно выделить несколько ключевых векторов:

1. Реализация и масштабирование группировки ДЗЗ БРИКС. Первоочередная задача - вывод на орбиту новых специализированных спутников, включая радиолокационные аппараты на платформе «Обзор-Р» для всепогодного мониторинга, создание единого центра данных и распределенной сети наземных центров приема в каждой стране-участнице.

2. Углубление кооперации в области исследования Луны и дальнего космоса. Российско-китайский проект Международной научной лунной станции (МНЛС) открывает двери для участия других стран БРИКС [10]. Индия, имеющая успешный опыт миссии «Чандраян», и Бразилия, проявляющая интерес к планетологии, являются естественными кандидатами. Это позволит России консолидировать вокруг себя партнеров для освоения дальнего космоса.

3. Создание полноценной навигационной инфраструктуры БРИКС. Речь идет не только о совместимости систем, но и о развертывании совместной сети станций дифференциальной коррекции и мониторинга, разработке многосистемной пользовательской аппаратуры и создании совместного центра обработки данных.

4. Разработка общих стандартов и протоколов. Следующим логичным шагом станет выработка единых стандартов в области космической связи, кибербезопасности космических систем и использования радиочастотного

спектра. Это высшая форма технологической интеграции, которая окончательно закрепит БРИКС как самостоятельный полюс в космосе.

Однако развитие сотрудничества сопряжено с серьезными вызовами. Наиболее существенным является технологическое и финансовое неравенство между участниками. Возможности России, Китая и Индии в финансировании космических программ несопоставимы с потенциалом Бразилии, ЮАР или новых членов объединения. Это создает риск асимметрии в кооперации, технологической зависимости менее развитых стран и сложностей с распределением финансовой нагрузки. Серьезную озабоченность вызывает конкуренция интересов и дублирование программ, особенно в области лунных исследований. Значительные риски связаны с внешним давлением и санкционными ограничениями, которые могут замедлить реализацию совместных проектов и ограничить доступ к критическим технологиям. Организационно-правовые барьеры (гармонизация законодательств, защита интеллектуальной собственности), технические вызовы (обеспечение совместимости) и кадровые проблемы также требуют постоянного внимания и выработки адекватных механизмов их преодоления.

Заключение

Проведенное исследование позволяет констатировать, что космическое сотрудничество Российской Федерации со странами БРИКС эволюционировало из периферийного направления взаимодействия в стратегический инструмент продвижения национальных интересов в условиях формирующейся многополярной архитектуры мира. Анализ институциональных основ, правового поля и конкретных проектов за период с 2015 по 2024 годы демонстрирует целенаправленное выстраивание Россией многокомпонентной модели взаимодействия, органично сочетающей институциональное оформление, реализацию масштабных технологических проектов и системные образовательные обмены. Эта модель доказала свою эффективность в качестве канала применения «мягкой силы» и научной дипломатии нового типа, где привлекательность основана не на пропаганде

или политическом давлении, а на практической ценности и совместном создании общественных благ.

Качественное отличие этой модели от традиционных иерархических подходов, доминировавших в международных отношениях предыдущих десятилетий, заключается в ее принципиальной ориентации на функциональное равенство, взаимодополняемость компетенций и уважение суверенитета партнеров. Эволюция от общих деклараций, подобных Уфимской (2015), к подписанию юридически обязывающего Соглашения о создании спутниковой группировки ДЗЗ (2021) наглядно демонстрирует рост взаимного доверия между участниками. Именно этот прагматичный фундамент, основанный на реальной технологической и научной кооперации, придает российской «мягкой силе» в космической сфере устойчивость и глубину. Способность России выступать инициатором и ключевым интегратором таких сложных технологических мегапроектов не только укрепляет ее статус великой космической державы, но и служит действенным ответом на попытки технологической изоляции, создавая уникальную платформу для апробации и продвижения российских технических стандартов и решений в глобальном масштабе.

Центральное место в этой стратегии занимает проект создания спутниковой группировки ДЗЗ БРИКС, который выходит далеко за рамки простого обмена данными. Его практическая значимость для обеспечения технологического суверенитета стран-участниц в таких критически важных сферах, как управление сельским хозяйством, мониторинг климата и ликвидация последствий стихийных бедствий, формирует реальную, осязаемую ценность партнерства. Российский вклад – от передовых платформ «Канопус-В» и «Обзор-Р» до развитой наземной инфраструктуры – позиционирует страну как создателя комплексных высокотехнологичных решений, а не просто поставщика пусковых услуг. Предоставление доступа к данным группировки всем участницам, а в случае катастроф – и третьим странам, является классическим проявлением «мягкой силы», основанной на

созидании и создании общих благ, укрепляя имидж России и БРИКС в целом как ответственных глобальных акторов.

Другим эффективным инструментом научной дипломатии является кооперация в области пилотируемой космонавтики на борту Российского сегмента Международной космической станции. Исторический престиж и символический капитал пилотируемых полетов создают уникальные возможности для вовлечения научного сообщества стран-партнеров в орбиту российской космической науки. Подготовка и полеты космонавтов из Индии, Бразилии, а в перспективе и других стран БРИКС, проведение совместных экспериментов создают долгосрочные профессиональные связи и лояльность. Предлагаемые Россией гибкие и доступные форматы сотрудничества, контрастирующие с жесткими регламентами и высокими финансовыми барьерами западных программ, формируют привлекательный образ страны, открытой для равноправного диалога и готовой делиться своим уникальным опытом, что закладывает прочную основу для будущих совместных проектов, в том числе в исследовании Луны и дальнего космоса.

Особого внимания заслуживает гуманитарное и научно-образовательное измерение этого сотрудничества, выступающее стратегической инвестицией в долгосрочное влияние. Подготовка иностранных специалистов в ведущих российских технических вузах, стажировки в Центре подготовки космонавтов и профильных НИИ создают прямой канал трансляции лучших практик и формирования прочных профессиональных сетей. Выпускники этих программ, возвращаясь на родину и занимая впоследствии ключевые посты в национальных космических агентствах и министерствах, привносят с собой не только знания, но и глубокое понимание российских подходов и стандартов. Создаваемое таким образом «поколение БРИКС» – сообщество ученых, инженеров и управленцев, объединенных общим опытом, – будет определять характер межгосударственных отношений на десятилетия вперед, обеспечивая устойчивость сотрудничества, независимо от конъюнктурных политических колебаний.

Перспективы развития кооперации на период до 2035 года объективно связаны с переходом на качественно новый уровень интеграции – от успешных совместных проектов к созданию общей технологической экосистемы. Помимо реализации и масштабирования группировки ДЗЗ, ключевыми векторами станут углубление кооперации в области исследования Луны и дальнего космоса в рамках российско-китайского проекта Международной научной лунной станции, открытого для участия других стран БРИКС, и создание полноценной совместимой навигационной инфраструктуры на базе ГЛОНАСС, BeiDou и NAVIC. Последнее имеет колоссальное стратегическое значение, так как позволит обеспечить независимое и высокоточное позиционирование для всех участников, создав замкнутый технологический цикл, независимый от западных аналогов. Следующим логичным шагом станет выработка общих стандартов в области космической связи, кибербезопасности космических систем и использования радиочастотного спектра, что окончательно закрепит БРИКС как самостоятельный полюс в космосе.

Вместе с тем успешная реализация этого амбициозного потенциала потребует тонкой и взвешенной политики, постоянного поиска баланса между лидерством и равноправием. Наиболее существенными вызовами остаются технологическое и финансовое неравенство между участниками, создающее риск асимметрии и технологической зависимости менее развитых стран, а также внутренняя конкуренция национальных программ и амбиций, особенно в области лунных исследований, где наблюдается определенное соперничество между российскими и китайскими инициативами. Значительные риски связаны с сохраняющимся внешним санкционным давлением, способным замедлить реализацию совместных проектов и ограничить доступ к критическим технологиям и компонентам. Преодоление этих вызовов потребует выработки гибких механизмов управления, адаптивных финансовых моделей, учитывающих разный уровень

экономического развития участников, и устойчивых форматов взаимодействия, минимизирующих влияние внешних политических факторов.

В более широком геополитическом контексте космическое сотрудничество в рамках БРИКС представляет собой не только практический, но и символически значимый пример модели международных отношений будущего – отношений, основанных не на блоковой конфронтации, а на сетевом взаимодействии суверенных центров силы, объединенных общими прагматичными интересами. Его успешная реализация имеет значение, выходящее далеко за рамки собственно космической деятельности. Оно становится практическим доказательством жизнеспособности и привлекательности альтернативной модели мироустройства, предлагаемой Россией и ее партнерами, – модели, основанной на многополярности, функциональном равенстве и коллективном решении глобальных задач. Успешные совместные достижения стран БРИКС в космосе становятся весомым аргументом в дискуссии о будущем глобального управления и технологического развития.

Таким образом, накопленный в рамках БРИКС опыт обладает значительным трансферным потенциалом и может быть экстраполирован на другие сферы международного взаимодействия, от экономики и энергетики до культурного обмена. Космическое сотрудничество стало для России не только инструментом решения конкретных научно-технических задач, но и эффективным средством укрепления ее позиций в системе международных отношений, демонстрации своего стратегического видения и способности к конструктивной консолидации. Дальнейшее развитие этого направления будет способствовать созданию устойчивых сетей технологического и научного взаимодействия, способных функционировать в условиях быстро меняющейся глобальной обстановки, что делает изучаемый феномен важным источником практических решений для формирования комплексной стратегии России в условиях новой исторической эпохи.

Список литературы

1. Рабочий план стран БРИКС в области науки, технологий и инноваций на 2015-2018 годы. URL: <https://kpfu.ru/portal/docs/F475277654/Work.Plan.pdf> (дата обращения: 16.10.2025).
2. To BRICS, or not to BRICS: будущее объединения после расширения. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/to-brics-or-not-to-brics-budushchee-obedineniya-posle-rasshireniya/> (дата обращения: 16.10.2025).
3. «Мягкая сила» в международной политической коммуникации: подходы к интерпретации концепции. URL: <https://intcom-mgimo.ru/2019/2019-10/soft-power-in-int-political-communication> (дата обращения: 16.10.2025).
4. Рамочная программа БРИКС в сфере науки, технологий и инноваций: политико-правовое измерение. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75322 (дата обращения: 18.10.2025).
5. Уфимская декларация (Уфа, Российская Федерация, 9 июля 2015 года). URL: <http://www.brics.utoronto.ca/docs/150709-ufa-declaration-ru.pdf> (дата обращения: 18.10.2025).
6. Стратегия экономического партнёрства БРИКС до 2025 года. URL: <https://www.economy.gov.ru/material/file/636aa3edbc0dcc2356ebb6f8d594ccb0/1148133.pdf> (дата обращения: 18.10.2025).
7. Пекинская декларация XIV саммита БРИКС. URL: <http://kremlin.ru/supplement/5819> (дата обращения: 20.10.2025).
8. Общая спутниковая группировка обеспечит устойчивое развитие стран БРИКС. URL: <https://tvbrics.com/news/obshchaya-sputnikovaya-gruppirovka-obespechit-ustoychivoe-razvitie-stran-briks/> (дата обращения: 20.10.2025).
9. Борисов считает, что общая группировка спутников обеспечит устойчивое развитие стран БРИКС. URL: <https://tass.ru/kosmos/16278945> (дата обращения: 23.10.2025).
10. Что известно о Международной научной лунной станции. URL: <https://tass.ru/info/21076673> (дата обращения: 23.10.2025).

Глубокая Ольга Анатольевна,

Старший преподаватель кафедры политической теории,
помощник проректора по учебной работе
Дипломатическая академия МИД России,
ORCID: 0000-0002-7202-8630
oaglubokaya@gmail.com

Glubokaya Olga Anatolevna,

Senior lecturer, department of political theories,
assistant vice-rector

Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation,

ORCID: 0000-0002-7202-8630

e-mail: oaglubokaya@gmail.com,

КОНКУРЕНЦИЯ ЗА ВЛИЯНИЕ В СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ: НАРРАТИВЫ, ИНТЕРЕСЫ И МЕСТО ИТАЛИИ

COMPETITION FOR INFLUENCE IN THE MEDITERRANEAN: NARRATIVES, INTERESTS AND ITALY'S PLACE

Аннотация: на фоне множественных кризисов – от войны в Газе и нестабильности в Сахеле до сдвига глобального миропорядка – в Средиземноморье обострились геополитическая конкуренция и борьба нарративов. Доминирование Запада оспаривается Россией и Китаем, активно расширяющими влияние в Африке и на южных берегах Средиземноморья через партнерства с более чем 40 странами и альтернативные нарративы (антиколониализм, прагматизм, критика «западных двойных стандартов»), что подтверждается более высокими рейтингами одобрения руководства (РФ – 64%, КНР – 58%, США – 56% в Африке, Gallup 2023). Италия, как ключевая средиземноморская держава ЕС, с одной стороны, сталкивается с рядом уязвимостей (миграционное давление через Лампедузу, энергозависимость от Алжира и Нигерии, угрозы безопасности), а с другой — стремится утвердить роль стратегического «моста» между Европой и Глобальным Югом. Правительство Дж.Мелони сделало центральным инструментом своей политики «План Маттеи» (начальное финансирование — €5,5 млрд), который выдвигает нарратив «равноправной дипломатии» и позиционирует развитие (ВИЭ, образование, сельское хозяйство) в качестве альтернативы неокOLONIALИЗМУ и транзакционности. Однако его успех зависит от преодоления ключевых внутренних и внешних рисков: избыточного прагматизма подхода, разрыва между риторикой партнерства и фокусом на интересах ЕС, а не Африки, ограниченности ресурсов и сложного международного контекста. В статье доказывается, что для укрепления своих позиций Италии необходима долгосрочная стратегия, направленная на выполнение роли стратегического посредника между ЕС и Глобальным Югом. Эта стратегия должна включать прагматичное взаимодействие с Россией и

Китаем, а также сопряжение вопросов безопасности с проектами в области развития и энергетики. «Плана Маттеи» – тест на способность предложить привлекательную альтернативу в конкурентном поле нарративов.

Ключевые слова: Средиземноморье, внешняя политика, геополитическая конкуренция, нарративы, Италия, план Маттеи, дипломатия, ЕС, Сахель.

Abstract: amid multiple crises – from the war in Gaza and instability in the Sahel to the shift in the global world order – geopolitical competition and the battle of narratives have intensified in the Mediterranean. Western dominance is being challenged by Russia and China, which are actively expanding their influence in Africa and the southern shores of the Mediterranean through partnerships with more than 40 countries and by promoting alternative narratives (anti-colonialism, pragmatism, criticism of "Western double standards"). This is corroborated by higher approval ratings for their leadership (Russia – 64%, China – 58%, USA – 56% in Africa, Gallup 2023).

Italy, as a key Mediterranean EU power, on one hand, faces a number of vulnerabilities (migration pressure via Lampedusa, energy dependence on Algeria and Nigeria, security threats), and on the other, seeks to establish itself in the role of a strategic "bridge" between Europe and the Global South. The government of G. Meloni has made the "Mattei Plan" (initial funding €5.5 billion) a central instrument of its policy. This plan promotes a narrative of "equal diplomacy" and positions development (renewable energy, education, agriculture) as an alternative to neo-colonialism and transactional relationships. However, its success depends on overcoming key internal and external risks: excessive pragmatism in the approach, a gap between the rhetoric of partnership and a focus on EU interests rather than African ones, limited resources, and a complex international context. The article argues that to strengthen its position, Italy needs a long-term strategy aimed at fulfilling the role of a strategic mediator between the EU and the Global South. This strategy should include pragmatic engagement with Russia and China, as well as the coupling of security issues with development and energy projects. The Mattei Plan is a test of Italy's ability to offer an attractive alternative in the competitive field of narratives.

Keywords: Mediterranean, Foreign Policy, Geopolitical Competition, Narratives, Italy, Mattei Plan, Diplomacy, EU, Sahel.

Введение

Средиземноморский бассейн, исторически выступавший связующим звеном между континентами и цивилизациями, сегодня представляет собой эпицентр наложенных друг на друга кризисов и острой геополитической конкуренции. Этот регион простирается от восточных берегов Леванта,

охваченного войной в Газе, через нестабильные государства Северной Африки — и вплоть до Сахеля, где продолжаются перевороты и конфликты. Тем самым он формирует протяжённую «дугу нестабильности» у южных границ Европейского союза. Последствия конфликта в Газе, выходящие далеко за пределы зоны боевых действий, дестабилизируют Левант, угрожают энергетическим и торговым маршрутам (включая атаки хуситов в Красном море), ставят под сомнение будущее регионального порядка и подрывают позиции Запада. Параллельно этому затяжные кризисы в Северной Африке и Сахеле, корни которых уходят в последствия «арабской весны», усугубляются климатическими изменениями и глубокими экономическими проблемами. Эта создает благоприятную среду для роста нестабильности, питает миграционные потоки, направляющиеся к итальянским берегам (в частности, на о. Лампедузу), и стимулирует незаконный оборот оружия, основными рынками сбыта которого стали Ливия и страны Сахеля.

Данные вызовы возникают на фоне фундаментального изменения миропорядка. Международная конкуренция носит не только практический, но и нарративный характер. Видение мира, опирающееся на «порядок, основанный на правилах», западный вариант демократии, права меньшинств, продвигаемое США и ЕС, сталкивается с альтернативными подходами, акцентирующими прагматизм, суверенитет, равноправное партнерство и критику «западных двойных стандартов», особенно наглядно проявившихся в различных подходах Запада к конфликтам на Украине и в Газе. Постбиполярное доминирование Запада во главе с США оспаривается незападными державами, прежде всего Россией и Китаем, которые активно расширяют свое влияние на южных и восточных берегах Средиземного моря и в Африке. Россия и Китай активно используют исторические нарративы, связанные с антиколониальной борьбой и полицентричным миропорядком, для укрепления своих позиций. Как отмечается в исследованиях, Россия заключила партнерства с более чем 40 африканскими странами [25, с.70], а рейтинги одобрения руководства России (64%) и Китая (58%) в Африке по

данным ежегодного аналитического отчета Gallup за 2023 год превысили аналогичный показатель США (56%) [27].

В этом контексте перед Италией, как ключевой средиземноморской державой ЕС, встают уникальные вызовы и открываются новые возможности. Ее географическое положение делает ее уязвимой перед трансграничными угрозами – от миграционного давления и терроризма до перебоев в энергоснабжении, учитывая стратегический поворот к поставкам газа из Алжира и Нигерии взамен российского [12]. Одновременно Италия стремится усилить свою роль значимого регионального актора. Центральным инструментом этой амбиции является «план Маттеи», задуманный как проект для углубления партнерства с Африкой на основе принципа «равноправного сотрудничества» и инвестиций в ключевые секторы развития [2]. Однако эффективность и восприятие этого плана напрямую зависят от способности Италии найти свое «место» в сложном переплетении конкурирующих нарративов и столкновения интересов в Средиземноморье, ведь «Африка не может „довольствоваться простыми обещаниями, которые невозможно сдержать“» [2, с.24].

Данная статья ставит целью проанализировать, как конкуренция нарративов (западного, российского, китайского) и столкновение интересов ключевых игроков влияют на формирование геополитического ландшафта Средиземноморья, и каковы перспективы и ограничения Италии в укреплении своей стратегической позиции в этом пространстве, прежде всего через призму реализации «плана Маттеи». Основу анализа составляют выявленные в источниках тенденции: упадок доминирования Запада, подъем альтернативных центров силы, конкретные уязвимости и интересы Италии, амбиции и противоречия «плана Маттеи».

Ландшафт конкуренции

Современная динамика процессов в Средиземноморье неразрывно связана с кризисом лидерства и легитимности западных держав, прежде всего США. На протяжении многих лет стратегия США в регионе, особенно на

Ближнем Востоке, опиралась на видение регионального порядка, основанного на постепенной нормализации отношений между арабскими государствами и Израилем при параллельном наращивании оборонного сотрудничества стран Персидского залива с Израилем против Исламской Республики Иран. Однако эта стратегия не принесла стабильности. К моменту проведения анализа, Саудовская Аравия отказывалась [13] от нормализации отношений с Израилем без предоставления США твердых гарантий безопасности и значительных уступок Израиля в вопросе палестинской государственности. Более того, политика санкционного давления на Иран привела к обратному результату: Тегеран ответил усилением военного сектора с целью укрепления своего сдерживающего потенциала.

Ситуация усугубляется глубоким кризисом легитимности западного нарратива о миропорядке. Соединенные Штаты и Европейский Союз традиционно позиционируют себя как защитники международного права, прав человека и многостороннего сотрудничества. Однако контекст множественных глобальных кризисов (климатического, энергетического, пандемии COVID-19, российско-украинского конфликта и войны в Газе) обнажил фундаментальные противоречия в применении этих принципов на практике. «Двойные стандарты» подсвечиваются Китаем и Россией в своей критике в адрес западного «лицемерия и прямой лжи» [5]. Данный нарративный кризис существенно подрывает способность Запада выступать моральным арбитром и привлекательным образцом для стран Юга.

На фоне ослабления западных позиций происходит активизация альтернативных центров силы, прежде всего России и Китая, предлагающих иные модели взаимодействия и конкурирующих нарративы. Россия, в частности, демонстрирует твердое намерение усилить сотрудничество со стратегически важными странами Африки и Средиземноморья. Итальянский институт международных отношений (IAI) следит за активностью России и подчеркивает, что Россия заключила военные и экономические партнерства с более чем 40 африканскими странами [25, с.70]. Российская стратегия

включает открытие новых дипломатических представительств [9] в ключевых точках Сахеля, таких как Нигер, Южный Судан и соседствующей Сьерра-Леоне, а также активное наращивание влияния в других странах региона, включая Центральноафриканскую Республику, Ливию и Судан. В социологических данных находим отражение изменения общественного мнения: опросы Gallup показали, что в 2023 году уровень одобрения политики России в Африке достиг 64%, Китая – 58%, тогда как США получили лишь 56% [20]. Нарратив России строится на риторике антиколониализма, борьбы с западным гегемонизмом и предложении прагматичного, неидеологизированного партнерства, уважающего принцип невмешательства во внутренние дела суверенных государств. Китай, со своей стороны, продвигает нарратив взаимовыгодного сотрудничества («win-win»), фокусируясь на масштабных инфраструктурных проектах и экономических инвестициях, также подчеркивая свое невмешательство и критикуя западные подходы.

Ключевой особенностью этой конкуренции является попытка России и Китая предложить альтернативу западной модели, основанную на критике ее внутренней противоречивости через антиколониальные исторические нарративы [10]. Видение нового порядка, как отмечает министр иностранных дел России С.В.Лавров, определяется в первую очередь национальными интересами, суверенитетом и международным правом, а также взаимовыгодным равным сотрудничеством [11]. Способность предоставлять ресурсы, военно-политическую поддержку и дипломатическое взаимодействие без явных политических условий делает Россию и Китай привлекательными партнерами для многих правительств региона, разочарованных ограниченностью или условиями западной помощи. Таким образом, конкуренция в Средиземноморье и прилегающих регионах выходит далеко за рамки борьбы за ресурсы или рынки; это битва за интерпретацию мирового порядка и легитимность моделей развития и партнерства.

Интересы и уязвимости Италии в контексте региональной турбулентности

Эта интенсивная конкуренция нарративов и передел сфер влияния создает сложный и зачастую опасный фон для транслирования Италией ее собственных стратегических приоритетов и действий в Средиземноморье. Центральное географическое положение Италии предопределяет ее глубокую уязвимость перед трансграничными рисками, исходящими из нестабильных регионов, прилегающих к Средиземноморскому бассейну. Наиболее остро ощущается миграционное давление. Усугубляемые массовой безработицей, особенно среди молодежи, и политической нестабильностью кризисы в странах Северной Африки создают мощное миграционное давление. Как наглядно показывает пример Туниса, эти государства превращаются в ключевые точки исхода для мигрантов, стремящихся в Европу. Основным направлением этого потока остается Италия, в первую очередь ее южные острова, такие как Лампедуза [3]. Этот поток представляет собой не только гуманитарный вызов, но и приводит к значительному политическому и социальному напряжению внутри Италии и ЕС.

Другой важнейшей проблемой является обеспечение энергетической безопасности. Приняв решение о диверсификации источников поставок природного газа и сокращении зависимости от России, Италия сделала значительную ставку на партнеров в Северной Африке, прежде всего Алжир и Нигерию. Однако региональная нестабильность напрямую угрожает этим поставкам и планам по дальнейшей интеграции.

Конфликт в Газе и его последствия, включая атаки хуситов на коммерческие судоходные маршруты в Красном море, привели к значительным сбоям в работе портов, замедлили торговлю через Суэцкий канал и негативно повлияли на морские коммуникации в восточной части Средиземноморья [4]. Более того, затяжная нестабильность ставит под сомнение реалистичность амбициозных инфраструктурных проектов, таких как газопровод EastMed или торговый коридор IMEC (India-Middle East-

Europe Corridor), которые рассматривались как потенциальные инструменты усиления связей и энергетической безопасности.

Параллельно сохраняются угрозы безопасности, включая трансграничный терроризм и деятельность организованных преступных группировок. Их сети простираются от охваченного конфликтами Сахеля через нестабильную Ливию вплоть до южных берегов Европы. Неспособность государств региона эффективно контролировать свою территорию создает благоприятные условия для подобных угроз.

Вместе с тем, Италия не является лишь пассивным объектом воздействия региональных кризисов; она активно утверждает свою роль и ищет инструменты влияния. Ключевым интересом выступает обеспечение стабильности на южных границах Европейского Союза. Постоянные конфликты, слабость государственных институтов и гуманитарные катастрофы в соседних регионах воспринимаются как непосредственная угроза безопасности и благополучию Италии и ЕС в целом [20]. С этим связана цель по укреплению экономических контактов со странами Южного Средиземноморья и Африки, рассматриваемыми как важные рынки сбыта, источники сырья и объекты для инвестиций [22]. Италия также стремится утвердиться в качестве ведущего европейского игрока в средиземноморском пространстве, чей голос и инициативы имеют значительный вес в формировании политики ЕС на южном направлении [6]. Эта амбиция находит свое воплощение в концепции «плана Маттеи», который должен обеспечить Италии функционал стратегического «моста» между Европой и развивающимися странами Африки и Ближнего Востока, способного предложить модель партнерства, отличную как от неоколониальных подходов прошлого, так и от чисто транзакционной прагматики новых игроков. Реализация этой роли «моста» и энергетического транзитного хаба для Европы является важной составляющей национальной стратегии [18].

Таким образом, место Италии в средиземноморском геополитическом ландшафте определяется сложным переплетением ее объективных

уязвимостей, вынуждающих к реактивным мерам, и амбициозных стратегических целей, требующих проактивной политики. Центральным инструментом для достижения последних и призван стать «план Маттеи», чьи возможности и ограничения в условиях описанной конкурентной среды требуют детального рассмотрения.

План Маттеи

В ответ на описанные вызовы и в стремлении реализовать свои стратегические интересы Италия выдвинула «план Маттеи» (Mattei Plan) в качестве ключевой инициативы, призванной переопределить отношения страны с Африкой и определить Италию как ведущего европейского партнера на Юге [1]. Фундаментальной основой плана является попытка предложить альтернативный нарратив партнерства, дистанцирующийся от наследия колониализма и от узко ориентированных на безопасность подходов, исторически ассоциируемых с Францией и США, которые, по мнению Кэмерона Надсона, усугубили политическую напряженность и дискредитировали Запад в регионе [14]. Вместо этого план провозглашает принцип «равноправной дипломатии» и «взаимовыгодного нехищнического партнерства», фокусируясь на устойчивом развитии как основе долгосрочной стабильности [23]. Конкретные цели включают помощь странам Сахеля и Северной Африки в преодолении глобальных экономических потрясений, создание возможностей для занятости молодежи, укрепление устойчивости к изменению климата, деградации окружающей среды и растущей продовольственной нестабильности. Стратегическими секторами для инвестиций определены возобновляемая энергетика, образование и культура, сельское хозяйство и инфраструктура, что рассматривается как ключ к созданию рабочих мест, расширению прав и возможностей молодежи и женщин, а также обеспечению долгосрочной стабильности. Важным элементом нарратива является также стремление позиционировать Италию в глазах мирового сообщества как новый энергетический хаб Европы,

способствующий укреплению энергетической безопасности ЕС через партнерство с африканскими поставщиками [2].

Для реализации этих амбиций план предусматривает ряд инструментов и механизмов партнерства. Стартовое финансирование оценивается в 5.5 миллиардов евро [7]. Однако, учитывая масштаб инвестиционных потребностей Африки и ограниченность фискального пространства Италии, ключевое значение придается способности привлекать более широкую коалицию доноров и инвесторов, в том числе в плане принимает активное участие нефтегазовая корпорация ENI. Италия стремится заручиться поддержкой ЕС, а также ключевых африканских институтов для работы над укрепленными многосторонними решениями, способными масштабировать финансовые потоки и продвигать необходимые экономические и политические реформы [21]. «План Маттеи» нацелен на интеграцию с основными африканскими инициативами развития, такими как Комплексная программа развития сельского хозяйства в Африке (CAADP), Программа развития инфраструктуры в Африке (PIDA) и Африканская континентальная зона свободной торговли (AfCFTA).

Дипломатически план предоставляет Италии платформу для углубления вовлеченности и влияния на континенте. Важным инструментом «мягкой силы» выступают образовательные программы, такие как «Программа для молодых лидеров Африки» (Young African Leaders Programme) в Европейском университетском институте во Флоренции, призванные содействовать развитию навыков управления, демократических принципов и укреплению регионального и межконтинентального сотрудничества. Италия также использовала свое председательство в G7 для мобилизации международной поддержки, о чем свидетельствует запуск на саммите в Апулии (2024) инициативы «Энергия для роста в Африке» ("Energy for Growth in Africa") [15], направленной на ускорение инвестиций в африканский сектор возобновляемых источников энергии.

Несмотря на привлекательность заявленного нарратива о равноправном партнерстве, реализация «плана Маттеи» сталкивается с существенными внутренними противоречиями и рисками, которые ставят под сомнение его соответствие провозглашенным принципам и долгосрочную эффективность. Основная критика итальянских же исследователей сосредоточена на его избыточном прагматизме. Существует опасность, что в стремлении обеспечить краткосрочную стабильность, необходимую для защиты энергетических поставок и сдерживания миграционных потоков, Италия будет «вынуждена заключать сделки с автократическими режимами, игнорируя вопросы прав человека, демократических процессов и верховенства права» [16, с.137]. Эксперты отмечают, что подобная практика не только рискует усугубить проблемы внутри стран-партнеров, но и наносит ущерб репутации Италии и ЕС как защитников демократических ценностей и прав человека на глобальной арене. Это создает разрыв между нарративом и реальными интересами: риторика «равноправного партнерства» может войти в противоречие с фактическим фокусом на обеспечении энергетической безопасности Европы и контроле над миграцией, что воспринимается партнерами на Юге как проявление транзакционного, а не равноправного подхода [19].

Дополнительным ограничивающим фактором является фискальная скромность Италии. Начального финансирования в размере 5,5 млрд евро, даже с учетом привлечения дополнительных средств, явно недостаточно для самостоятельного преодоления масштабного инвестиционного разрыва в Африке. Потребности континента в одной только инфраструктуре оцениваются в 153–200 млрд евро (ориг.: 130–170 млрд долларов США) ежегодно, однако фактическое финансирование в последние годы составляет лишь около 68 млрд евро (ориг.: ~80 млрд долларов США) в год, что покрывает примерно половину требуемого объема.² При этом основное бремя

² Примечание: конверсия выполнена на основе курса Европейского центрального банка: 1 EUR = 1.1741 USD. Суммы в евро округлены.

инвестиций традиционно ложится на правительства африканских стран, которые обеспечивают более 40% совокупного финансирования инфраструктуры. На этом фоне объем в 5,5 млрд евро представляет собой символическую сумму, несоизмеримую с реальными потребностями [24]. Это делает успех плана критически зависимым от способности Италии эффективно мобилизовать ресурсы ЕС, международных финансовых институтов (например, Всемирного банка) и частного сектора, что является сложной политической и дипломатической задачей.

Наконец, любой план в регионе Сахеля и Северной Африки сталкивается с чрезвычайно сложной обстановкой: глубокой нестабильностью, слабыми государственными институтами, военными переворотами (не менее семи с 2020 года [8]), активностью вооруженных группировок и должен учитывать множество международных игроков (ООН, Африканский Союз, ЭКОВАС и др.). Все это создает высокие риски для инвестиций и инициатив. Италии приходится действовать в этих сложных политических условиях, признавая, как отмечают аналитики [25], что сотрудничество возможно не по всем направлениям ввиду расхождения политических и экономических интересов и моделей управления.

Таким образом, «план Маттеи» представляет собой амбициозную, но внутренне противоречивую попытку Италии ответить на вызовы времени и определить свое место. Его судьба будет зависеть от способности преодолеть узкий прагматизм и воплотить нарратив подлинного партнерства в конкретные действия, приемлемые в условиях жесткой конкуренции и сложной региональной среды.

Определяя место Италии

Поиск устойчивого «места» Италии в сложной геополитической реальности Средиземноморья требует преодоления ряда фундаментальных дилемм и выработки стратегии, способной адекватно ответить на вызовы конкуренции нарративов и интересов. Главной дилеммой остается баланс между трансатлантической солидарностью (членство в НАТО, тесные связи с

США) и необходимостью диверсификации партнеров и поиска новых осей сотрудничества в условиях растущего влияния Глобального Юга и его притяжения к альтернативным центрам силы. В самих отношениях с США снижается предсказуемость, тем не менее, Италия не может игнорировать ни важность отношений с традиционными союзниками, ни тот факт, что страны южного и восточного Средиземноморья все более критично настроены по отношению к Западу и активно развивают связи с Китаем и Россией, даже сохраняя зависимость от американской безопасности. Связана с этим и дилемма сочетания интересов ЕС (прежде всего, безопасности границ и энергетической стабильности) с подлинными потребностями развития партнеров на Юге (преодоление бедности, создание рабочих мест, адаптация к изменению климата, доступ к энергии). Узкий фокус на первом рискует воспроизвести критикуемый транзакционный подход, подрывающий нарратив о равноправном партнерстве. Наконец, существует напряженность между необходимостью прагматического взаимодействия с существующими властными структурами в регионе для решения неотложных проблем и продвижением демократических ценностей и прав человека, составляющих часть идентичности и внешнеполитического капитала ЕС.

В своей перспективе «План Маттеи» может трансформироваться из набора деклараций и краткосрочных сделок в комплексную стратегию, основанную на нескольких ключевых элементах.

Первостепенное значение имеет углубление подлинного партнерства с Африкой, смещающее акцент с исключительно миграционной и ресурсной повестки на устойчивое развитие. Это предполагает целевые инвестиции в высокоэффективные сектора, способные принести ощутимые результаты и постепенно выстроить доверие: образование (включая программы обмена и подготовки будущих лидеров, подобные "Young African Leaders Programme" [26]), создание рабочих мест в самой Африке, особенно для молодежи, и модернизацию сельского хозяйства для обеспечения продовольственной безопасности.

Вторым элементом является принятие принципа «неэсклюзивного сотрудничества». Признавая сложную палитру интересов и игроков в регионе, Италия должна быть готова продолжать взаимодействие с различными партнерами, включая Россию и Китай, по конкретным вопросам, где существует совпадение интересов (например, стабильность, развитие инфраструктуры, борьба с терроризмом), без втягивания в идеологическую конфронтацию.

Третьим императивом выступает комплексный подход к увязке безопасности и развития, особенно в Сахеле. Италия и ЕС должны признать политические корни кризиса в регионе (включая роль военных переворотов, неразрешенные внутригосударственные конфликты, геополитическое соперничество) и разработать стратегию, которая не уклоняется от решения этих сложных вопросов. Такой подход должен интегрировать гуманитарную помощь, проекты развития и меры безопасности в рамках концепции «тройной взаимосвязи» (humanitarian-development-peace nexus [17]) и активно поддерживать внутриафриканскую экономическую и политическую кооперацию (например, через AfCFTA), как инструмент деэскалации конфликтов и поддержки рыночной интеграции.

Четвертый элемент касается энергетического партнерства, имеющего стратегическое значение как для Италии, так и для Африки. Чтобы укрепить доверие и соответствовать нарративу взаимной выгоды, энергетическое сотрудничество в рамках «плана Маттеи», который сопрягается с европейской Global Gateway, должно выходить за рамки простого обеспечения поставок энергоносителей в Европу. Предполагается фокусировка на повышении доступа Африки к энергии, что является ключевым условием ее развития и решения коренных проблем, которая создаст основу для долгосрочного взаимодействия. Это включает содействие внутреннему использованию африканских ресурсов (включая ВИЭ) и транспортной логистики.

Таким образом, определение роли Италии в данном контексте представляет собой не выбор статичной позиции, а активный процесс

формирования гибкой и принципиальной стратегии, направленной на создание конкурентоспособных и привлекательных нарративов.

Заключение

Современное Средиземноморье представляет собой динамичную и конкурентную арену борьбы за влияние и интерпретацию мирового порядка, где наложение военных, гуманитарных и энергетических кризисов усугубляется сдвигом в глобальном балансе сил. Ослабевающее доминирование Запада сталкивается с растущей военно-политической и экономической привлекательностью России и Китая, а также с кризисом легитимности его собственного нарратива. В этом контексте Италия, как ключевая держава ЕС, сталкивается с уникальными вызовами и демонстрирует амбиции.

Итальянский «план Маттеи», предлагающий модель равноправной дипломатии, призван стать альтернативой как неокOLONIALным практикам, так и узко ориентированным на безопасность подходам. Однако успех плана зависит от преодоления внутренних противоречий: риска избыточного прагматизма, разрыва между риторикой и энергетическими интересами, а также ограниченности ресурсов. Для обретения значимой роли Италии требуется переход к долгосрочной стратегии, честно признающей взаимосвязь кризисов — от войны в Газе до нестабильности в Сахеле. Эта стратегия должна сочетать интересы безопасности ЕС с подлинным партнерством с Югом, доказанными инвестициями в развитие и готовностью к неэксКЛЮЗИВНОМУ сотрудничеству с другими игроками.

В конечном счете, успех Италии в этом начинании станет индикатором способности ЕС предложить жизнеспособную и привлекательную альтернативу в новую эпоху геополитической турбулентности, что является испытанием на прочность для самой европейской модели.

Список литературы

1. Алексеенкова Е.С. Африканский вектор внешней политики Италии: цели и институты сотрудничества // Мировая экономика и международные отношения. 2025. Т. 69. № 7. С. 45–58. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2025-69-7-45-58> EDN: TRJVJI
2. Глубокая О.А. Африка во внешней политике Италии: между популизмом и прагматизмом // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2024. № 3. С. 19–30. DOI: 10.15211/vestnikieran320241930
3. Глубокая О.А. Внешнее измерение как панацея? Сотрудничество Италии с третьими странами (Ливия, Тунис, Албания) в управлении миграционными потоками (2022–2024) // Политика и Общество. 2025. № 2. С. 99–113. DOI: 10.7256/2454-0684.2025.2.74748 EDN: ZMWIBU. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74748
4. Глубокая О.А. Внутренние контексты и внешнеполитические приоритеты современной Италии // Вестник ученых-международников. 2024. № 2(28). С. 87–104. EDN KEEICZ.
5. Лавров: Путин в интервью Карлсону открыл скрываемую элитами Запада от избирателей правду [Электронный ресурс] // ТАСС. – 2024. – 22 февраля. – URL: <https://tass.ru/politika/20053393> (дата обращения: 01.09.2025).
6. Маслова Е.А., Шебалина Е.О. «Средиземноморская карта» в европейской политике Италии // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2023. №2. С. 25-33. DOI: 10.15211/vestnikieran220232533.
7. Мелони объявила, что итальянский план для Африки предполагает выделение €5,5 млрд [Электронный ресурс] // ТАСС. 29.01.2024. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/19845175> (дата обращения: 14.06.2024).
8. Мохова И.М. Военные перевороты и угрозы вторжения: что происходит в Африке [Электронный ресурс] // ТАСС. 04.09.2023. URL: <https://tass.ru/opinions/18649345> (дата обращения: 08.06.2025).
9. Путин В.В. рассказал об укреплении связей России со странами Африки [Электронный ресурс] // ИА REGNUM. 22.10.2024. URL: <https://regnum.ru/news/3924466> (дата обращения: 04.06.2025).
10. Россия и Китай не формируют, а оформляют миропорядок, заявил Путин [Электронный ресурс] // РИА Новости. 20.06.2025. URL: <https://ria.ru/20250620/miroporyadok-2024348748.html> (дата обращения: 20.06.2025).
11. Статья Министра иностранных дел Российской Федерации С.В.Лаврова [Электронный ресурс] // Официальный сайт МИД России. 10.10.2023. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1908289/ (дата обращения: 10.06.2025).
12. Шибкова М.О., Малинина О.В. Новая энергетическая стратегия Италии как следствие антироссийских санкций ЕС // Власть. 2023. Т. 31. № 5. С. 251–257. DOI: <https://doi.org/10.31171/vlast.v31i5.9826>

13. Эр-Рияд уведомил Вашингтон о приостановке нормализации отношений с Израилем // ТАСС, 14.10.2023. – URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/19012637> (дата обращения: 20.08.2025).
14. Cameron Hudson. How the United States Lost Niger // Foreign Policy. 02.04.2024. URL: <https://foreignpolicy.com/2024/04/02/us-niger-sahel-military-deal-russia-china> (дата обращения: 15.06.2025).
15. Energy for Growth in Africa Initiative [Электронный ресурс] // United Nations Development Programme (UNDP). 2024. URL: <https://www.undp.org/romecentre/our-programmes/sustainable-energy> (дата обращения: 10.06.2025).
16. Fantappiè M.L. Conclusions: Italy in a Shifting Global Order // Mediterranean Transitions from the Gulf to the Sahel: The Role of Italy and the EU [Электронный ресурс] / ed. by A. Dessì, D. Huber. Rome: Istituto Affari Internazionali (IAI), 2024. P. 134–139. URL: <https://www.iai.it/en/pubblicazioni/c02/mediterranean-transitions-gulf-sahel> (дата обращения: 15.10.2024).
17. Humanitarian-Development-Peace Nexus [Электронный ресурс] // United Nations Development Programme (UNDP). 2024. URL: <https://www.undp.org/crisis/humanitarian-development-and-peace-nexus> (дата обращения: 04.09.2023).
18. Italian Government. President Meloni’s Opening Address at the Italia-Africa Summit. 29.01.2024. URL: <https://www.governo.it/en/node/24861> (дата обращения: 15.06.2025).
19. Kaboub F. Is Italy’s \$6bn plan for Africa just PR-friendly neocolonialism? // African Arguments. 02.02.2024. URL: <https://africanarguments.org/2024/02/is-italy-6bn-mattei-planfor-africa-just-pr-friendly-neocolonialism/> (дата обращения: 11.06.2025).
20. Libro Bianco. Per la sicurezza internazionale e la difesa [Электронный ресурс] // Ministero della Difesa. Roma, 2015. URL: <https://www.iai.it/sites/default/files/iai1509.pdf> (дата обращения: 15.06.2025).
21. Mediterranean Transitions from the Gulf to the Sahel: The Role of Italy and the EU [Электронный ресурс] / ed. by A. Dessì, D. Huber. Rome: Istituto Affari Internazionali (IAI), 2024. 139 p. URL: <https://www.iai.it/en/pubblicazioni/c02/mediterranean-transitions-gulf-sahel> (дата обращения: 15.06.2025).
22. Ministero degli Affari Esteri e della Cooperazione Internazionale. La Strategia Italiana nel Mediterraneo: Stabilizzare le Crisi e Costruire un’Agenda Positiva per la Regione [Электронный ресурс]. Roma: Farnesina, 2017. 52 p. URL: <https://www.esteri.it/mae/resource/doc/2017/12/med-maeci-ita.pdf> (дата обращения: 05.06.2025).
23. Simonelli F., Fantappiè M.L., Goretti L. The Italy-Africa Summit 2024 and the Mattei Plan: Towards Cooperation between Equals? // Istituto Affari

Internazionali. 11.03.2024. URL: <https://www.iai.it/en/pubblicazioni/italy-africa-summit-2024-and-mattei-plan-towards-cooperation-between-equals> (дата обращения: 15.06.2025).

24. The Missing Connection: Unlocking Sustainable Infrastructure Financing in Africa [Электронный ресурс]: A Technical White Paper / The New Partnership for Africa's Development (NEPAD). – Электрон. дан. – [Johannesburg], 2023. – Режим доступа: <https://www.nepad.org/publication/technical-white-paper-missing-connection-unlocking-sustainable-infrastructure> (дата обращения: 01.08.2025).

25. Tshuma D. Regional Reconfigurations and Geopolitical Shifts in the Sahel and Mediterranean // Mediterranean Transitions from the Gulf to the Sahel: The Role of Italy and the EU [Электронный ресурс] / ed. by A. Dessì, D. Huber. Rome: Istituto Affari Internazionali (IAI), 2024. P. 59–80. ISBN 978-88-9368-320-9. URL: <https://www.iai.it/en/pubblicazioni/c02/mediterranean-transitions-gulf-sahel> (дата обращения: 15.06.2025).

26. Vacancies for the Young African Leaders Programme - Florence, Italy [Электронный ресурс] // European External Action Service (EEAS). 22.03.2021. URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/vacancies-young-african-leaders-programme-florence-italy_and_en (дата обращения: 04.05.2025).

27. Vigers Benedict. U.S. Loses Soft Power Edge in Africa // Gallup Articles. 26.04.2024. URL: <https://news.gallup.com/poll/644222/loses-soft-power-edgeafrica.aspx> (дата обращения: 15.06.2025).

Доброва Ольга Андреевна

Аспирант Дипломатической академии МИД России

e-mail: olga_marmya@mail.ru

Dobrova Olga Andreevna

PhD student of the Diplomatic Academy
of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

e-mail: olga_marmya@mail.ru

РОЛЬ БОЛГАРИИ В СТРАТЕГИИ БЕЗОПАСНОСТИ НАТО В ЧЕРНОМОРСКОМ РЕГИОНЕ

BULGARIA'S ROLE IN NATO'S SECURITY STRATEGY IN THE BLACK SEA REGION

Аннотация: в статье анализируется роль Болгарии как страны-члена НАТО в обеспечении безопасности Альянса в Черноморском регионе. С начала кризиса в Украине обстановка в регионе претерпела значительные изменения, обусловленные комплексом факторов, ключевым из которых стало воссоединение Крыма с Российской Федерацией в 2014 году и последующая эскалация конфликта в 2022 году. В данном контексте деятельность Республики Болгарии как государства-члена НАТО и Европейского союза была направлена на укрепление коллективной обороны, демонстрацию солидарности с Альянсом и повышение оперативной совместимости с союзниками, усиливая тем самым конфронтацию с Россией и дестабилизируя безопасность в регионе.

Ключевые слова: Болгария, Черноморский регион, НАТО, морские учения НАТО, доклад НАТО «Black Sea 2025», Allied Maritime Strategy, милитаризация, восточный фланг НАТО

Abstract: the article analyzes the role of Bulgaria as a NATO member country in ensuring the security of the Alliance in the Black Sea region. Since the beginning of the crisis in Ukraine, the situation in the region has undergone significant changes due to a number of factors, the key of which was the reunification of Crimea with the Russian Federation in 2014 and the subsequent escalation of the conflict in 2022. In this context, the activities of the Republic of Bulgaria as a member State of NATO and the European Union were aimed at strengthening collective defense, demonstrating solidarity with the Alliance and increasing interoperability with allies, thereby intensifying confrontation with Russia and destabilizing security in the region.

Keywords: Bulgaria, Black Sea region, NATO, NATO naval exercises, NATO report "Black Sea 2025", Allied Maritime Strategy, militarization, eastern flank of NATO

Введение

Черноморский регион является одной из ключевых линий стратегического соперничества в современной международной системе. С точки зрения геополитического и геостратегического значения Черное море выполняет ряд функций в качестве транспортного коридора, энергетического транзита, а также является зоной военного контроля и ареной соприкосновения интересов НАТО и России. Географическое расположение Болгарии вблизи черноморских проливов Босфор и Дарданеллы делают эту страну значимым геополитическим фактором в стратегии Альянса и непосредственно США. Принятие Болгарии в НАТО позволило альянсу расширить зону своего присутствия в Черноморском регионе. Болгария вступила в НАТО в 2004 году в рамках масштабного расширения Альянса. К настоящему моменту в стране находятся 4 военные базы США, вместимость которых позволяет находиться около 2,5 тыс. американских военных.

После воссоединения Крыма с Россией в 2014 году напряжённость в регионе резко возросла и НАТО переориентировало своё внимание на Восточный фланг, особенно на Черное море. Болгария, как страна-член НАТО и прибрежное государство, находится на перекрёстке интересов альянса и региональной политики.

Как отмечает болгарский исследователь Александр Тодоров «в регионе Чёрного моря начинает вырисовываться усиление конфронтации между Москвой и НАТО» и Североатлантический альянс никогда не скрывал своих планов значительно увеличить военное присутствие» [9]. Болгарский профессор Борис Димитров также подчеркивает, что «Черное море — это часть восточного фронта НАТО, а Болгария включена в общую систему сдерживания России через военные базы и совместные учения» [8].

Стратегическая основа безопасности НАТО в Черноморском регионе

Военная активность НАТО в Черноморском регионе реализуется на основе следующих документах Альянса: стратегический документ НАТО

«Allied Maritime Strategy» 2011 г., резолюции Парламентской Ассамблеи НАТО № 485 от 2023 г, доклад НАТО «Black Sea 2025» и декларации саммитов НАТО в период с 2014 по 2025 гг.

Морская стратегия союзников НАТО («Allied Maritime Strategy») 2011 года закрепляет четыре ключевые функции НАТО на море: сдерживание, управление кризисами, сотрудничество в сфере безопасности и обеспечение свободы судоходства. В стратегии отмечается, что «процесс оборонного планирования НАТО будет играть ключевую роль в руководстве текущей трансформацией морского потенциала для обеспечения готовности Североатлантического союза противостоять как традиционным, так и новым – часто асимметричным – угрозам. В этом контексте приоритетное внимание будет по-прежнему уделяться созданию боеспособных, гибких, быстро разворачиваемых, интероперабельных и устойчивых морских сил включая Черное море» [10].

В Резолюции Парламентской Ассамблеи НАТО № 485 от 2023 г. отмечается, что действия России подчеркивают растущее стратегическое значение Черного моря, роль Черноморского региона в обеспечении евроатлантической безопасности, как это признано в Стратегической концепции до 2022 года, и необходимость разработки всеобъемлющей Черноморской стратегии. Согласно документу «приветствуется далеко идущие решения, принятые на саммитах в Мадриде в 2022 году и Вильнюсе в 2023 году, по созданию новой основы для сдерживания и обороны НАТО, которая предусматривает существенное укрепление передовых оборонительных возможностей Североатлантического союза на восточном фланге, включая создание новых многонациональных боевых групп в Болгарии и Румынии, а также создание самые подробные и действенные планы региональной обороны со времен холодной войны» [13]. Основной призыв Альянса сводится к наращиванию учений, разведки, укреплению флотов Болгарии и Румынии.

В докладе НАТО «Black Sea 2025» определяются следующие угрозы: милитаризация Крыма, гибридные атаки, энергетическая зависимость. В докладе отмечается, что «... вторжение России на Украину превратило Черноморский регион из второстепенного в центральный театр геополитического конфликта, что имеет серьезные последствия для глобальной стабильности, торговли и энергетической безопасности» [15].

Саммиты НАТО, проходившие в период с 2014 по 2023 гг., демонстрируют развитие действий НАТО, а также подчеркивают особое значение Черного моря для Альянса.

Саммит НАТО в Уэльсе (2014г.)

Саммит в Уэльсе (4–5 сентября 2014 г.) стал переломным моментом для НАТО. Впервые с конца холодной войны альянс официально признал Россию не партнёром, а источником угрозы для европейской безопасности. Главной причиной стало присоединение Крыма к России и вооружённый конфликт на востоке Украины.

Ключевые решения саммита включали:

1. Readiness Action Plan (RAP) — создание сил очень высокой готовности (VJTF), способных развёртываться в течение нескольких дней, и усиление присутствия НАТО на восточном фланге, включая Черное море;
2. Ротационное присутствие в Черном море. Была утверждена схема постоянной ротации флотов с использованием портов Болгарии и Румынии;
3. Поддержку Украины и Грузии с помощью создания трастовых фондов НАТО для Украины, а также помощи в подготовке и модернизации флотов стран-партнёров;
4. Укрепление восточного фланга НАТО. Было принято решение о размещении штабов и центров управления в странах Восточной Европы, что включало использование болгарских портов и баз.

Помимо этого, энергетическая зависимость от России впервые была признана фактором угрозы, что напрямую касалось региона Черного моря [8].

Для Болгарии саммит в Уэльсе имел стратегическое значение: страна подтвердила готовность участвовать в RAR, предоставлять Варну и Бургас для союзнических флотов. Болгарские ВМС начали активно участвовать в ротационных миссиях НАТО, а модернизация флота стала рассматриваться как стратегическая необходимость.

Саммит НАТО в Варшаве (8–9 июля 2016 г.) стал следующим шагом в развитии восточной политики Альянса. На нём было закреплено признание Черного моря зоной стратегической важности. Были утверждены меры по сдерживанию России, включая расширение сил НАТО на восточном фланге.

По итогам саммита были приняты следующие ключевые решения:

1. Укрепление «Enhanced Forward Presence» (EFP) — размещение многонациональных батальонов в Польше и странах Балтии.
2. В Черном море — договорённость о более активном взаимодействии флотов Болгарии, Румынии и Турции;
3. Решение о создании «Tailored Forward Presence» (TFP) для Черноморского региона — особого пакета мер для усиления безопасности;
4. Поддержка модернизации вооружённых сил союзников на юго-восточном фланге.

Для Болгарии саммит означал включение в систему TFP: её флот и порты стали частью механизма региональной обороны НАТО. Также акцент был сделан на необходимость модернизации ВМС страны и интеграции в региональные инициативы.

Саммит НАТО в Брюсселе (11–12 июля 2018 г.) подтвердил стратегическую роль Черного моря и расширил взаимодействие альянса с Украиной и Грузией. Главный акцент был сделан на усилении военно-морских учений и координации действий с партнёрами.

По итогам саммита были приняты следующие решения: поддержка Украины и Грузии — укрепление оборонных возможностей и проведение совместных учений в Черном море; усиление присутствия НАТО на море — регулярные визиты кораблей альянса в порты Болгарии и Румынии; создание новых

центров командования для повышения оперативной готовности; подчёркивание значения кибер- и гибридной безопасности в регионе [11].

Для Болгарии это означало активное участие в приёме кораблей НАТО, расширение сотрудничества с Украиной и Румынией, а также укрепление своей инфраструктуры для поддержки союзнических операций.

Саммит НАТО в Вильнюсе (11–12 июля 2023 г.) стал важнейшим событием для Черноморской стратегии альянса в условиях Специальной военной операции на Украине. Черное море было официально включено в новую модель обороны НАТО как один из ключевых регионов. По итогам саммиты Альянс обозначил следующие решения:

1. Подтверждение неограниченной поддержки Украины, включая военную помощь и долгосрочные гарантии безопасности;
2. Усиление присутствия НАТО на восточном фланге, с особым акцентом на Черное море; было также принято решение о развитии совместных проектов НАТО и ЕС в области энергетической и инфраструктурной безопасности. Отмечается планирование модернизации флотов Болгарии и Румынии как части общей системы обороны и усиление воздушного и морского патрулирования региона [3].

Для Болгарии саммит в Вильнюсе означал подтверждение её статуса «фронтального союзника». В стране были закреплены планы дальнейшего расширения военного бюджета, модернизации ВМС и углубления взаимодействия с НАТО и ЕС.

Важно отметить, что несмотря на то, что главной темой Саммита была военная помощь Украине, президент Болгарии «предложил правительству проявить благоразумие и прекратить поставки оружия Киеву» [1]. В свою очередь премьер-министр Николай Денков отметил, «что Болгария должна быть последовательна в выполнении решения парламента об оказании военной и военно-технической помощи, чтобы помочь Украине восстановить ее территориальную целостность» [6].

Российская сторона отметила, что «итоги Саммита в Вильнюсе демонстрируют, что организация окончательно вернулась к схемам «холодной войны», только теперь ради защиты «нашего одного миллиарда» от другой части человечества и на основе идеологии разделения мира на «демократии и автократии». Руководимый Соединенными Штатами «коллективный Запад» не готов мириться с формированием многополярного мира, намерен отстаивать свою гегемонию всеми доступными средствами, в том числе военными» [4].

Согласно основным стратегическим документам Болгарии безопасность страны возможна только в рамках НАТО и ЕС. Белая книга по обороне (2010 г.) провозгласила переход к профессиональной армии и модернизацию ВМС. Военные бюджеты (2014–2025 гг.) предусматривают рост расходов до 2 % ВВП и закупку новых кораблей.

В Проекте Национальной стратегии обороны Болгарии до 2033 года Россия указывается как основная угроза. Доктрина морской политики Болгарии подчеркивает участие в международных учениях, предоставление портов НАТО и развитие совместимых систем наблюдения и связи.

Анализируя роль Болгарии в проведении политики безопасности Альянса в Черноморском регионе необходимо упомянуть о ее участии в нескольких морских операциях НАТО.

Многонациональные ежегодные учения «Sea Breeze», приводящиеся с 1997 года, в период с 2014 по настоящее время проводятся регулярно с повышенной интенсивностью. Инициаторами учений были США и Украина. Болгария, как причерноморское государство-член НАТО, является постоянным участником наряду с Румынией, Турцией, Грузией. Учения нацелены на совершенствование процедур проведения миротворческих операций, операций по принуждению к миру и гуманитарных миссий. Тренировка навыков противоминной борьбы (MCM — Mine Countermeasures), противолодочной обороны (ASW — Anti-Submarine Warfare) и защиты критической морской инфраструктуры [12].

Регулярное проведение учений служит демонстрацией решимости НАТО и партнеров обеспечивать свободу судоходства и стабильность в акватории Черного моря. Кроме того, учения включают морские маневры, десантные операции, отражение воздушных атак, операции по поиску и спасению (SAR — Search and Rescue), а также киберзащиту и мероприятия информационного противоборства [2].

Учения «Sea Shield» проводятся на регулярной основе, начиная с 2014 года, под эгидой Румынии и являются ключевым компонентом усиления восточного фланга НАТО. Болгария также выступает одним из основных участников в силу своей географической принадлежности к Черноморскому региону. Целями и задачами учений является отработка вопросов интеграции национальных систем противовоздушной и противоракетной обороны в единую архитектуру НАТО (BMD — Ballistic Missile Defence).

Необходимо также отметить и деятельность Постоянной группы ВМС НАТО № 2 (SNMG 2 — Standing NATO Maritime Group Two), в которых участвует Болгария [14]. Постоянное оперативное соединение, действующее в Средиземном и Черном морях. Визиты в болгарские порты Варна и Бургас носят регулярный, запланированный характер в рамках патрулирования. Предоставляя свои порты для заходов, Болгария выступает в роли принимающей стороны (host nation) и периодически включает в состав группы корабли ВМС страны. Регулярные патрулирования и портовые заходы являются видимым воплощением статьи 5 Вашингтонского договора, подчеркивая готовность НАТО к коллективной обороне. Присутствие боеспособной морской группировки НАТО у берегов союзника служит инструментом военно-политического сдерживания.

Помимо этого, по заявлениям министерства обороны страны «по соглашению с Италией НАТО планирует построить крупнейшую базу. По словам посла России, в Болгарии Э. Митрофановой, в рамках этого плана болгарское правительство также собирается закупить новое вооружение и

создать «коридоры военной мобильности» для перемещения войск альянс и увеличить натовский контингент с 1,2 тыс. до 5 тыс. военнослужащих» [5].

Заключение

Таким образом, подводя итог, следует отметить, что, занимая стратегически выгодное геополитическое расположение на юго-востоке Европы, Болгария занимает важное место в реализации политики безопасности НАТО в Черноморском регионе. Усиление присутствия Североатлантического блока в Черном море говорит о желании НАТО уменьшить влияние России в регионе. Болгария осуществляет свою национальную стратегию безопасности в бассейне Черного моря как в соответствии с глобальной политикой НАТО, так и в сотрудничестве с отдельными государствами – членами этой организации. Представленные операции и мероприятия демонстрируют эволюцию военно-политической стратегии Болгарии и НАТО в Черноморском регионе в период 2014–2025 гг. Военное присутствие флота НАТО в Черном море способствует милитаризации восточного фланга. Это приводит к наращиванию сил НАТО у границ России, повышая уровень военного противостояния и, тем самым, способствуя развитию конфликтогенности региона.

Список литературы:

1. Болгария тайно участвует во встрече НАТО по вооружению Украины// <https://inosmi.ru/20230214/nato-260618141.html> (дата обращения: 25.09.2025)
2. Военно-морские учения НАТО Sea Shield 24 пройдут 8-21 апреля в Румынии// <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/20459067> (дата обращения: 23.09.2025)
3. Заявление по итогам встречи в верхах в Вильнюсе//URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_217320.htm?select (дата обращения: 25.09.2025)
4. Об итогах саммита НАТО в Вильнюсе, 11-12 июля 2023 г.//URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1896645 (дата обращения: 20.09.2025)
5. Посол Митрофанова: Болгария по соглашению с Италией хочет построить базу НАТО//URL: <https://tass.ru/politika/25189927> (дата обращения: 28.09.2025)

6. Премьер Болгарии возглавит делегацию страны на саммите НАТО в Вильнюсе// <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/18082559> (дата обращения: 25.09.2025)
7. Саммит НАТО в Уэльсе: основная информация//URL: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/news_112107.htm?selectedLocale=ru (дата обращения: 23.09.2025)
8. Източният фронт на НАТО срещу Русия//URL: <https://www.geopolitica.eu/2020/185-broy-5-2020/3265-iztochniyat-front-na-nato-sreshtu-rusiya> (дата обращения: 23.09.2025)
9. Черноморският вектор в стратегията на НАТО//URL: <https://www.geopolitica.eu/2019/177-broy-4-2019/3048-chernomorskiyat-vektor-v-strategiyata-na-nato> (дата обращения: 25.09.2025)
10. Alliance Maritime Strategy//URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_75615.htm (дата обращения: 20.09.2025)
11. Brussels Summit Declaration//URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_156624.htm (дата обращения: 23.09.2025)
12. NATO ships exercise in the Black Sea// https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_185879.htm (дата обращения: 23.09.2025)
13. Resolution 485 – Strengthening Stability And Security In The Black Sea Region//URL: <https://www.nato-pa.int/document/173-dsc-23-e-resolution-485-strengthening-stability-and-security-black-sea-region> (дата обращения: 26.09.2025)
14. Standing NATO Maritime Group Two (SNMG2)//URL: <https://mc.nato.int/SNMG2> (дата обращения: 23.09.2025)
15. 2025 – Revised – The War In Ukraine And Mounting Economic Challenges In The Greater Black Sea Region//URL: <https://www.nato-pa.int/document/2025-black-sea-report-harangozo-017-esctd> (дата обращения: 25.09.2025)

Ротанёв Алексей Витальевич,
соискатель кафедры государственного управления,
Дипломатическая академия МИД России,
aleksey.rotanev@mail.ru

Aleksey V. Rotanov,
Postgraduate Degree Student,
Department of Public Administration,
Diplomatic Academy of Ministry of Foreign Affairs of Russia,
aleksey.rotanev@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИКИ СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ СО СТРАНАМИ АЛЬЯНСА ГОСУДАРСТВ САХЕЛЬ

Аннотация. Настоящая статья посвящена исследованию особенностей политики сотрудничества Российской Федерации с государствами-членами Альянса государств Сахеля (АГС) — Мали, Нигером и Буркина-Фасо в период с 2023 по 2025 годы. Анализируются военно-технические, экономические, энергетические и культурно-образовательные аспекты российско-сахельского партнерства. Исследование демонстрирует, что российская стратегия в Сахеле основывается на комплексном подходе, сочетающем военную помощь, доступ к стратегическим ресурсам и развитие инфраструктурных проектов. Рассматриваются механизмы институционализации двусторонних отношений через создание межправительственных комиссий.

Ключевые слова: Альянс государств Сахеля, российско-африканское сотрудничество, Мали, Нигер, Буркина-Фасо, военно-техническое сотрудничество, Африканский корпус, природные ресурсы, многополярность.

Abstract. This article is devoted to the study of the peculiarities of cooperation policy between the Russian Federation and member states Alliance of the Sahel States (ASS) — Mali, Niger, and Burkina Faso from 2023 to 2025. The analysis covers military-technical, economic, energy, and cultural-educational aspects of Russia-Sahel partnership. The research demonstrates that Russia's strategy in the Sahel region is based on a comprehensive approach combining military assistance, access to strategic resources, and infrastructure development projects. Mechanisms for institutionalizing bilateral relations through intergovernmental commissions are examined.

Keywords: Alliance of the Sahel States, Russia-Africa cooperation, Mali, Niger, Burkina Faso, military-technical cooperation, African Corps, natural resources, multipolarity.

Введение

Регион Сахеля в начале третьего десятилетия XXI века переживает радикальную геополитическую трансформацию, связанную с формированием

новых альянсов [1]. Создание 17 сентября 2023 года Альянса государств Сахеля тремя западноафриканскими государствами — Мали, Нигером и Буркина-Фасо — ознаменовало начало нового этапа в развитии региональной архитектуры безопасности. Преобразование 6 июля 2024 года военного альянса в полноценную конфедерацию продемонстрировало стремление военных администраций к углублению интеграции. Одновременно происходило интенсивное развитие сотрудничества между Российской Федерацией и странами АГС, охватывающее военно-технические, экономические и гуманитарные сферы [2].

Российское присутствие приобрело системный характер на фоне ослабления позиций традиционных западных партнеров. Вывод французских военных контингентов и выход государств из состава ЭКОВАС в январе 2024 года создали благоприятные условия для расширения российского влияния [3]. Москва позиционирует себя как партнера, предоставляющего помощь без политических условий, что резонирует с устремлениями военного руководства АГС к укреплению суверенитета. Этот подход основывается на исторических связях, восходящих к советскому периоду, когда тысячи африканских студентов обучались в советских университетах, формируя прочную основу для современного сотрудничества.

Институционализация и военно-техническое сотрудничество

Институционализация российского сотрудничества со странами АГС приобрела особую интенсивность после проведения второго саммита Россия-Африка в июле 2023 года, на котором были приняты ключевые документы, определившие направления взаимодействия. Россия подтвердила наличие соглашений о военно-техническом сотрудничестве с более чем 40 африканскими государствами, среди которых страны Сахеля занимают особое место. Качественный прорыв произошел в апреле 2025 года, когда министры иностранных дел Мали, Нигера и Буркина-Фасо совершили совместный визит в Москву для первых консультаций между РФ и АГС на министерском уровне. Министр иностранных дел России Сергей Лавров

заявил о готовности содействовать формированию объединенных вооруженных сил АГС численностью 5000 военнослужащих, опираясь на российский опыт сотрудничества с Беларусью в рамках Союзного государства и с партнерами по ОДКБ. Стороны договорились об интенсификации коммуникаций между экономическими операторами и создании условий для развития предпринимательской деятельности [4].

Механизм межправительственных комиссий стал ключевым инструментом двустороннего взаимодействия, обеспечивающим систематическую координацию по широкому спектру вопросов. В июне 2025 года в ходе визита лидера Мали Ассими Гоиты в Москву было подписано соглашение о создании российско-малийской межправительственной комиссии под руководством министра энергетики Сергея Цивилева. В июле-августе 2025 года в рамках африканского турне российской правительственной делегации были достигнуты договоренности о формировании аналогичных структур с Буркина-Фасо и Нигером до конца 2025 года. Эти институты призваны обеспечить координацию от энергетики и добычи полезных ископаемых до образования и культурных обменов.

Военная сфера остается центральным компонентом партнерства, что обусловлено острой необходимостью стран АГС в укреплении обороноспособности. Глава Департамента государств Африки МИД России Анатолий Башкин подчеркнул, что Москва последовательно укрепляет взаимодействие по всем направлениям, включая поставки современной продукции военного назначения и подготовку кадров для силовых структур. В августе 2025 года состоялась первая официальная встреча министров обороны России и трех государств АГС в Москве, которую провел министр обороны РФ Андрей Белоусов. Министр обороны Мали Садио Камара подчеркнул, что оборона является крупнейшей сферой сотрудничества между странами. По итогам консультаций был подписан меморандум о взаимопонимании по вопросам оборонного сотрудничества.

Трансформация российского военного присутствия связана с переходом от модели частных военных компаний к государственной структуре — Африканскому корпусу. Группа Вагнера, действовавшая в Мали с ноября 2021 года, после гибели ее лидера Евгения Пригожина в августе 2023 года была реорганизована. В июне 2025 года было объявлено о выводе подразделений Вагнера из Мали и передаче их функций Африканскому корпусу, находящемуся под прямым контролем Москвы. Большинство российских военнослужащих, ранее связанных с Вагнером, были реинтегрированы в Африканский корпус и остались в столице Бамако и региональных центрах на севере страны. Африканский корпус демонстрирует иной подход к операционной деятельности: за пределами Мали персонал корпуса сосредоточен на наращивании потенциала принимающих армий, а не на прямом участии в боевых действиях, что отражает снижение аппетита Российской Федерации к рискам.

Экономическое и энергетическое сотрудничество

Экономическое сотрудничество России со странами Сахеля характеризуется фокусом на добывающих отраслях, прежде всего золотодобыче и урановой промышленности. Руководство АГС рассматривают сотрудничество с российскими компаниями как механизм восстановления контроля над природными ресурсами после разрыва контрактов с западными фирмами. Нигер прекратил сотрудничество с французской компанией Orano и канадской GoviEx в урановой отрасли, а Мали аналогичным образом пересмотрел соглашения с западными горнодобывающими фирмами. Эти решения соответствуют более широкой стратегии стран АГС по утверждению ресурсного суверенитета и диверсификации внешнеэкономических партнеров [5].

Российская горнодобывающая компания Nordgold существенно расширила присутствие в Буркина-Фасо. В апреле 2025 года правительство предоставило Nordgold лицензию на разработку месторождения золота Ниу площадью 52.8 квадратных километров в провинции Курвуого. Дочерняя

компания Jilbey Burkina сохраняет 85% акций проекта, тогда как буркинийское правительство владеет 15% без финансового вклада в соответствии с горнодобывающим кодексом страны 2023 года. Прогнозируемая добыча на месторождении Ниу составляет 20.22 метрических тонны золота за 8-летний период эксплуатации. Это дополняет уже существующие операции Nordgold на рудниках Бисса и Були, которые в 2023 году произвели около 10 тонн золота.

В Мали развитие золотодобывающего сектора приобрело стратегическое значение. В июне 2025 года началось строительство золотоочистительного завода при поддержке России, который, по словам военного лидера Мали, приблизит страну к установлению контроля над своими природными ресурсами. Российский конгломерат Yadrان Group, специализирующийся на нефтедобыче, промышленной инфраструктуре и управлении отходами, объявил о планах построить в Мали не только золотоочистительный завод, но и предприятие по переработке хлопка. Председатель Yadrان Group Ирек Салихов в октябре 2024 года заявил о достижении договоренностей с Мали по очистке золота, поставкам топлива и созданию хлопкоперерабатывающего предприятия.

Урановая промышленность Нигера представляет стратегический интерес для российского государственного концерна Росатом. В июле 2025 года между Росатомом и Нигером был подписан меморандум о взаимопонимании в области сотрудничества в сфере ядерной энергетики. В сентябре 2025 года министр горнодобывающей промышленности Нигера Усман Абарчи заявил на конференции в Москве о намерении построить два ядерных реактора мощностью по 2000 мегаватт каждый в партнерстве с Росатомом. Абарчи также выразил заинтересованность в совместной разработке урановых месторождений. Нигер занимает восьмое место в мире по добыче урана по данным Всемирной ядерной ассоциации на 2024 год. Глава Росатома Алексей Лихачев охарактеризовал эти предложения как "чрезвычайно интересные" [6].

Энергетический сектор стал одним из приоритетных направлений российско-сахельского партнерства. Министр энергетики России Сергей Цивилев в июле 2025 года возглавил правительственную делегацию, посетившую Мали, Буркина-Фасо и Нигер. Цивилев сформулировал российский подход к энергетическому сотрудничеству с Африкой: "Мы считаем, что доступ к электроэнергии должен быть у всех на Земле, а не только у ряда стран так называемого золотого миллиарда. Энергия должна быть доступна как технически, так и финансово для каждого человека, чтобы он мог за нее заплатить". Этот дискурс контрастирует с западным подходом и резонирует с устремлениями стран АГС к экономическому развитию. В Уагадугу российская компания "Интер РАО" подписала меморандум о сотрудничестве в развитии тепловых электростанций. Объем торговли между Россией и Буркина-Фасо увеличился в 4.8 раза по итогам 2024 года, основу составил экспорт российских продовольственных товаров, сельхозсырья и продукции химической промышленности.

Российские железные дороги рассматривают страны Сахеля как перспективное направление для инфраструктурных проектов. Буркина-Фасо входит в число четырех африканских государств, на которые нацелена РЖД для реализации проектов наряду с Ганой, Южной Африкой и Ливией. Первый заместитель генерального директора РЖД Сергей Павлов подчеркнул перспективные отношения, которые Россия выстроила на континенте в последние годы. РЖД видит потенциал в расширении Международного транспортного коридора Север-Юг в направлении Африки с созданием соответствующей транспортной инфраструктуры. Холдинг "Дело", крупнейший транспортно-логистический холдинг России, планирует строительство железнодорожного "православного креста" через Африку, включая проект железной дороги, которая должна соединить столицы Буркина-Фасо и Ганы Уагадугу и Аккру [7].

Гуманитарная и культурно-образовательная сферы

Россия использует гуманитарную помощь как инструмент укрепления влияния в странах АГС. В рамках обязательств, принятых на саммите Россия-Африка (2023), Москва осуществила масштабные поставки зерна африканским государствам. В декабре 2024 года в гвинейский порт Конакри прибыла гуманитарная партия из 65500 тонн пшеницы, переданная Республике Мали. Официальный представитель МИД России Мария Захарова подчеркнула, что Россия выполнила свои обязательства по бесплатным поставкам в кратчайшие сроки, внося значительный вклад в обеспечение продовольственной безопасности африканского континента. Россия увеличила экспорт пшеницы в Западную Африку на 23% за первые восемь месяцев 2025 года, что свидетельствует о растущей роли России как поставщика продовольствия для региона. Российская компания Уралхим внесла свой вклад, поставив более 134000 тонн минеральных удобрений африканским странам бесплатно с конца 2022 года [8].

Образовательная дипломатия стала важным компонентом российской стратегии в Сахеле. В октябре 2025 года глава государственного агентства по культурной дипломатии Россотрудничество Евгений Примаков объявил, что Россия выделила более 5000 государственных мест в университетах для студентов из африканских стран в текущем учебном году. Количество заявок превысило 40000, что в два раза больше, чем в предыдущем периоде. Наибольшее число заявителей поступило из Судана, Гвинеи, Ганы и Чада. Примаков отметил, что Москва активно расширяет гуманитарное и образовательное сотрудничество с африканскими странами. Россотрудничество разрабатывает проекты в пяти ключевых странах: Египте, Замбии, Танзании, Южной Африке и Эфиопии.

Российские дома стали ключевым инструментом культурной дипломатии в Сахеле. В регионе Сахеля российские дома открылись в Бамако (Мали), Уагадугу (Буркина-Фасо), Ниамее (Нигер) и других городах. Эти центры функционируют как центры культурного и образовательного сотрудничества, где предоставляется возможность изучать русский язык

бесплатно, а студентам присуждаются стипендии для обучения в России. Российский дом в Бамако был основан в 2022 году выпускниками российских университетов и организует киносеансы, дискуссии, занятия по русскому языку и шахматам [9].

Многополярная конкуренция за влияние в регионе

Российское присутствие в Сахеле развивается в контексте многополярной конкуренции за влияние. Помимо России, активную роль играют Китай, Турция, Иран и Марокко, каждый из которых предлагает свои модели сотрудничества. Глава Департамента государств Африки МИД России Анатолий Башкин подчеркнул, что Москва рассматривает Сахель в первую очередь как зону для взаимовыгодного сотрудничества, а не пространство для конкуренции международных игроков. В интересах создания условий для ускоренного социально-экономического развития стран региона Россия полагает оправданным объединение усилий конструктивно настроенных международных игроков [10].

Китай реализует масштабные инфраструктурные проекты, включая строительство крупнейшего в Африке нефтепровода протяженностью 2000 километров для экспорта сырой нефти с месторождений Агадем на юго-востоке Нигера в Бенин. В середине апреля 2025 года правительство Нигера объявило об обеспечении кредита в размере 400 миллионов долларов от китайского партнера в качестве аванса за предстоящие продажи сырой нефти [11]. Турция стала важным партнером стран АГС в оборонной сфере, поставляя боевые беспилотники. В апреле 2025 года Буркина-Фасо получила два десятка боевых беспилотников Bayraktar TB2 и Bayraktar Akinci. Иран с 2020 года увеличил свое влияние в регионе, подписав в октябре несколько соглашений о сотрудничестве с Буркина-Фасо в областях энергетики, городского планирования, высшего образования и строительства. Западная Африка остается ключевым центром российских экономических интересов на континенте.

Таблица 1 систематизирует основные направления российско-сахельского сотрудничества по семи ключевым сферам взаимодействия в период 2023-2025 годов. Она демонстрирует конкретные проекты и достижения России с каждой из трех стран АГС — Мали, Нигером и Буркина-Фасо — в военно-технической, экономической, энергетической, инфраструктурной, гуманитарной, образовательной и институциональной областях.

Таблица 1. Основные направления российско-сахельского сотрудничества (2023-2025)

Направление	Мали	Нигер	Буркина-Фасо	Ключевые результаты
Военно-техническое	Африканский корпус, поставки вооружений	Меморандум об обороне (декабрь 2023)	Военные консультации	Меморандум о взаимопонимании (август 2025)
Экономическое (добыча ресурсов)	Золотоочистительный завод (июнь 2025)	Совместная разработка урана	Nordgold: лицензия на Ниу (апрель 2025)	Расширение доступа к стратегическим ресурсам
Энергетическое	Интерактивная карта месторождений	Планы строительства 2 ядерных реакторов по 2000 МВт	Соглашения в области ТЭС	Меморандум Росатом-Нигер (июль 2025)
Инфраструктурное	Проекты РЖД	Участие в коридоре Север-Юг	Железная дорога Уагадугу-Аккра	Планирование транспортной интеграции
Гуманитарное	65500 тонн пшеницы (декабрь 2024)	До 20000 тонн пшеницы (май 2025)	709.5 тонн гороха (май 2025)	Укрепление продовольственной безопасности
Образовательное	Российский дом в Бамако (2022)	Российский дом в Ниамес	Российский дом в Уагадугу	5000+ стипендий для африканцев (2025)
Институциональное	Межправкомиссия (создана июнь 2025)	Планируется до конца 2025	Планируется до конца 2025	Формализация двустороннего сотрудничества

Заключение

Российская политика в отношении стран Альянса государств Сахеля представляет собой комплексную стратегию, направленную на утверждение долгосрочного присутствия в стратегически важном регионе Африки [12]. В условиях геополитических трансформаций, вызванных военными переворотами 2020-2023 годов и последующим разрывом этих государств с традиционными западными партнерами, Россия смогла позиционировать

себя как альтернативного союзника, предлагающего сотрудничество без политических условий. Институционализация отношений через создание межправительственных комиссий, подписание меморандумов в оборонной сфере и регулярные консультации на высшем уровне закладывают основу для устойчивого партнерства. Переход от эпизодических контактов к созданию постоянно действующих институтов взаимодействия свидетельствует о стратегическом характере российского присутствия в регионе.

Военно-техническое сотрудничество остается стержнем российского присутствия, при этом трансформация от модели частных военных компаний к государственному Африканскому корпусу отражает эволюцию российского подхода к операциям в Африке. Экономическое измерение, сосредоточенное на добывающих отраслях, энергетике и инфраструктуре, предоставляет России доступ к критически важным ресурсам и возможности для расширения экономического влияния. Культурно-гуманитарное направление через образовательные программы, российские дома и продовольственную помощь формирует благоприятную среду для углубления связей с населением стран АГС.

Список литературы

1. Ротанёв А.В. Особенности политической обстановки в африканских государствах: взгляд на регион Конфедерации Альянса государств Сахеля // Вопросы политологии. – 2025. – Т. 15. – № 5 (117). – С. 1905-1911.
2. Четвериков А. О. Конфедерация государств Сахеля—новый интеграционный альянс стран «глобального Юга» (юридические аспекты) // Международное право. – 2024. – №. 2. – С. 16-40.
3. Смирнова О. А. Эволюция отношений Франции и Буркина-Фасо в 2020—2024 гг //ивановского государственного университета. – 2025. – С. 98.
4. Блищенко В. И. Россия—Африка: новая парадигма взаимодействия //Обозреватель-Observer. – 2024. – №. 6. – С. 49-58.
5. Айуб Ш. и др. Проблемы и перспективы развития внешней политики стран зоны Сахеля в контексте современных международных отношений //Конфликтология/nota bene. – 2021. – №. 3. – С. 87-98.

6. Корендясов Е. Н. Битва за уран в Сахаре и Сахеле // Индекс безопасности. – 2013. – Т. 19. – №. 4. – С. 61-70.
7. Horak L. et al. Building the „Russicafrique “: Russian influence operations changing the geopolitics in the Sahel //The Strategic Review for Southern Africa. – 2024. – Т. 46. – №. 1 and 2.
8. Khmeleva G. A. et al. The Assessment of the Potential of Russian Grain Trade in Asian and African Countries: A Gravity Model Approach // Sustainability. – 2025. – Т. 17. – №. 2. – С. 413.
9. Elbassoussy A. The growing Russian role in sub-Saharan Africa: interests, opportunities and limitations // Journal of Humanities and Applied Social Sciences. – 2022. – Т. 4. – №. 3. – С. 251-270.
10. Околи А.Ч. Суверенитет Африки в контексте перехода к многополярному миропорядку (на примере дискурса вокруг Сахеля). Ученые записки Института Африки РАН. – 2024. – № 2. – С. 118–133. <https://doi.org/10.31132/2412-5717-2024-67-2-118-133>
11. Leite M. E. D. A New Era in the Sahel: US Decline, Russia, & China Rise // The journal of foreign affairs staff.
12. Мануйлова А. Е. Эволюция политики России в отношении Африки // Вестник дипломатической академии МИД России. Россия и мир. Учредители: Дипломатическая академия МИД РФ, Министерство иностранных дел Российской Федерации. – №. 1. – С. 36-48.

Назарова Софья Андреевна,
ассистент Заместителя главного редактор,
Вестник ученых-международников,
sofya.nazarova.0200@mail.ru

Sofya A. Nazarova,
Deputy Editor in Chief Assistant,
International Relations Scientists' Herald,
sofya.nazarova.0200@mail.ru

ФАКТОР КИТАЯ В ОТНОШЕНИЯХ МЕКСИКИ И США

THE CHINA FACTOR IN MEXICO-US RELATIONS

Аннотация: в статье рассматривается влияние, которое КНР оказывает на мексикано-американские отношения в сферах экономики, политики и безопасности. Автор анализирует, как китайские инвестиции, инфраструктурные проекты и дипломатические усилия переформатируют региональное взаимодействие, создавая новые вызовы и возможности для всех стран треугольника США-Мексика-Китай. В фокусе исследования находятся стратегия Пекина по использованию Мексики в качестве платформы для доступа к рынкам Соединенных штатов, а также меры, предпринимаемые Вашингтоном для сдерживания усиливающегося присутствия Китая в латиноамериканском государстве. Автор обращает внимание на то, что дальнейшее развитие мексикано-американских отношений будет зависеть от политического курса, который будет проводить администрация Дональда Трампа в отношении Мехико на фоне торговой войны США с КНР.

Ключевые слова: Мексика, США, Китай, ЮСМКА, инвестиции, влияние, экономика, политика, безопасность

Abstract: the article examines the Chinese influence on Mexican-American relations in economics, politics, and security. The author analyzes how China is reshaping regional interactions via its investments, infrastructure projects and diplomatic efforts, creating new challenges and opportunities for all countries in the US-Mexico-China triangle. The research focuses on Beijing's strategy of using Mexico as a platform to access US markets as well as the measures taken by Washington to limit China's presence in the Latin American state. The author draws attention to the fact that the further development of Mexican-American relations will depend on the political course that the Donald Trump administration will pursue towards Mexico amid the US trade war with China.

Keywords: Mexico, USA, China, USMCA, investments, influence, economy, politics, security

Введение

Соединенные Штаты имеют тесные связи с государствами Латинской Америки и Карибского бассейна (ЛАКБ), характеризующиеся сочетанием экономического сотрудничества и напряженности в вопросах миграции и безопасности. Значительное влияние на отношения США с латиноамериканскими странами оказывает Китай, торговля и инвестиции которого в отношении государств ЛАКБ продолжают расти с начала XXI века, несмотря на традиционно доминирующее присутствие Вашингтона в регионе. Усиление интеграции КНР со странами Латинской Америки и Карибского бассейна происходит на фоне интенсификации торговой войны Вашингтона и Пекина, обострение которой произошло как при первой администрации Дональда Трампа (2017-2021), так и после его прихода к власти в 2025 году. Наиболее сильно фактор присутствия Китая в регионе ЛАКБ оказывает влияние на мексикано-американские отношения, поскольку Мексика находится в центре геополитического треугольника США-Мексика-Китай. Несмотря на асимметричность мексикано-американских отношений, они характеризуются высокой взаимозависимостью, в основе которой лежит наличие протяженной сухопутной границы и исторически сложившихся тесных экономических связей. Однако на современном этапе происходит укрепление контактов между Мексикой и Китаем, что негативно сказывается на мексикано-американских отношениях в сферах экономики, политики и безопасности. Опасаясь уменьшения своего экономического и политического присутствия в регионе, Вашингтон оказывает давление на Мехико, что подрывает традиционно крепкие двухсторонние связи между странами.

Целью статьи является изучение роли Китая в мексикано-американских отношениях на фоне торговой войны между КНР и США, а также в связи с укреплением мексикано-китайских экономических и инвестиционных связей. Влияние, которое Китай оказывает на мексикано-американские отношения в сферах экономики, политики и безопасности, можно проследить путем

анализа мер, принимаемых Вашингтоном для ограничения китайского присутствия в Мексике.

Мексика-Китай

Несмотря на территориальную отдаленность, Мексика и Китай имеют долгую историю политического и экономического взаимодействия. Двухсторонние отношения между государствами характеризуются нелинейным развитием, поскольку они укреплялись и ослаблялись в различные исторические периоды и в связи с внутривнутриполитическими изменениями, происходившими в Мексике и КНР, а также под воздействием внешних факторов.

Хотя первые мексикано-китайские контакты берут начало с открытия испанскими колонизаторами «Морского шелкового пути» из Китая в Мексику в XVI веке, официально дипломатические отношения между странами были установлены в 1972 году. При этом, Мексика стала четвертой латиноамериканской страной, установившей дипломатические отношения с КНР и открывшей посольство в Пекине [9]. Несмотря на то, что выход мексикано-китайских отношений на официальный уровень способствовал интенсификации политических, экономических, научных и культурных связей между государствами, уже в 1990-е годы начались первые разногласия между странами, связанные с недовольством Мехико ростом торгового дефицита в пользу Китая, а также создавшейся конкуренцией мексиканских и китайских товаров на внутреннем рынке Мексики, поскольку китайские аналоги начали вытеснять альтернативные изделия национального производства [7, с. 79]. В целях защиты отечественных производителей в 1993 году мексиканское правительство ввело импортные сборы и таможенные пошлины на китайские товары в размере более, чем 1000%. Такой шаг со стороны Мехико был осужден КНР и вызвал охлаждение отношений между странами.

Новый импульс мексикано-китайское взаимодействие получило в начале XXI века, поскольку Китай переживал активный экономический рост в этот период и нуждался в новых рынках сбыта для китайских товаров,

источниках сырья и инвестиций. В этой связи, Мексика, являющаяся одним из крупнейших государств в Латинской Америке с населением более чем 130 млн человек и обладающая богатыми природными ресурсами [29], представляла особый интерес для Пекина. В 2003 году отношения Мексики и Китая были повышены до уровня стратегического партнерства, а в 2013 году после государственного визита председателя КНР Си Цзиньпина в Мексику – получили статус всеобъемлющего стратегического партнерства, что свидетельствовало о взаимной заинтересованности сторон к укреплению взаимодействия и наращиванию торговли. На практике это выразилось в институционализации экономического взаимодействия путем создания рабочей группы по инновационным отраслям промышленности и группы по организации сотрудничества между предпринимателями. По мнению мексиканского исследователя Эухенио Ангиано Рош, для Китая повышение уровня политических отношений с Мексикой было обусловлено намерением поставить латиноамериканскую страну в фокус своего геополитического влияния, поскольку Мехико представлял собой важный рынок сбыта для китайских товаров и услуг [26, с. 12]. Кроме того, в 2005 Мексика и Китай подписали соглашение об избежании двойного налогообложения доходов и предотвращении уклонения от уплаты налогов, а в 2008 году государства заключили договор о поощрении и взаимной защите инвестиций, что дало толчок развитию сотрудничества в таких областях как энергетика, добыча полезных ископаемых и высокие технологии [1, с. 250].

На современном этапе мексикано-китайские отношения продолжают активно развиваться. Китай является вторым по величине торговым партнером Мексики, а латиноамериканское государство, в свою очередь, занимает второе место по объемам экономического взаимодействия с КНР среди стран региона Латинской Америки и Карибского бассейна. В 2023 году товарооборот между странами составил 100,2 млрд долларов, увеличившись на 6% по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года [12]. Одновременно с наращиванием торговли, происходит рост китайских инвестиций в экономику Мексики.

Например, такие крупные компании, как Huawei, ZTE, Lenovo, Haier вышли на мексиканский рынок в 2017 году, а годом ранее Industrial and Commercial Bank of China (ICBC) открыл своё дочернее предприятие в Мексике, что стало важным шагом в укреплении финансовых связей между странами [4, с. 172]. Китай также использует международные площадки, такие как ООН, АСЕАН и «Группа двадцати», для продвижения своих инициатив, в том числе «Один пояс—один путь». При этом, исследователи К. Пфайфер и Р. Берг отмечают, что отказ Мексики присоединиться к китайскому проекту, не стал преградой для реализации странами масштабных инфраструктурных проектов, таких как «Поезд Майя» и участие КНР в модернизации транспортной сети метрополитена в Мехико и Монтеррее [23]. Вместе с тем, на данном этапе состоялось больше 40 визитов представителей государств на высшем и высоком уровне, что превышает частоту встреч Китая с другими латиноамериканскими странами и свидетельствует о приоритетном положении Мексики во внешнеполитическом курсе КНР.

Принципиальная заинтересованность Пекина в увеличении масштаба взаимодействия с Мехико на современном этапе обусловлена рядом факторов. Во-первых, Китай стремится укрепить свои позиции в регионе ЛАКБ путем интенсификации сотрудничества с Мексикой, являющейся одним из ведущих государств на латиноамериканском континенте. Укрепление связей с Мехико позволяет Пекину расширить свое политическое и экономическое влияние в Западном полушарии. Во-вторых, Мексика входит в список крупнейших экономик мира и стран-экспортёров нефти [28], чем представляет особый интерес для КНР, нуждающегося в обеспечении стабильных поставок энергоресурсов. В-третьих, заинтересованность Китая в кооперации с Мексикой определяется географической близостью и тесными экономическими связями Мехико с Вашингтоном. Китай рассматривал Мексику как стратегического партнера благодаря ее членству в Североамериканском соглашении о свободной торговле (НАФТА) [25], что позволяло китайским предприятиям, размещенным на мексиканской

территории, пользоваться тарифными преференциями, предусмотренными торговым договором, при экспорте в Соединенные Штаты.

Новый этап мексикано-китайского сближения начался с 2017 года под влиянием протекционистской политики Дональда Трампа, предполагающей свертывание присутствия Вашингтона в Мексике, а также ужесточение торговых отношений с латиноамериканским государством. На протяжении всего периода обсуждения условий и ратификации нового торгового соглашения взамен НАФТА, начавшего действие в 2020 году и получившего название «Соглашение США-Мексика-Канада» (ЮСМКА) [32], американская администрация оказывала на Мексику экономическое и политическое давление.

Во-первых, Д. Трамп заявил о постройке пограничной стены и «угрожал введением дополнительных экспортных пошлин на мексиканскую продукцию» [3, с. 55], если Мехико не остановит поток мигрантов из Центральной Америки.

Во-вторых, США отказались ратифицировать ЮСМКА до тех пор, пока Мексика не проведет реформы в сфере трудового законодательства, к которым страна не была готова. В-третьих, Д. Трамп использовал введение таможенных пошлин на мексиканскую сталь как инструмент давления на мексиканское правительство, чтобы «помешать проведению энергетической реформы, которая бы позволила увеличить добычи нефти в латиноамериканской стране» [8, с. 18]. Такие действия со стороны американской администрации подтолкнули Мехико к поиску путей снижения экономической зависимости от Вашингтона и, следовательно, к диверсификации торговых связей, что создало предпосылки для углубления сотрудничества Мексики с Китаем как одной из крупнейших экономик мира. КНР, в свою очередь, тоже был заинтересован в интенсификации связей с латиноамериканским государством на фоне торговой войны с США, инициированной американским президентом Д. Трампом с целью защиты внутреннего рынка от китайских товаров и снижения торгового дефицита, а также предполагавшей введение тарифов и

ограничительных мер на продукцию, поставляемую из КНР. В условиях ухудшения мексикано-американских отношений у Китая появилась возможность расширить свое экономическое, культурное, политическое влияние в Мексике путем увеличения инвестиций в мексиканскую экономику, а также продвижения совместных инфраструктурных проектов.

Влияние Китая на отношения Мексики и США

Вашингтон воспринял мексикано-китайское сближение как угрозу своему экономическому и политическому присутствию в регионе. В этой связи американская администрация начала предпринимать меры по ограничению китайского влияния в Мексике, что, в свою очередь, стало еще причиной нарастания напряженности в отношениях Мехико и Вашингтона.

Наиболее сильное воздействие фактор Китая оказал на отношения Мексики и США в сфере экономики. В новый торговый договор ЮСМКА, вступивший в силу в 2020 году, по инициативе Соединенных штатов была включена статья, в соответствии с которой в случае, если государство-участник заключит торговую сделку со «страной с нерыночной экономикой», другие участники соглашения, не согласные с содержанием этой сделки, могут выйти из ЮСМКА, сохранив режим свободной торговли между собой [6, с. 135]. Данное положение было введено американской администрацией прежде всего для того, чтобы ограничить возможности Китая пользоваться преференциальными условиями в области торговли, промышленности и интеллектуальной собственности благодаря договорам, заключенным с Мехико. Изменения, внесенные США, ограничивают экономическую свободу Мехико в выборе торговых партнеров, а также создают напряженность в мексикано-американских отношениях. По мнению сотрудников Центра стратегических и международных исследований Р. Берга и Х. Циммера, факт включения статьи в ЮСМКА доказывает, что США рассматривают КНР в качестве стратегического противника в регионе и пытаются нивелировать его экономические связи с Мексикой [11, с. 11].

Несмотря на тенденцию поступательного развития торговых отношений Мексики и Китая на современном этапе, главным торговым партнером Мехико все еще остается Вашингтон, что обусловлено не только шагами, предпринимаемыми США по ограничению китайского присутствия в латиноамериканской стране, но и исторически крепкими политически и экономическими связями Мексики с Соединенными штатами. По данным Бюро переписи населения министерства торговли США, последние пять лет товарооборот между Мексикой и США демонстрировал устойчивый рост, достигнув рекордных показателей. Так, общий объем двусторонней торговли в 2023 году достиг 798,8 млрд долларов, что на 2,5% больше по сравнению с предыдущим годом [30]. Это позволило Мексике стать главным торговым партнером Соединенных штатов, обогнав Канаду и Китай.

Кроме того, существует ряд объективных трудностей, которые препятствуют развитию мексикано-китайских отношений, в результате чего Мехико сосредотачивается на сотрудничестве с США. Например, развитию экономического сотрудничества Мексики и КНР препятствует неустойчивый обменный курс, поскольку ослабление мексиканского песо к американскому доллару в 2013-2017 гг. привело к финансовым сложностям китайских компаний, которые ведут коммерческую деятельность в латиноамериканской стране в национальной валюте [5, с. 180]. Более того, у Мексики и Китая отсутствует соглашение о свободной торговле, в результате чего правительство латиноамериканского государства традиционно отдает приоритет во внешнеэкономической деятельности в пользу стран Северной Америки, с которыми это соглашение уже подписано.

Однако повторный приход к власти в США Д. Трампа в январе 2025 года, сопровождающийся ужесточением политического и экономического курса Вашингтона в отношении его союзников и стратегических противников, вносит неопределенность в торговые отношения Мехико и Вашингтона. В соответствии с указом Д. Трампа, опубликованным на сайте Белого Дома 3 марта 2025 года, США объявили о введении 25% на мексиканские товары, а

также заявили об удвоении тарифов на продукцию из КНР до 20% [20]. Меры, принимаемые американской администрацией для защиты внутреннего рынка, меняют обстановку на международной арене, ставя под угрозу экономику латиноамериканского и азиатского государств, а также подталкивая Мексику к дифференциации своих экономических связей и поиску новых партнеров на фоне давления со стороны Соединенных Штатов.

Помимо этого, предвестником ухудшения мексикано-американских торговых связей является процесс пересмотра ЮСМКА, который должен состояться в 2026 году. В соответствии с пунктом 34.7 все стороны соглашения должны подтвердить его продление, в противном случае срок его действия истечет 2036 году [32]. На фоне торговой войны США и КНР, а также укрепления мексикано-китайских отношений, вопрос присутствия Китая в Мексике будет иметь первостепенное значение во время пересмотра и оценки эффективности ЮСМКА. Давление на мексиканское правительство со стороны Вашингтона в связи с усилением влияния Китая в Мексике может привести к предложениям мексиканских официальных лиц и экспертов отказаться от продления торгового соглашения. В этой связи канадский исследователь Д. Чурияка подчеркивает, что несогласие Мехико с пролонгацией ЮСМКА будет означать для Соединенных Штатов потерю не только главного торгового партнера, но миллиарды долларов инвестиций, вложенных в латиноамериканское государство [33].

Другой сферой мексикано-американского взаимодействия, на которую Китай оказывает значительное влияние, является безопасность, которая представляет собой комплексное сотрудничество в борьбе с наркотрафиком, организованной преступностью и нелегальной миграцией, а также предполагает обеспечение защищенности государственных границ. Согласно данным национального института США по борьбе со злоупотреблением наркотиками (NIDA), смертность от синтетических опиоидов в 2022 году, в первую очередь от фентанила, который попадает в Соединенные Штаты из

Мексики, а туда из Китая, увеличилась в 23 раза, достигнув 73 838 человек [15].

Несмотря на то, что правительство КНР отрицает свою причастность к наркотической эпидемии в США, по данным Комитета палаты представителей конгресса США, Китай является главным поставщиком прекурсоров – химических компонентов, которые организованные преступные группировки в Мексике используют для синтеза фентанила [27]. Мексиканские картели, в свою очередь, являются основными дистрибьютерами наркотических веществ в Соединенных штатах, чем создают угрозу национальной безопасности североамериканского государства. Как следствие, Дональд Трамп использует пошлины для оказания давления на мексиканское правительство с тем, чтобы Мехико остановил поток фентанила и нелегальных мигрантов. Однако, по мнению американской исследовательницы Ванды Фелбаб-Браун, введение Вашингтоном ограничительных мер в отношении латиноамериканской страны нанесет ущерб экономике Мексики и подрвет соглашение ЮСМКА, но при этом не поможет борьбе с распространением наркотиков, только ухудшив двухсторонние отношения между государствами [19].

Несмотря на то, что под давлением США в 2019 году КНР ввел ограничения и строгий контроль над производством всех веществ, связанных с фентанилом, поставки прекурсоров в Мексику не прекратились. Помимо этого, китайская сторона продолжает отрицать свою ответственность за наркотический кризис в Соединенных Штатах, заявляя, что «злоупотребление фентанилом в Америке – это собственная проблема Соединенных Штатов, с которой должны справиться сами американцы» [2].

Учитывая снижение активности Мексики по борьбе с нелегальной миграцией и торговлей наркотическими веществами, которое произошло при администрации Андреса Мануэля Лопеса Обрадора (АМЛО) (2018-2024), а также неспособность китайского правительства прервать поставки химических компонентов для синтеза фентанила в Мексику, США стали

предпринимать более серьезные меры для защиты национальной безопасности. Так, Д. Трамп объявил о намерении причислить мексиканские картели к террористическим организациям, а также о использовании военной силы для борьбы с организованной преступностью в латиноамериканской стране [14]. Однако такие меры могут привести к усилению напряженности в мексикано-американских отношениях. Во-первых, внесение мексиканских картелей в список террористических группировок может затронуть легальный бизнес, косвенно связанный с ними, что негативно скажется на экономике Мексики. Во-вторых, односторонние военные действия США, направленные на уничтожение картелей, могут быть рассмотрены мексиканским правительством как вмешательство во внутренние дела, что повлечет за собой не только осуждение со стороны Мехико, но и отказ мексиканских властей к дальнейшему сотрудничеству с Соединенными штатами в области безопасности [21, с. 23]. В-третьих, меры, объявленные администрацией Д. Трампа, способны привести к эскалации насилия в латиноамериканской стране, поскольку преступные группировки, располагающие современным оружием, могут дать агрессивный ответ американским военным, что скорее всего приведет к жертвам среди мирного населения и отказу Мексики от совместных действий с США в сфере безопасности.

Помимо области экономики и безопасности фактор Китая способствует усилению политических трений между Вашингтоном и Мехико. США использует дипломатические каналы, чтобы заставить латиноамериканское государство ограничить сотрудничество с КНР, особенно в таких стратегически важных отраслях, как энергетика, торговля и технологии. Например, в 2019 году группа сенаторов во главе с Марко Рубио на официальном уровне выразили обеспокоенность по поводу участия компании Huawei в развитии мексиканских сетей 5G, подчеркнув, что это ставит под угрозу безопасность данных, а также отношения Мексики и США [31]. Кроме того, на встрече министров торговли Соединенных штатов и Мексики в Вашингтоне в 2025 году американские представители потребовали от

мексиканских чиновников введения пошлин на товары из КНР, чтобы избежать введения ограничительных мер против Мехико со стороны США [24]. Политическое давление, которое американская сторона оказывает на мексиканское правительство посредством официальных заявлений, писем и выступлений на международных площадках, заставляет Мексику пересмотреть степень взаимодействия с Китаем и более внимательно относиться к нему. Однако отказ мексиканского правительства, заинтересованного в присутствии китайских технологических компаний на своей территории, от прекращения сотрудничества с КНР воспринимается Вашингтоном как угроза национальным интересам Соединенных штатов и усиливает напряженность в отношениях мексикано-американских отношениях.

В связи с этим, Соединенные штаты пользуются исторически сложившимися антикитайскими настроениями в мексиканском обществе, поддерживая их с тем, чтобы подорвать существующее мексикано-китайское партнерство. Учитывая высокий уровень недоверия мексиканцев не только к китайским товарам, но и самим китайцам, вызванный во многом социокультурными различиями и опасениями экономической экспансии со стороны КНР, жители Мексики и на современном этапе продолжают скептически относиться к сотрудничеству с Пекином, особенно в реализации инфраструктурных проектов [16]. Так, мексиканская организация *Mexicanos Contra la Corrupción y la Impunidad* (МССИ), занимающаяся антикоррупционными расследованиями в государственном и частных секторах, в 2022 году опубликовала расследование, в котором указывала на экологические риски и отсутствие прозрачности в китайском проекте «Поезд Майя» [1]. Вместе с тем, организация получала финансирование от Агентства США по международному развитию (USAID), что дает возможность предположить наличие американского влияния на повестку организации и критику, которую она высказывает в отношении инвестиционных проектов, реализуемых Китаем в Мексике.

Несмотря на усиления мексикано-китайской кооперации, КНР выступает в большей степени экономическим партнером Мехико, имея слабое политическое влияние в стране. В то время как США продолжают быть тесно политически связанными с Мексикой, поскольку страны вынуждены поддерживать диалог по широкому спектру общих проблем в сфере миграции, наркотрафика и нелегальной торговли оружием, что предопределяет глубину и широту взаимодействия государств во всех сферах. Не случайно, в соответствии последним выпущенным Планом национального развития (НПР) Мексики, приоритетом во внешнеполитической программе латиноамериканского государства является выстраивание диалога с Соединенными Штатами на принципах равенства, взаимоуважения и в целях поиска решений общих проблем [13, с. 55].

Выводы

Усиливающиеся присутствие КНР в Мексике оказывает двойное влияние на мексикано-американские отношения в сфере экономики, безопасности и политики. С одной стороны, в условиях торговой войны США и Китая, а также на фоне укрепления торговых и инвестиционных мексикано-китайских связей Вашингтон ужесточает политику в отношении латиноамериканского государства. Вашингтон использует финансовые и политические инструменты для оказания давления на Мехико с целью ограничения китайского влияния в регионе, что негативно сказывается на двухсторонних отношениях Мексики и США. С другой — Соединенные штаты продолжают оставаться главным торговым и политическим партнером латиноамериканского государства на современном этапе, что обуславливается наличием крепких экономических связей, а также общих нерешенных проблем в области безопасности, требующих сотрудничества стран.

При этом, усиливающаяся неясность в мексикано-американских отношениях после прихода к власти в США в 2025 году Д. Трампа позволяет предположить, что перспективы развития двустороннего взаимодействия Мехико и Вашингтона будут зависеть от дальнейшего курса, который

американская администрация будет проводить в отношении Мексики. Слишком жесткая политика Вашингтона по ограничению присутствия Китая в Мексике может привести к обратному эффекту, подтолкнув мексиканское правительство не к ослаблению, а к еще большему укреплению связей с Пекином, поскольку КНР сохраняет мощный экономический потенциал и инвестиционные возможности в латиноамериканской стране. На фоне усиливающегося давления со стороны США на современном этапе мексиканскому правительству необходимо обеспечить защиту своих национальных интересов, а также выстроить партнерские отношения с Китаем на выгодных для Мехико условиях. Если Мексика и Китай продолжат реализовывать начатые проекты и развивать экономические связи, то уже к концу третьего десятилетия XXI века можно будет наблюдать изменения на геополитической карте мира, где Мексика будет иметь многоуровневые и развитые отношения не только с Соединенными штатами, но и с КНР.

Список литературы

1. Батанова, С.В. Современные тенденции развития китайско-мексиканского торгово-экономического сотрудничества // Вестник Российского университета дружбы народов. – 2024. – №2. – С. 247–257.
2. Ван И: по проблемам фентанила США отвечают на добро обидой [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Китайской Народной Республики. 03.07.2025. URL: https://www.fmprc.gov.cn/rus/wjdt/wshd/202503/t20250307_11570175.html (дата обращения: 22.03.2025).
3. Комкова, Е. Г. ЮСМКА вместо НАФТА // Мировая экономика и международные отношения. – 2019. – №4. – С. 50-57.
4. Косевич, Е. Ю. Место Китая во внешнеэкономических приоритетах Мексики // Восток. – 2019. – №1. – С. 167–179.
5. Косевич, Е.Ю. Мексика в системе геополитических координат начала XXI века. – М.: Нестор-История, 2020. – 312 с.
6. Роблес, Э.А., Трухин, Ю.Н. Китай и Мексика в новой реальности XXI века // Актуальные проблемы экономики и управления. – 2019. – №1 (21). – С. 129–136.
7. Сударев, В.П. Латинская Америка перед новыми геополитическими вызовами. – М.: Аспект Пресс, 2016. – 460 с.
8. Яковлев П.П. USMCA: перезагрузка зоны свободной торговли в Северной Америке // Латинская Америка. – 2018. – №12. – С. 6-21.

9. 50 Aniversario de Relaciones Diplomáticas México China. [Recurso electrónico] // Sitio web del Gobierno Mexicano. URL: <https://www.gob.mx/correosdemexico/acciones-y-programas/50-aniversario-de-relaciones-diplomaticas-mexico-china> (дата обращения: 11.03.2025).
10. Ayala, V., Alamillo, I., Buendía, E. SedenaLeaks revela el riesgo de colapso en tramo 5 del Tren Maya. [Recurso electrónico] // Mexicanos Contra la Corrupción y la Impunidad. 11.10.2022. URL: <https://contralacorrupcion.mx/sedenaleaks-revela-el-riesgo-de-colapso-en-tramo-5-del-tren-maya/> (дата обращения: 24.03.2025).
11. Berg, C.R., Ziemer, H. China's security and defense engagement in Latin America and the Caribbean // Center for strategic and international studies. – 2023. – P. 1-47.
12. China-Mexico Trade in 2023 [electronic resource] // The Observatory of Economic Complexity. URL: <https://oec.world/en/profile/bilateral-country/chn/partner/mex> (дата обращения: 11.03.2025).
13. Cruz, A. Propuesta de política exterior para América del Norte (2018-2024). – México, 2018. – 179 p.
14. Designating Cartels and Other Organizations as Foreign Terrorist Organizations [electronic resource] // The White House. 20.01.2025. URL: <https://www.whitehouse.gov/presidential-actions/2025/01/designating-cartels-and-other-organizations-as-foreign-terrorist-organizations-and-specially-designated-global-terrorists/> (дата обращения: 22.03.2025).
15. Drug Overdose Deaths: Facts and Figures? [electronic resource] // National Institute on Drug Abuse. 2022. URL: <https://nida.nih.gov/research-topics/trends-statistics/overdose-death-rates#Fig1> (дата обращения: 18.03.2025).
16. Ellis, R. E. China y México: Desafíos en la profundización de la relación estratégica [Recurso electrónico] // DEF. 30.08.2014. URL: <https://blogs.infobae.com/def/2014/08/30/china-y-mexico-desafios-para-profundizar-la-relacion-estrategica/index.html> (дата обращения: 22.03.2025).
17. Ellis, R.E., Lazarus, L., Piccone, T., Wirtschaftler, V. How are the United States and China intersecting in Latin America? [electronic resource] // The Brookings Institution. URL: <https://www.brookings.edu/articles/how-are-the-united-states-and-china-intersecting-in-latin-america/> (дата обращения: 08.03.2025).
18. Felbab-Braun, V. The fentanyl crises: from naloxone to tariffs // Foreign Policy at Brookings. – 2025. – PP. 1-24.
19. Felbab-Brown, V. Addressing Mexico's role in the U.S. fentanyl epidemic [electronic resource] // The Brookings Institution. 19.07.2023. URL: <https://www.brookings.edu/articles/addressing-mexico-s-role-in-the-us-fentanyl-epidemic/> (дата обращения: 22.03.2025).
20. Further amendment to duties addressing the synthetic opioid supply chain in the People's Republic of China [electronic resource] // The White House. 2025. URL: <https://www.whitehouse.gov/presidential-actions/2025/03/further->

[amendment-to-duties-addressing-the-synthetic-opioid-supply-chain-in-the-peoples-republic-of-china/](#) (дата обращения: 16.03.2025).

21. Greenway, R., Martínez-Fernández, A., Beaver, W. How the President Can Use the U.S. Military to Confront the Catastrophic Threat at the Border with Mexico // The Heritage Foundation. – 2025. – №309. – С. 1–42.

22. Hacia una agenda estratégica entre México y China: monografía / Rubio, L., Navarrete, J.E., Levy-Dabbah, S. [etc.]. – México: COMEXI, 2024. – 88 p.

23. Mexico and the United States need to talk about China now [electronic resource] // Foreign Policy Magazine. 2024. URL: <https://foreignpolicy.com/2024/05/07/mexico-china-united-states-elections-bilateral-relations/> (дата обращения: 11.03.2025).

24. Mexico Studies Tariffs on China in Bid to Strike Deal With Trump [electronic resource] // Bloomberg. 24.02.2025. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2025-02-24/mexico-studies-tariffs-on-china-in-bid-to-strike-deal-with-trump> (дата обращения: 22.03.2025).

25. North America Free Trade Agreement [electronic resource] // U.S. Customs and Boarder Protection. URL: https://www.acerislaw.com/wp-content/uploads/2021/02/North_American_Free_Trade_Agreement-NAFTA.pdf (дата обращения: 14.03.2025).

26. Roch, E.A. La era de Xi Jinping: ¿Retorno del autoritarismo personal? // Cuadernos de Trabajo del Cechimex. – 2015. – №5. – PP. 1-16.

27. The CCP's role in the fentanyl crises [electronic resource] // The Select Committee on the strategic competition between the United States and the Chinese communist party. 2024. URL: [https://selectcommitteeonthecpp.house.gov/sites/evo-subsites/selectcommitteeonthecpp.house.gov/files/evo-media-document/The%20CCP's%20Role%20in%20the%20Fentanyl%20Crisis%204.16.24%20\(1\).pdf](https://selectcommitteeonthecpp.house.gov/sites/evo-subsites/selectcommitteeonthecpp.house.gov/files/evo-media-document/The%20CCP's%20Role%20in%20the%20Fentanyl%20Crisis%204.16.24%20(1).pdf) (дата обращения: 18.03.2025).

28. The World Factbook 2024 [electronic resource] // Central intelligence agency of the US. URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/mx.html> (дата обращения: 14.03.2025).

29. The World Factbook 2025 [electronic resource] // Central intelligence agency of the US. URL: <https://www.cia.gov/the-world-factbook/countries/mexico/> (дата обращения: 03.03.2025).

30. Trade in Goods with Mexico [electronic resource] // US Department of Commerce Census Bureau. URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/mx.html> (дата обращения: 16.03.2025).

31. U.S. campaign against Huawei hits a snag south of the border [electronic resource] // Reuters. 09.05.2019. URL: <https://www.reuters.com/article/business/us-campaign-against-huawei-hits-a-snag-south-of-the-border-idUSKCN1SF17Q/#:~:text=A%20U.S.%20State%20Department%20official,witho ut%20presenting%20any%20concrete%20evidence.%22> (дата обращения: 22.03.2025).

32. United States-Mexico-Canada Agreement. [electronic resource] // Office of the US Trade Representative. URL: <https://ustr.gov/trade-agreements/free-trade-agreements/united-states-mexico-canada-agreement> (дата обращения: 14.03.2025).

33. Will the USMCA Accord Survive an Upcoming Review? [electronic resource] // The Dialogue. Leadership for the Americas. 2024. URL: <https://thediologue.org/analysis/will-the-usmca-accord-survive-an-upcoming-review/> (дата обращения: 18.03.2025).

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

Короткова Ольга Анатольевна

Кандидат культурологии
Заведующий сектором истории Главного штаба
Отдел "Главный штаб"
Государственный Эрмитаж

Olga A. Korotkova

PhD in Cultural Studies
Head of the History Sector of the General Staff Building
General Staff Department
The State Hermitage Museum

МУДРЕЦЫ И ЦЕРЕМОНИИ: ПРИЁМ ПЕРВЫХ КИТАЙСКИХ И ЯПОНСКИХ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ МИССИЙ В РОССИИ. К 300-ЛЕТИЮ ПРОТОКОЛЬНОЙ СЛУЖБЫ МИД РФ

SAGES AND CEREMONIES: RECEPTION OF THE FIRST CHINESE AND JAPANESE DIPLOMATIC MISSIONS IN RUSSIA. TO THE 300TH ANNIVERSARY OF THE PROTOCOL SERVICE OF THE MINISTRY OF FOREIGN AFFAIRS OF THE RUSSIAN FEDERATION

Аннотация. Статья исследует становление и эволюцию дипломатического протокола Российской империи на примере приёма первых китайских (1866, 1870 гг.) и японских (1862, 1867 гг.) миссий в контексте 300-летия Протокольной службы МИД РФ. На основе архивных материалов (РГИА) автор анализирует механизмы адаптации церемониальных практик к культурным особенностям стран Дальнего Востока, роль востоковедов (И.А. Гошкевич, К.А. Скачков) в разработке этикета, а также взаимодействие Экспедиции церемониальных дел МИДв и Азиатского департамента МИД. Особое внимание уделено уникальным аспектам приёмов: культурной адаптации пространства для японской миссии Такэноути (1862), использованию исследований китайских церемониалов (1848), сравнительному анализу аудиенций для восточных посольств (1829–1870). Выявлено значение дипломатических даров, лингвистической поддержки и научного сопровождения миссий как инструментов укрепления российско-азиатских отношений. Работа вносит вклад в историю российской дипломатии, демонстрируя синтез протокольных норм и межкультурного диалога в XIX веке.

Ключевые слова: Дипломатический протокол; Российская империя; Церемониальные практики; МИД Российской империи; Российско-японские отношения; Российско-китайские отношения; Экспедиция церемониальных дел; Азиатский департамент; Культурная адаптация; Архивные исследования.

Abstract. The article examines the formation and evolution of the diplomatic protocol of the Russian Empire on the example of the reception of the first Chinese (1866, 1870) and Japanese (1862, 1867) missions in the context of the 300th anniversary of the Protocol Service of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. On the basis of archival materials (RGIA), the author analyzes the mechanisms of adaptation of ceremonial practices to the cultural characteristics of the countries of the Far East, the role of orientalists (I.A. Goshkevich, K.A. Skachkov) in the development of etiquette, as well as the interaction of the Expedition of Ceremonial Affairs of the Ministry of Foreign Affairs and the Asian Department of the Ministry of Foreign Affairs. Particular attention is paid to the unique aspects of the techniques: the cultural adaptation of the space for the Japanese mission Takenouchi (1862), the use of studies of Chinese ceremonies (1848), and the comparative analysis of audiences for oriental embassies (1829–1870). The importance of diplomatic gifts, linguistic support and scientific support of missions as tools for strengthening Russian-Asian relations is revealed. The work contributes to the history of Russian diplomacy, demonstrating the synthesis of protocol norms and intercultural dialogue in the 19th century.

Keywords: Diplomatic protocol; Russian Empire; Ceremonial practices; Ministry of Foreign Affairs of the Russian Empire; Russian-Japanese relations; Russian-Chinese relations; Expedition of Ceremonial Affairs; Asian Department; Cultural adaptation; Archival research.

История протокольной службы берёт своё начало со времён императора Петра I и основанной им Государственной коллегии иностранных дел. В состав коллегии входило особое подразделение – «Экспедиция на русском языке», возглавляемая обер-церемониймейстером. Впоследствии название этого учреждения неоднократно менялось, но цели и задачи его оставались неизменными. На «Экспедицию» возлагалась ответственность за соблюдение этикета при встречах дипломатических лиц, она ведала составлением списков прибывавших к Российскому императорскому двору иностранных представителей [6].

Первый российский император ввёл нормы дипломатического протокола, приближенные к практике западных стран. В царствование дочери Петра I, императрицы Елизаветы Петровны, был опубликован «Церемониал

для чужестранных послов при императорском всероссийском дворе» (1747 г.). В 1827 г. император Николай I приказал переработать церемониал, что привело к появлению нового документа – «Высочайше утверждённых этикетов при императорском российском дворе».

Специфика деятельности «Экспедиции на русском языке» (она же Экспедиция церемониальных дел, Церемониальный департамент) определила её особое место в структуре Коллегии иностранных дел, а с XIX в. – Министерства иностранных дел. В 1858 г., при императоре Александре II, Экспедиция церемониальных дел и вовсе выделилась из состава внешнеполитического ведомства, перейдя в подчинение Министерству императорского двора (МИДв). Разнообразные обязанности, связанные с пребыванием иностранных дипломатических представителей в России, распределились при этом между сотрудниками обоих ведомств, МИДв и МИД.

В 1856 г. министром иностранных дел стал князь Александр Михайлович Горчаков, сменив на этом посту «долгожителя» среди российских министров – канцлера Карла Васильевича Нессельроде (управляющий МИДом в 1816-1856 гг.). Князь Горчаков бросил свои главные силы на решение проблем, вызванных поражением Российской империи в Крымской войне. В то же время большое внимание стало уделяться построению и развитию контактов со странами Востока. Если в первой половине XIX в. Россия была вовлечена в отношения главным образом со странами ближневосточного региона, а именно с Персией и Османской империей, то во второй половине столетия ситуация начала заметным образом меняться. Особый интерес для России стали представлять регионы Средней Азии, а затем и Дальнего Востока. На период правления Александра II пришли первые официальные контакты с Японией, возобновились отношения с Китаем.

Перед служащими Экспедиции церемониальных дел МИДв и Азиатского департамента МИД встала непростая задача организации приёма

японских и китайских миссий, разработки новых церемониалов. Возник вопрос о том, какими правилами следует руководствоваться при встрече представителей экзотических на тот момент для России стран, где почерпнуть необходимые знания. Имевшийся опыт взаимодействия с восточными посольствами отражал богатую историю отношений с Турцией и Персией, – держав, весьма далёких по своей культурной специфике от стран Дальнего Востока.

Необходимо отметить, что в Экспедиции церемониальных дел велась исследовательская работа по изучению истории российских и зарубежных церемониалов, о чём свидетельствуют хранившиеся там папки с их подробным описанием [25]. Имелись, к примеру, данные о церемониях восшествия на престол турецких султанов и персидских шахов [22]. Среди этих документов была и папка с заголовком «Церемониал воцарения императоров китайских», относящаяся к 1848 г. [22]. На первой же странице указывалось, что сведения получены из французской книги “Cérémonies du Sacre de tous les Souverains de l’Univers” [22]. В документе содержится не только описание самого церемониала, но и важные пояснения к нему. Среди таких пояснений, например, информация о порядке передачи престола в Цинской империи («Престол наследственный, но принять императорский титул преемник может только по многократному приглашению верховного мандарина» [22]) или комментарии, раскрывающие роль астрологии в китайской культуре («Новый император дает повеление Правлению вероисповеданий о счастливейшем дне для совершения обряда» [22]).

Полезная для церемониального ведомства информация поступала не только из книг. Отечественные учёные-востоковеды, находившиеся на дипломатической службе, оказывали неоценимую помощь в деле приёма высоких гостей из стран Дальнего Востока.

Когда в конце июля 1862 г. первая японская миссия, возглавляемая Чрезвычайным Посланником и Полномочным Министром Такэноути Ясунори, прибыла в Санкт-Петербург, гости из Страны восходящего солнца

были удивлены оказанным им необычайным приёмом. Миссия посещала Россию в контексте своей поездки по Европе с целью ратификации договоров, ранее подписанных с западными державами. Прежде России посольство успело побывать в Великобритании, Франции, Нидерландах и Пруссии. Впервые оказавшиеся за рубежом японцы везли с собой сотни мешков риса и другие привычные для них продукты питания из расчета на год, переносные фонарики и обогревательные приборы [8].

Немало усилий было приложено отечественными дипломатами в Европе по сбору информации о пребывании там японского посольства для наилучшей подготовки к встрече редких гостей в Петербурге [7]. В европейских столицах делегацию приняли на достойном уровне, однако в Петербурге японцев поселили в особенно комфортной обстановке. В апартаментах, устроенных в японском стиле, дипломатам (посольство составляло 38 человек вместе с прислугой[26]) предложили знакомые блюда, разместили предметы японского быта. Члены посольства не могли не догадаться, что к подготовке встречи был причастен их соотечественник. Действительно, в списке чиновников МИД, которые должны были постоянно состоять при делегации в Петербурге, числилась фамилия единственного японца на российской дипломатической службе – губернского секретаря Яматова [10]. Несмотря на обязанность сопровождения миссии, этот человек даже не был представлен японской делегации. Очевидно, сказались опасения за жизнь Яматова вследствие нарушения им запрета на самовольный отъезд с территории своей страны.

История путешествия Яматова в Россию началась в годы экспедиции Евфимия Васильевича Путятина на Дальний Восток, в ходе которой было подписано первое соглашение между Японией и Россией о дружбе и торговле – Симодский трактат (1855). Среди команды в качестве секретаря Е. В. Путятина находился И. А. Гончаров, который впоследствии детально описал события путешествия в своём художественном произведении «Фрегат «Паллада».

В экспедиции с Путятиным принимал участие Иосиф Антонович Гошкевич (1814-1875), крупный специалист по китайскому, а затем и по японскому языку и культуре. Во время пребывания в Японии вместе с Путятиным, Гошкевич знакомился с укладом жизни японцев и законами страны, изучал её политическое и административное устройство [14]. Впоследствии, в 1858 г., Гошкевич был назначен первым официальным дипломатическим представителем Российской империи в Японии – консулом в городе Хакодате. На обратном пути в Россию к команде Путятина при не вполне выясненных обстоятельствах присоединился японец Тотибана (Масуда) Косай, оказывавший Гошкевичу помощь в изучении японского языка.

В России Тотибана Косай принял православие с именем Владимира Иосифовича Яматова. Несколько лет он служил в Азиатском департаменте МИД, работал преподавателем японского языка в Санкт-Петербургском университете, а в 1874 г., когда законы о запрете выезжать из Японии смягчились, смог вернуться на родину.

Именно Яматов скрывался за блистательно подготовленным приёмом миссии Такэноути. Программа приёма гостей разрабатывалась на основе составленной им служебной записки «Прием иностранного посла в Японии» [7]. В записке указывалось, каким образом необходимо обустроить жилое пространство для гостей. По всей видимости, на основе записки Яматова был составлен «Список вещам, нужным для японского посольства», распространяемый среди служащих МИДв. Среди таких вещей были перечислены деревянные изголовья, подушечки в виде валиков, полотенца, мешочки с отрубями для умывания, фарфоровые чашки, котлы, жестянки, пепельницы, подносы, табак, канцелярские принадлежности. Здесь же указывалось какие продукты японцы предпочитают употреблять в пищу [17]. Азиатский департамент позаботился и об особом подарке для членов миссии: в комнатах японских дипломатов ожидали экземпляры нового, составленного Гошкевичем с помощью Яматова, русско-японского словаря.

Иосиф Гошкевич, покровитель Владимира Яматова, сыграл большую роль во встрече миссии 1862 г. Именно из донесений консула Гошкевича в МИД стало известно о готовящейся поездке посольства по странам Европы. Он же снабдил Министерство иностранных дел сведениями о составе посольства и подарках, которые будут поднесены российскому императору и членам Государственного Совета: это были сабли, седло, картины, книжный шкаф, письменный прибор, парчовые занавески, куски парчи и атласа [7].

Обмен дипломатическими, или посольскими дарами всегда был неотъемлемой частью церемонии приёма зарубежных гостей, – как из стран Востока, так и Запада. По традиции в качестве посольского дара, пересылаемого от одного правителя другому, заготавливались самые ценные, изысканные и редкие предметы. Они отсылали к истории страны-дарителя, символизируя наивысшие достижения её культуры и искусства. В 1862 г. заготовке ответных подарков японской стороне уделили большое внимание. Дары для сёгуна, высокопоставленных особ японского военного правительства и членов посольства готовили в Санкт-Петербурге и Москве заблаговременно. За образец был взят список вещей, преподнесённых японцам в 1858 г. Е. В. Путятиным в ходе его миссии по заключению нового торгового договора в городе Эдо [8].

В день приезда японцев в Петербург 28 июля 1862 г. на улицах центра города, и особенно у Запасного дворца, где остановилось посольство, народ толпился несмотря на выдавшуюся дождливую погоду [4]. 2 августа «в 1 час пополудни» в соответствии с заранее разработанным церемониалом состоялась Высочайшая аудиенция у императора Александра II в Зимнем дворце [23]. Во дворце, на хорах парадных залов, за ходом встречи наблюдали придворные – кавалеры, которым надлежало явиться в парадной форме, и дамы в русских платьях [17]. Интерес к японским гостям в столице был столь велик, что в сени парадной Иорданской лестницы было разрешено допустить «народ обоюбого пола, в приличном одеянии» [16]. Для документирования аудиенции пригласили художника Василия Фёдоровича Тимма [15]. Его

иллюстрации были опубликованы в периодическом издании «Русский художественный листок» вместе с описанием церемонии в Зимнем дворце и сведениями о пребывании японской делегации в Петербурге [26].

Перед визитом к Государю императору 31 июля 1862 г. японская делегация посетила Министерство иностранных дел Российской империи, которое располагалось напротив Зимнего дворца в восточном крыле здания Главного штаба. Приём миссии Такэноути проходил в рабочем кабинете министра князя А. М. Горчакова.

Важным аспектом встречи дипломатов в 1862 г. был показ достопримечательностей столицы. В связи с этим министр Горчаков указывал на удобство размещения японской миссии в Запасном дворце на Дворцовой набережной, в самом центре города [8]. Гости из Японии могли наблюдать Неву и Петропавловскую крепость, а прямо перед окнами Запасного дворца были пришвартованы два судна с японским флагом. Такой вид был запечатлен на акварели, созданной одним из членов посольства по просьбе императрицы Марии Александровны, чей день рождения совпал с приездом японских гостей [3].

Ещё один рисунок был сделан в Красном селе, где японцы наблюдали за военными маневрами. Там же, по всей видимости, один из представителей миссии исполнил портрет Александра II в полный рост в технике живописи на шёлке. Среди мест, посещенных гостями за месяц в Петербурге и окрестностях, были Эрмитаж и Зимний дворец, музеи Горного корпуса и Корпуса путей сообщения, Петропавловская крепость, Монетный двор, Адмиралтейство, Публичная библиотека, Ботанический сад, Екатерингоф, Елагин остров, Лесной институт, Пулковская обсерватория, Колпино, Павловск [26] и Царское Село, где 2 сентября для них была устроена прощальная аудиенция [9].

В Российском государственном историческом архиве хранится интересный документ, отражающий работу по сохранению опыта проведения Высочайших аудиенций для посольств из стран Востока. Документ

представляет собой сравнение церемониалов персидского (1829), турецкого (1830) и японского (1862) посольств [15]. Составлен он был обер-гофмаршалом графом Андреем Петровичем Шуваловым по просьбе министра двора графа Владимира Фёдоровича Адлерберга 18 декабря 1862 г., т.е. почти через четыре месяца после отъезда японцев из Петербурга [15]. По всей видимости, записку планировалось использовать в качестве руководства при подготовке к будущим визитам зарубежных дипломатических представителей. В сравнительной записке проводится сопоставление высочайших аудиенций для японского и персидского посольств, разбитое на пункты по двум столбцам. Отмечалось, что приём турецкого посольства «был совершенно одинаков с персидским» [15], поэтому для него отдельного столбца заведено не было.

Высочайшая аудиенция для персидского посольства проходила 10 августа 1829 г., во времена царствования Николая I. Отдельный интерес представляет описание прохода церемонии по парадным залам Зимнего дворца, поскольку главная императорская резиденция выглядела тогда во многом иначе: в декабре 1837 г. произошел пожар, уничтоживший его прежние интерьеры. В Георгиевском тронном зале присутствовал управляющий МИДом вице-канцлер граф К. В. Нессельроде. Император передал ему врученную послом «шахову грамоту», в Нессельроде отвечал послу от имени царя. Ответ затем переводился на персидский язык [15].

Приём японского посольства состоялся тридцать три года спустя в обновленном дворце, гости были приглашены на аудиенцию к сыну Николая I, Александру II. В том же Тронном зале на приёме делегации, помимо других министров и высоких чиновников, находился следующий вице-канцлер – министр иностранных дел князь А. М. Горчаков. В записке указано, что Горчаков принял кредитивные грамоты от японского императора, причём они были прочитаны японским переводчиком на голландском языке и затем зачитаны чиновником Министерства иностранных дел на русском. Ответ

Александра II был прочитан на русском языке, потом переведен на голландский, а с него – на японский [15].

Разным был и статус посланников из стран Востока. Члены японского посольства 1862 г. были представителями бакуфу – правительства эпохи сёгуната Токугава. Приём же персидского посольства был встречей на более высоком уровне: его возглавлял «принц крови» – наследный принц Хосров-Мирза. Это обстоятельство не могло не отразиться на характере приёма гостей. Одна из основных особенностей заключалась в том, что Хосров-Мирза как принц крови не совершал, по всей видимости, предварительного визита к министру иностранных дел для «сообщения ему кредитивных грамот и испрошения аудиенции представления», что было принято по общеустановленному этикету для всех послов [15]. Визит принца состоялся с целью урегулирования отношений между державами после разгрома российского посольства в Тегеране в 1829 г., в котором были убиты все его сотрудники, в том числе – глава посольства дипломат и драматург Александр Сергеевич Грибоедов. (Впрочем, в сравнительной записке контекст встречи не получил отражения).

Организация приёма второго японского посольства в 1867 г. проходила с учётом опыта первого. Продуктивным был визит следующей миссии Ивакура (1873), которая представляла новое японское правительство Мэйдзи [11]. Японские гости остановились тогда в «Hotel de France», расположенном рядом со зданием МИД [30]. Вскоре была учреждена дипломатическая миссия Японии в России, а первым Чрезвычайным и Полномочным Послом стал Эномото Такэаки [27]. На Большой Морской улице, неподалеку от Исаакиевского собора, было арендовано здание для пребывания миссии. В дальнейшем визиты японских дипломатических лиц, военных и даже принцев в столицу Российского государства проходили достаточно часто. Установилась церемония ежегодных поздравлений с днем рождения японского императора: поздравления от лица российского императора передавались церемониймейстером через японского посланника [18].

Дипломатические отношения с империей Цин, будучи установленными ещё в правление Петра I, обрели регулярный характер только в середине XIX века. По словам военного министра времен Александра II Д. А. Милютин, традиционная политика России в отношении Китая заключалась в поддержании «дружественных отношений с этим сильным и долговечным соседом» [2]. В 1850х-1860х гг. в российско-китайских отношениях произошли важные и продуктивные изменения: в результате нескольких дипломатических акций было проведено территориальное размежевание между двумя империями, наладились торговые связи (Айгунский договор 1858 г., Тяньцзинский трактат 1858 г., Пекинский договор 1860 г.) [14].

Первый визит китайской делегации в Россию состоялся летом 1866 г. Возглавлял прибывшую миссию Бинь Чунь – чиновник 3-го класса, служащий Управления императорских морских таможен и начальник Департамента императорских стад в Министерстве двора [12]. Поскольку визит Бинь Чуня носил неофициальный и ознакомительный характер, чиновник не был принят императором. О готовящемся визите российскому правительству стало известно от Посланника и Полномочного Министра Российской империи в Китае Александра Георгиевича Влангали (1823-1908). Он сообщал эту информацию в донесении на имя министра А. М. Горчакова и в письме к директору Азиатского департамента П. Н. Стремоухову 1 марта 1866 г. [12] После поездки по странам Европы миссия Бинь Чуня пробыла в России всего пять дней.

В «Путевых записках» Бинь Чуня нашли отражение события визита в Петербург, такие, как приём 7 июля у «Господина Го» (князя Горчакова) в Министерстве иностранных дел. Российским чиновником, которому доверили сопровождение миссии Бинь Чуня, был Константин Адрианович Скачков (1821-1883) – служащий Азиатского департамента, дипломат, учёный и выдающийся синолог. Он выполнял обязанности переводчика делегации и показывал достопримечательности столицы. Первая китайская делегация посетила Эрмитаж, Зимний дворец, Петергоф и Красное село.

По результатам визита Скачков составил обстоятельный отчет для Министерства иностранных дел, из которого можно узнать любопытные подробности визита к министру иностранных дел и культурной программы для восточных гостей. На приёме у князя Горчакова глава китайской делегации отвечал на любые вопросы министра заранее подготовленными фразами, чем усложнял работу переводчиков. Желая произвести хорошее впечатление, китайский чиновник всё время подчеркивал длительность более чем столетней истории добрососедских отношений между двумя державами [12].

То же повторилось во время посещения Красного села, где гости наблюдали за военными манёврами [12]. В своём отчете Скачков приводит описание: «До окончания маневров его высочество великий князь Николай Николаевич <...> спросил Бинь Чуня, хорошо ли наше войско, а Бинь Чунь ответил, что Китайское государство более 100 слишком лет в дружбе с Россией. Затем его императорское высочество государь-наследник, подъезжая верхом к великому князю, приказал Скачкову, чтоб и к нему подошли китайцы. Бинь Чунь, услышав от Скаčkова, сколь высокое лицо желает его видеть, вполне растерялся и стал приближаться к государю-наследнику крайне тихо, необыкновенно робко переступая с ноги на ногу. Перед его высочеством он предстал бледный, как полотно, его ответы были едва слышны...»[12].

Основу своих знаний китайского языка К. А. Скачков заложил в годы пребывания в составе Русской духовной миссии в Пекине, куда его пригласили в 1849 г. для организации работы магнитно-метеорологической обсерватории. Русская духовная миссия в Пекине представляла собой настоящую кузницу кадров для отечественного востоковедения: именно из её среды вышли первые русские учёные-китаеведы, знатоки китайского, маньчжурского, тибетского и других восточных языков. С православной духовной миссией была связана деятельность таких выдающихся российских синологов как архимандриты Иакинф (Н. Я. Бичурин), Палладий (П. И. Кафаров), Пётр (П. И. Каменский) и другие. Основанная ещё при Петре I, духовная миссия выполняла

миссионерскую и вместе с этим дипломатическую функцию, а также функцию торгового и военного представительства, служила уникальным научным центром [28, с. 29]. Начальник 12-й миссии Архимандрит Поликарп (П. А. Тугаринов) в письме приставу миссии Н. И. Любимову называл служащих не иначе как мудрецами: «Когда изберутся члены новой Миссии, напишите, пожалуйста, мне их с ног до головы: кто они, что они, откуда взяты и до какой степени мудрецы. Что будут мудрецы, это бесспорно» [5].

Духовная миссия отправлялась в Китай в среднем каждые десять лет и состояла из порядка десяти человек, в её состав входили духовные лица и ученые, чиновники, художники. Светская часть миссии (4-6 человек) занималась изучением китайского, маньчжурского, тибетского и монгольского языков, а по возвращении причислялась к составу Азиатского департамента в качестве переводчиков-драгоманов. Духовная миссия утратила функцию дипломатического представительства и вышла из подчинения Азиатского департамента МИД в 1864 г., поскольку к этому времени уже начала свою работу постоянная дипломатическая миссия Российской империи в Пекине.

В 1870 г. в столицу Российской империи направилась официальная китайская делегация, получившая в историографии название «миссия Берлингейма». Её задачей было смягчение условий неравноправных договоров, заключенных со странами Европы в период «опиумных войн». Примечательно, что во главе миссии находился американец Ансон Берлингейм, служивший дипломатическим представителем США в Китае. Два Чрезвычайных Посланника и Полномочных Министра были подданными Цинской империи [20]. Ещё одна необычная черта миссии Берлингейма заключалась в том, что гости по собственной просьбе были представлены многим великим князьям, ближайшим родственникам императора.

Министр Горчаков указывал, что «Китайцев следует принять по церемониалу, который был установлен для последних Японского, Кокандского и Бухарского Посольств» [13]. В Экспедиции церемониальных

дел был составлен проект приемной аудиенции по примеру приёма последней на тот момент японской миссии, причём при его разработке служащие Экспедиции консультировались со служащими Азиатского департамента [13]. Разместили китайских посланников в Гостинице Клее (позже – «Европейская») на Михайловской улице. В Петербурге с Ансоном Берлинггеймом постоянно контактировал хорошо знавший его Александр Георгиевич Влангали [13]. Переводчиком от МИД был назначен молодой драгоман Александр Эпиктетович Оларовский [19], в будущем – первый посол Российской империи в Королевстве Сиам.

4 февраля 1870 г. «в час пополудни» состоялась Высочайшая аудиенция в Зимнем дворце [19], на которой по сложившейся традиции присутствовали служащие обоих ведомств, отвечавших за приём зарубежных гостей в столице, – МИД и МИДв. На прощальной аудиенции 4 апреля уже не суждено было присутствовать предводителю посольства Берлинггейму, скоропостижно скончавшемуся 10 февраля от горячки [19].

С конца 1870х гг. китайские дипломатические представители постоянно находились в Петербурге. Архивные документы свидетельствуют о том, что регулярными стали Высочайшие аудиенции в императорских дворцах с церемонией вручения кредитивных грамот – для вновь назначенных дипломатов из Китая и отзывных грамот – для покидающих столицу чиновников [21]. Китайских дипломатов сопровождали служащие МИДв [21], а в подготовке приёмов делегаций по-прежнему принимали участие учёные-китаеведы. К примеру, в деле обустройства миссии 1881 г. и показа достопримечательностей столицы были задействованы: профессор Санкт-Петербургского университета и драгоман Азиатского департамента Дмитрий Алексеевич Пещуров, академик Василий Павлович Васильев и Константин Андрианович Скачков [1].

Информация о приёме первых дипломатических миссий из Китая и Японии позволяет раскрыть специфику работы Экспедиции церемониальных дел МИДв Российской империи. В вопросах, касающихся встреч с

представителями малознакомых восточных культур, служащие Экспедиции тесно взаимодействовали с коллегами из Азиатского департамента МИД. Резюмируя приведённые примеры этой совместной работы, скажем, что знания и опыт отечественных дипломатов-востоковедов находили своё непосредственное применение в разработке проектов встреч, приёмов дипломатических миссий, их размещения в столице и проведения культурных программ. Служащие Экспедиции церемониальных дел, консультируясь со специалистами Азиатского департамента в области восточных языков и культур, вели свою исследовательскую работу, связанную с сохранением опыта и анализом церемониалов. Все эти действия вносили серьёзный вклад в укрепление отношений между Россией и её дальневосточными соседями, упрочение экономических и культурных связей, положительно сказываясь на частоте официальных контактов.

Список литературы

1. Воскресенский Д. Н. Запад глазами китайского дипломата // Восточная коллекция. 2003. № 3 (14). С. 37.
2. Воспоминания Д. А. Милютин. 1868 – начало 1873. М., 2006. С. 332.
3. Дары Востока и Запада Императорскому двору за 300 лет: каталог выставки. СПб., 2014. С. 254; Меньшикова М. Л. Дальневосточные дары царскому двору // Дары Востока и Запада Императорскому двору за 300 лет: каталог выставки. СПб., 2014. С. 53.
4. Из дневных записок В. А. Муханова // Русский архив. 1897. № 1. С. 69.
5. Ипатова А. С. Пекинские письма П. Тугаринова к Н. И. Любимову (40-е годы XIX в.) // «И не распалась связь времен...»: К 100-летию со дня рождения П.Е. Скачкова: Сб. статей. М., 1993. С. 176.
6. История Госпротокола // <https://dgp.mid.ru/stateprotocol/history.php>
7. Климов В. Ю. Первое японское посольство в России (1862 г.) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 13. Востоковедение и африканистика. 2010. Вып. 1. С. 5.
8. Климов В. Ю. Прием и размещение японского посольства 1862 г. в Санкт-Петербурге // Японоведческие исследования – 2010. Материалы Международной научной конференции (08–09 октября 2010 г., Санкт-Петербург). Ч. 1. 2010. С. 47 - 49.

9. Климов В. Ю. Церемониалы приема японского посольства 1862 г. и их проекты // Ежегодник Япония. 2013. Т. 42. С. 225.
10. Климов В. Ю. Церемониалы приема японского посольства 1862 г. и их проекты. С. 234.
11. Ковальчук М. К. Миссия Такэноути в Санкт-Петербурге в 1862 г. // Проблемы Дальнего Востока. 2017. № 3. С. 140.
12. Новгородская Н. Ю. Малоизвестный визит в Россию китайского дипломата // «И не распалась связь времен...»: К 100-летию со дня рождения П.Е. Скачкова: Сб. статей. М., 1993. С. 247-253.
13. Носков В. В. Китайские церемонии в Зимнем дворце (прием миссии Берлинггейма в 1870 г.) // Петербургский исторический журнал. 2015. № 3. С. 32.
14. Прокофьева Е. В., Нечепуренко В. В. Политика России на Дальнем Востоке во второй половине XIX в. // Вестник Таганрогского института имени А. П. Чехова. 2021. № 1. С. 275 -276.
15. РГИА. Ф. 469. Оп. 1. Д. 378. Л. 28-47.
16. РГИА. Ф. 469. Оп. 2. Д. 1129. Л. 10-16.
17. РГИА. Ф. 469. Оп. 2. Д. 635. Л. 10-11.
18. РГИА. Ф. 473 Оп. 2. Д. 1660.
19. РГИА. Ф. 473. Оп. 1 Д. 1349. Л. 7- 57.
20. РГИА. Ф. 473. Оп. 1. Д. 1349. Л. 2.
21. РГИА. Ф. 473. Оп. 1. Д. 2222. Л. 1-3.
22. РГИА. Ф. 473. Оп. 1. Д. 260. Л. 38-43.
23. РГИА. Ф. 474. Оп. 6. Д. 1202. Л. 8.
24. РГИА. Ф. 474. Оп. 6. Д. 1202. Л. 11.
25. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 473. Оп. 1. Д. 258; Ф. 473. Оп. 1. Д. 258. Д. 260.
26. Русский художественный листок. 1-го сентября 1862. № 25. С. 93-96;
27. Строева М. В. Россия и Япония: о визитах японских государственных деятелей в Россию в середине 70х – конце 80х годов XIX в. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 13. Востоковедение и африканистика. 2009. Вып. 1. С. 13.
28. Феклова Т. Ю. Под сенью Церкви: научная деятельность Русской духовной миссии в Китае в XIX в. // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2020. № 2 (5). С. 141;
29. Феклова Т. Ю., Чжан Цзючэнь. К истории изучения Китая в XIX веке: естественно-научный аспект сотрудничества Императорской Санкт-Петербургской Академии наук и Российской Православной миссии в Пекине // Учен. зап. Петрозавод. гос. ун-та. 2017. № 1 (162). С. 29.
30. Japan rising: The Iwakura embassy to the USA and Europe. Cambridge, 2009. P. 329.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

Оганесян Тигран Давидович

к.ю.н., доцент кафедры международного права
Дипломатической академии МИД России

Tigran D. Oganessian

Candidate of Sciences (Ph.D.) in Law, Associate Professor of the Department
of International Law, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of
Russia, Moscow, Russia
t.oganesian@mail.ru

ПРАВО НА НАДЕЖДУ В ЕВРОПЕЙСКОМ ПРАВЕ: ПРАВОВАЯ ПРИРОДА И СОДЕРЖАНИЕ THE RIGHT TO HOPE IN EUROPEAN LAW: LEGAL NATURE AND CONTENT

Аннотация. В последние годы в практике Европейского суда по правам человека появилось понятие «право на надежду». В данной статье рассматривается, как это право было сформировано и как надежда концептуализируется в европейском праве в области прав человека. В статье проводится анализ истоков «права на надежду», значение надежды в этом контексте и взаимосвязь между надеждой, достоинством и правом на признание. Особое внимание уделено конкретизации современных стандартов права на надежду, предусматривающих несколько обязательств в части установления гарантий эффективной реализации данного права. В заключении представлено авторское видение развития данного права и его трансформации из абстрактной идеи в набор конкретных гарантий и обязательств.

Ключевые слова: право на правду; ЕСПЧ; достоинство; заключенные; пожизненное лишение свободы; особое мнение.

Abstract. In recent years, the concept of the «right to hope» has emerged in the practice of the European Court of Human Rights. This article examines how this right was formed and how hope is conceptualized in European human rights law. The article analyzes the origins of the "right to hope", the meaning of hope in this context, and the relationship between hope, dignity, and the right to recognition. Special attention is paid to the specification of modern standards of the right to hope, which provide for several obligations in terms of establishing guarantees for the effective implementation of this right. In conclusion, the author's vision of the development of this right and its transformation from an abstract idea into a set of specific guarantees and obligations is presented.

Keywords: right to truth; ECtHR; dignity; prisoners; life imprisonment; dissenting opinion.

Концепция «права на надежду» (англ. *right to hope*, фр. *droit à l'espérance*) является одной из самых сложных и развивающихся в современном европейском праве. Данное право не закреплено в каком-либо отдельной международной норме, или внутригосударственном акте, а находит свое отражение и признание в первую очередь в прецедентной практике Европейского суда по правам человека (далее – ЕСПЧ), основанную на толковании статьи 3 Европейской конвенции о правах человека (далее – Конвенция). Суть права на надежду заключается в том, что каждый осужденный, даже отбывающий пожизненное заключение, должен иметь возможность ходатайствовать об условно-досрочном освобождении и реальную перспективу быть освобожденным, если он более не представляет опасности для общества. Это право не означает автоматического освобождения. Оно означает, что пенитенциарная система должна быть устроена таким образом, чтобы у осужденного была цель для реабилитации и стимул для исправления.

Истоки понятия права на надежду в европейском праве в области прав человека лежат в статье 3 Конвенции, которая содержит запрет бесчеловечного или унижающего достоинство обращение. Концепция надежды здесь тесно связана с понятиями исправления, и связи, которая устанавливается между надеждой и достоинством. Право на надежду также рассматривается как право на признание: право, которое отражает относительность концепции надежды и требует, чтобы индивид был признан субъектом, способным надеяться [10, р. 17-18]. Пожизненное заключение без права на условно-досрочное освобождение само по себе не является нарушением статьи 3 Конвенции. Несоответствие возникает тогда, когда отсутствует перспектива освобождения и эффективные процедуры пересмотра пожизненного лишения свободы.

Европейский комитет по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания (далее – ЕКПП) подготовил в 2007 году доклад, в котором отметил, что ни одна категория

заклученных не должна «клеймиться» и что ни один отказ в условно-досрочном освобождении не должен быть окончательным, и заключенные не должны быть лишены надежды на освобождение [1]. Уже в 2016 году ЕКПП в очередном докладе дополнил данную рекомендацию тезисом о том, что в нескольких государствах-членах Совета Европы лицо может быть приговорено к пожизненному заключению без какой-либо перспективы условно-досрочного освобождения, в связи с чем «пожизненное лишение свободы без какой-либо реальной перспективы освобождения является бесчеловечным» [2, § 73].

Что касается Комитета министров Совета Европы (далее – КМСЕ), то в рекомендации об условном освобождении также подчеркивается, что условное освобождение должно быть доступно всем заключенным и что заключенные, приговоренные к пожизненному заключению, не должны быть лишены надежды на освобождение [3, § 4].

Если рассматривать опыт государств-членов Совета Европы, то одним из первых право на надежду признал Федеральный конституционный суд (далее – ФКС) Германии в деле о пожизненном лишении свободы (*lebenslange Freiheitsstrafe*) от 21 июня 1977 года, в котором рассматривался вопрос о совместимости пожизненного лишения свободы с положением о человеческом достоинстве Основного закона ФРГ. ФКС пришел к выводу о том, что уголовно-исполнительная система обязана стремиться к реабилитации пожизненно осужденного заключенного, и что реабилитация является конституционно необходимой в любом сообществе, которое ставит человеческое достоинство в центр своего внимания [4].

Относительно недавнее появление «права на надежду» в практике Страсбургского суда привлекло заметное внимание в европейской системе прав человека. ЕСПЧ неоднократно отмечал, что «назначение несократимого пожизненного заключения взрослому человеку может поднять вопрос по статье 3 Конвенции» (запрет пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания) [7, § 97] и что основополагающим

вопросом в этом отношении будет вопрос о возможной перспективе освобождения лиц, пожизненно отбывающих наказание. Итогом рассмотрения данных категорий дел стало сформулированное мнение Суда о том, что в контексте статьи 3 Конвенции пожизненное лишение свободы должно быть сократимым *de jure* и *de facto*: оно должно включать перспективу освобождения и возможность пересмотра приговора «с целью его смягчения, сокращения, прекращения или условно досрочного освобождения заключенного» [7, § 98].

Наиболее детально основа права на надежду была разработана в знаковом деле *Vinter and Others v. UK (2013)*, которое касалось совместимости пожизненных приговоров, вынесенных в отношении заявителей со статьей 3 Конвенции. Большая палата ЕСПЧ пояснила, что существуют четыре основные причины, по которым должны быть «как перспектива освобождения, так и возможность пересмотра» приговора для того, чтобы пожизненное лишение свободы было совместимым со статьей 3 Конвенции [9, § 110]. Во-первых, соответствующее лишение свободы должно подкрепляться «законными пенилогическими основаниями» (§ 110). Во-вторых, без какой-либо возможности освобождения или пересмотра пожизненного лишения свободы «существует риск того, что заключенный никогда не сможет искупить свою вину», поскольку «что бы заключенный ни делал в тюрьме, каким бы исключительным ни был его прогресс в исправлении, его наказание остается фиксированным и не подлежащим пересмотру» (§ 112). В-третьих, в качестве примера в постановлении содержится ссылка на позиции ФКС Германии о том, что несократимые пожизненные приговоры несовместимы с человеческим достоинством (§ 113). В-четвертых, Суд отметил, что поскольку современная европейская уголовная политика делает акцент на исправлении осужденного, несократимость срока пожизненного лишения свободы в этой связи выглядит несовместимым (§ 115).

По этим причинам, Страсбургский Суд пришел к выводу, что целесообразность каждого пожизненного лишения свободы должно быть в

будущем пересмотрено, учитывая изменения в жизни заключенного и его прогресс в части исправления и реабилитации, на предмет оправданности отбывания дальнейшего наказания. (§ 119). Более того, в сознании заключенного не должно быть никакой неопределенности относительно всего этого: заключенный «имеет право знать, в начале своего срока, что он должен сделать, чтобы его могли освободить, и на каких условиях, включая то, когда будет иметь место пересмотр его приговора» (§ 122). Что касается исправления осужденного, Суд выразил мнение, что в случае «фиксированного и не подлежащего пересмотру» пожизненного лишения свободы «наказание становится тяжелее со временем: чем дольше живет заключенный, тем дольше его срок» (§ 112). Именно важность оценки исправления осужденного судья Энн Пауэр-Форд затем выдвинула и развила в своем собственном анализе, где она переформулировала его как «надежду». «Право на надежду», было подтверждено несколько лет спустя в другом деле, касающемся аналогичного вопроса в деле *Matiošaitis and Others v Lithuania* (2017).

В особом мнении ирландского судьи Энн Пауэр-Форд звучит призыв к признанию права на надежду в качестве «основополагающего аспекта человеческой личности»: «Те, кто совершают самые отвратительные и вопиющие деяния, и кто причиняет невыразимые страдания другим, тем не менее сохраняют свою фундаментальную человечность и несут в себе способность меняться. Какими бы долгими и заслуженными ни были их тюремные сроки, они сохраняют право надеяться, что когда-нибудь они, возможно, искупят те ошибки, которые они совершили. Их не следует полностью лишать такой надежды. Лишать их возможности испытать надежду означало бы отрицать фундаментальный аспект их человечности, и делать это было бы унижительно» [9].

Механизм пересмотра также должен учитывать прогресс в направлении реабилитации, как подчеркнул Суд в деле *Murray v. the Netherlands* ([GC], № [10511/10](#), § 100, ECHR 2016), и оценки какого-либо прогресса

заклученного в «работе над своим исправлением» [8, § 10]. Что касается последнего, заявители в деле *Matiošaitis and Others v Lithuania* поднимали именно данный вопрос: лицо, отбывающее пожизненное лишение свободы, имеет право знать в начале своего срока, что он должен сделать, чтобы его кандидатура была рассмотрена на предмет досрочного освобождения. В ответ на это, государство-ответчик «не предоставило никаких указаний на то, что... для каждого заявителя был составлен план реабилитации, который бы обеспечивал необходимое руководство для значимого исправления» и что в отсутствие какого-либо плана исправления, «заклученные оставались в состоянии полной неопределенности и отчаяния» (см. пункт 131 решения). В деле *Matiošaitis and Others v Lithuania* ЕСПЧ отметил: «...считается, что даже те, кто совершает самые отвратительные и вопиющие поступки, тем не менее сохраняют присущую им человечность и несут в себе способность меняться. Несмотря на то, что они были приговорены к длительному и заслуженному тюремному заключению, они сохраняют право надеяться, что когда-нибудь они, возможно, искупят совершенные ими преступления. Их не следует полностью лишать такой надежды. Отказать им в переживании надежды означало бы отрицать фундаментальный аспект их человечности, а это было бы унижительно» (§ 180).

Примечательно, что в качестве общих мер литовские власти по данному делу внесли изменения в соответствующее законодательство с сентября 2015 года осужденные к пожизненному лишению свободы включены в ту же систему реабилитации и социализации, что и все остальные заключенные, в рамках подготовки к возможному условно-досрочному освобождению. Для каждого заключенного разрабатывается индивидуальный план реабилитации, включающий возможности участия в культурных, спортивных, религиозных, образовательных и трудовых программах, разработанный с учетом его индивидуальной ситуации. Внедрение этого механизма пересмотра также позволяет пожизненно заключенным с самого начала отбывания наказания четко знать, что им необходимо сделать для рассмотрения их кандидатуры на

освобождение и при каких условиях, включая случаи, когда можно ходатайствовать о пересмотре приговора [5].

Значение данного постановления заключается в том, что оно предъявляет конкретное требование: надеяться в установленном порядке. Как указывает Сара Троттер это «значит быть хорошим заключенным» и «на заключенного возлагается тяжелая обязанность продемонстрировать изменение своей личности, которое настолько глубоко, что он больше не заслуживает наказания, независимо от отвратительности его преступления» [10, p. 18]. Таким образом, пожизненное лишение свободы, по мнению ЕСПЧ, должно включать в себя перспективу освобождения и возможность пересмотра приговора. Данный принцип перспективы освобождения основан на идее права человека на надежду.

Одними из наиболее важных дел на эту тему являются *Kafkaris v. Cyprus*, в котором заявитель утверждал, что вынесенный ему приговор в виде пожизненного лишения свободы «превысил разумные и приемлемые стандарты продолжительности срока содержания под стражей в качестве наказания, предусмотренного Конвенцией» (§ 78). Несмотря на тот факт, что ЕСПЧ в конечном итоге не установил нарушения статьи 3 Конвенции из-за наличия в кипрском законодательстве процедуры помилования со стороны президента, пятеро страсбургских судей по этому делу (судьи Тулькенс, Кабрал Баррето, Фура-Сандстрём, Шпильман и Йебенс) выразили свое особое мнение. Они отметили, что «любая перспектива освобождения заключенного, отбывающего пожизненное лишение свободы, зависит от Президента Республики, который имеет дискреционные полномочия, при условии согласия Генерального прокурора, смягчать, заменять или приостанавливать наказание (статья 53 § 4 Конституции)» (§ 2). Группа судей также заметила, что можно перспектива освобождения «должна существовать де-факто в конкретных условиях, особенно для того, чтобы не усугублять неопределенность и страдания, присущие пожизненному заключению» (§ 2). Кроме того, «отсутствие справедливой, последовательной и прозрачной

процедуры усугубляет страдания», которые присущи пожизненному заключению и «которые в случае заявителя еще больше усугубились неопределенностью, окружающей практикой, связанной с пожизненным заключением в то время» (§ 3). Судьи также не оставили без внимания вопросы, связанные с реинтеграцией правонарушителей как потенциальной цели тюремного заключения, сославшись на несколько рекомендаций Комитета министров и Комиссара Совета Европы по правам человека относительно условно-досрочного освобождения и потенциального возвращения в общество. Данное особое мнение является одним из важных шагов на пути к переосмыслению пожизненного лишения свободы в контексте права на надежду.

Сара Троттер, выделяет две специфические особенности концепции надежды, сформулированные в европейской практике. Первая особенность — это связь, которая проводится между надеждой и исправлением осужденного. Вторая примечательная черта рассматриваемой концепции надежды заключается в идее о том, что лишение человека возможности испытать надежду означало бы лишение его «фундаментального аспекта его человечности», что было бы унижительно с точки зрения статьи 3 Конвенции [10, p. 6]. Надежда здесь тесно связана с достоинством личности, поскольку «надежда рассматривается как носитель видения будущего, которое подкрепляет чувство непрерывности, которое необходимо для формирования и поддержания образа себя вообще» [10, p. 21].

Константин Дегтярев и Филиппо Фонтанелли более широко оценили последствия данных обновленных стандартов для лиц, отбывающих пожизненное лишение свободы. По их мнению, «понятие права на надежду подразумевает право *всех* заключенных на получение выгоды от программ реабилитации и, в частности, на долгосрочные свидания с семьей» [6, p. 164]. Далее они утверждают, что «право на надежду принадлежит не только заключенному, но и любому другому, кто заботится о нем или о ней» [6, p. 170].

Таким образом, на сегодняшний день для государств-членов Совета Европы стандарты права на надежду предусматривают несколько обязательств в части установления гарантий эффективной реализации данного права:

- предусмотреть в законодательстве механизм условно-досрочного освобождения для всех категорий заключенных, включая отбывающих пожизненное заключение;

- установить ясные и прозрачные критерии для такого освобождения (например, минимальный срок отбытия, поведение, участие в реабилитационных программах, оценка риска рецидива);

- обеспечить реальный доступ к реабилитации в тюрьмах. Если у заключенного нет возможности доказать, что он исправился, то сама идея пересмотра приговора теряет смысл;

- проводить регулярный пересмотр приговоров независимым органом (например, судом или комиссией по условно-досрочному освобождению).

Основываясь на текущей судебной практике и социальных трендах, можно выделить несколько ключевых векторов вероятного развития права на надежду в европейском праве.

В настоящее время право на надежду применяется в основном в отношении лиц, отбывающих пожизненное лишение свободы. Существует вероятность, что в будущем ЕСПЧ распространит данное право и на другие категории, расширив его субъектные критерии. Например, право на надежду может быть применено в отношении заключенных, на длительные сроки: Суд уже начал рассматривать дела, где формальный срок не пожизненный, но из-за возраста и состояния здоровья заключенного он фактически является таковым. ЕСПЧ будет все строже оценивать, является ли любой длительный срок «фактически пожизненным» и подпадает ли он под те же гарантии. Заключенные с тяжелыми психическими заболеваниями также могут стать претендентами права на надежду: ЕСПЧ может развить доктрину, что содержание в тюрьме лица, чье психическое состояние не улучшается и не

поддается реабилитации в условиях изоляции, может превращаться в бесчеловечное обращение.

Одной из тенденция является также то, что ЕСПЧ смещает фокус с простого наличия процедуры рассмотрения ходатайства об условно-досрочном освобождении на качество и практическую эффективность данных процедур. В этом случае государства-члены Совета Европы должны будут внедрять программы, обеспечивающие реальный доступ к реабилитации: если в тюрьмах нет программ психологической помощи, образования, профессиональной подготовки. ЕСПЧ будет все чаще проверять, предоставлялись ли заключенному эти возможности, и может начать трактовать отсутствие доступа к реабилитации как нарушение статьи 3 Конвенции. Кроме того, ЕСПЧ продолжит уточнять критерии условно-досрочного освобождения: Суд будет требовать от государств, чтобы заключенный с самого начала понимал, что именно он должен сделать, чтобы претендовать на условно-досрочное освобождение. Также может учитываться психологический аспект: в будущем Суд может активнее привлекать экспертов-психологов для оценки воздействия «безнадежного» заключения на психику осужденного.

ЕСПЧ может начать критиковать системы, где решение об освобождении зависит исключительно от исполнительной власти, без участия судебского органа. Не стоит также недооценивать перспективы внедрения искусственного интеллекта при совершенствовании механизма оценки степени исправления и реабилитации осужденного. Существуют также риски, что право на надежду будет применяться в отношении лиц, подлежащих экстрадиции в страны, где им грозит пожизненное лишение свободы без перспективы и эффективного механизма условно-досрочного освобождения.

Одним из ключевых проблем остается вопрос о балансе между правом осужденного на надежду и правом жертв на справедливость. Право на надежду получит свое дальнейшее развитие и будет еще более углублено и детализировано в практике европейских государств. ЕСПЧ продолжит

движение по пути «субстанциализации» — превращения данного права из абстрактной идеи в набор конкретных гарантий и обязательств. Это превратит «право на надежду» в инструмент для реформы пенитенциарных систем в сторону большей гуманности и ориентации на ресоциализацию.

Список литературы

1. 17-й общий отчет о деятельности ЕКПП (2006-2007)/ «Фактические/реальные пожизненные приговоры» от 27 июня 2007. Меморандум [СРТ(2007)55]. Европейский комитет против пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания. URL: <https://rm.coe.int/1680696a84> (дата обращения: 07.10.2025).
2. 25-й общий отчет о деятельности ЕКПП (2015 г.) (включает раздел о положении заключенных, приговоренных к пожизненному заключению). URL: <https://rm.coe.int/CoERMPublicCommonSearchServices/DisplayDCTMContent?documentId=0900001680696a9d> (дата обращения: 07.10.2025).
3. Рекомендация Рес (2003) 22 Комитета министров Совета Европы «Об условно-досрочном освобождении». URL: <https://rm.coe.int/16806f411b> (дата обращения: 07.10.2025).
4. Федеральный конституционный суд ФРГ. Дело о пожизненном лишении свободы (*lebenslange Freiheitsstrafe*). Решение от 21 июня 1977 года. 45 BVerfGE 187. URL: <https://dejure.org/dienste/vernetzung/rechtsprechung?Gericht=BVerfG&Datum=21.06.1977&Aktenzeichen=1%20BvL%2014%2F76> (дата обращения: 07.10.2025).
5. CMCE. Matiošaitis and Others v. Lithuania. CM/Notes/1348/H46-15. Supervision of the execution of the European Court's judgments. 1348th meeting, 4-6 June 2019 (DH). <https://rm.coe.int/0900001680946e3e> (дата обращения: 07.10.2025).
6. Dzehtsiarou K., Fontanelli F. Family Visits and the Right to Hope: Vinter is Coming (Back) // *European Human Rights Law Review*. 2015. Vol. 2. 163-173 pp.
7. ECtHR. *Kafkaris v Cyprus*. Application No 21906/04, Merits and Just Satisfaction, 12 February 2008.
8. ECtHR. *Matiošaitis and Others v Lithuania*. Applications Nos 22662/13 et al., Merits and Just Satisfaction, 23 May 2017.
9. ECtHR. *Vinter and Others v UK*. Applications Nos 66069/09 et al., Merits and Just Satisfaction, 9 July 2013.
10. Trotter S. Hope's Relations: A Theory of the 'Right to Hope' in European Human Rights Law // *Human Rights Law Review*. 2022. Volume 22, Issue 2. 1-21 pp.

Алиев Шамиль Муртузович

Ассистент кафедры международного права МГУ имени М.В.
Ломоносова, кандидат юридических наук
alievsm@mail.ru

Aliev Shamil Murtuzovich

Assistant of the department of international law of Lomonosov Moscow
State University, Ph. D. in Law
alievsm@mail.ru

**«КУРИЛЬСКИЙ ВОПРОС» КАК ПОПЫТКА ПЕРЕСМОТРА
ИТОГОВ
ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ
АСПЕКТ**

**KURIL ISLANDS QUESTION AS AN ATTEMPT TO REVISE THE
RESULTS
OF WORLD WAR II: THE INTERNATIONAL LAW ASPECT**

Аннотация. В рамках настоящей статьи автор предлагает в очередной раз рассмотреть проблему принадлежности Курильских островов как одного из факторов, способствующих разжиганию идей о пересмотре итогов Второй мировой войны и необходимости заключения мирного договора с Японией с целью передачи части островов. Данная проблема получила достаточное освещение как в СМИ, так и в научно-популярной и специализированной литературе. Нам же хотелось бы остановиться на изучении проблемы с точки зрения соответствия действующему международному праву. В связи с этим, акцент сделан в пользу основных международно-правовых актов, затрагивающих рассматриваемую проблематику.

Ключевые слова: Курильские острова, Каирская декларация 1943 г., Сан-Францисский мирный договор, Советско-Японская декларация 1956 г.

Abstract. In this article, the author proposes to once again examine the issue of the Kuril Islands ownership as one of the factors fueling the idea of revising the results of World War II and the need for a peace treaty with Japan to cede some of the islands. This issue has received ample coverage in both the media and in popular and specialized literature. We would like to examine this issue from the perspective of its compliance with current international law. Therefore, the emphasis is on the key international law instruments that address the issue under consideration.

Keywords: Kuril Islands, Cairo Declaration of 1943, Treaty of Peace with Japan, signed at San Francisco, Soviet-Japanese Declaration of 1956.

Введение. Япония является важным и одним из ключевых соседей и партнеров Российской Федерации на Азиатско-Тихоокеанском регионе, и в долгосрочной перспективе представляется логичным и целесообразным

способствовать укреплению всестороннего взаимодействия в политической, торгово-экономической, научно-технической, гуманитарной и других практических областях.

Как указывает в одном из разделов внешнеполитического досье МИД России, отправной точкой современных российско-японских связей можно считать дату 27 января 1992 г., когда Япония официально признала Россию в качестве государства-продолжателя СССР [5]. Базируются же такие связи на совместной Советско-Японской декларации от 19 октября 1956 г., которая прекратила состояние войны и восстановила нормальные дипломатические отношения между двумя странами. Тем не менее, она предусматривает продолжение переговоров о заключении мирного договора, который до сих пор не подписан ввиду необоснованных территориальных претензий Японии на южные Курильские острова (речь идет об островах Итуруп, Кунашир, Хабомаи и Шикотан). Однако, политика «недружественных» действий Японии по отношению к России, выразившаяся в присоединении к антироссийской санкционной линии Запада из-за ситуации на Украине, свела к нулю очередные попытки переговоров по решению территориального вопроса.

Поскольку мирный договор с Японией не заключен, территориальный вопрос и по сегодняшний день продолжает быть актуальным, так как его разрешение привязано не к окончанию состояния войны, а именно к заключению мирного договора. Это обстоятельство вот уже на протяжении без малого 70 лет дает повод различным спекулянтам от политики выставлять претензии в адрес российской стороны относительно правомерности нахождения южных Курильских островов в составе России. На наш взгляд, такие высказывания не соответствуют действующим нормам международного права и должны расцениваться как очередное посягательство на пересмотр итогов Второй Мировой войны по следующим соображениям.

При упоминании о ситуации с мирным договором и двусторонней декларацией и юридическим завершением состояния войны необходимо

обратить внимание на то, наиболее действенной формой прекращения состояния войны является мирный договор, позволяющий разрешить многие вопросы послевоенного урегулирования. Вместе с тем, практика Второй Мировой войны привнесла, помимо мирного договора и другие формы юридического завершения состояния войны между враждующими странами

Одна из таких форм прекращения состояния войны заключается в издании совместной двусторонней декларации, являющейся результатом волеизъявления сторон. Но далеко не всякое согласованное прекращение состояния войны означает, что весь комплекс вопросов мирного урегулирования на основе переговоров решается полностью. Ярчайшим свидетельством этому выступает Совместная декларация СССР и Японии от 19 октября 1956 г. (далее – Декларация) [6, ст.525].

Далее мы рассмотрим **основания передачи южных Курильских островов в состав СССР.**

Начиная с Каирской декларации 1943 г., а затем Крымской (Ялтинской) и Берлинской конференций союзных держав была достигнута договоренность, что часть территории Германии и Японии после завершения войны будет отторгнута в пользу СССР, сюда же относились и Курильские острова. Так, Соглашением руководителей СССР, США и Великобритании по итогам Крымской (Ялтинской) конференции от 11 февраля 1945 года в числе обязательных условий, при выполнении которых «Советский Союз вступит в войну против Японии на стороне Союзников» закреплены восстановление «принадлежащих России прав, нарушенных вероломным нападением Японии в 1904 г.» [7, с.112], а именно возвращение «Советскому Союзу южной части о. Сахалин и всех прилегающих к ней островов» (подп. «а» п. 2 Соглашения), а также передача «Советскому Союзу Курильских островов» (п.3 Соглашения). Кроме того, «Главы Правительств трех Великих Держав согласились в том, что эти претензии Советского Союза должны быть безусловно удовлетворены после победы над Японией».

8 сентября 1951 г. в г. Сан-Франциско был подписан мирный договор между Союзными державами и Японией. Статья 1 договора закрепляет, что «состояние войны между Японией и каждой из Союзных Держав прекращается с момента вступления в силу настоящего Договора между Японией и соответствующей Союзной Державой» («The state of war between Japan and each of the Allied Powers is terminated as from the date on which the present Treaty comes into force between Japan and the Allied Power») [11, p.45-164]. Договор регулирует территориальные вопросы, политические и экономические отношения, а также проблемы, связанные с собственностью.

СССР не подписал Сан-Францисский мирный договор по причине того, что на конференцию по принятию мирного договора не были приглашены представители Китайской Народной Республики, без участия которой, согласно заявлению первого заместителя Министра иностранных дел СССР А.А. Громыко на пресс-конференции в Сан-Франциско, «не может быть подлинного мирного урегулирования на Дальнем Востоке». Затрагивая территориальный вопрос, А. А. Громыко справедливо заметил, что текст договора грубо нарушает «бесспорные права Китая на Тайвань (Формоза), Пескадорские, Парасельские и другие острова, являющиеся исконной территорией Китая, отторгнутой от него в результате японской агрессии» вопреки принятым США и Англией по Ялтинскому соглашению обязательствам в отношении данных территорий. В соответствии с пунктом «б» ст. 2 Сан-Францисского мирного договора, Япония «отказывается от всех правоприязаний на Формозу и Пескадорские острова» («Japan renounces all right, title and claim to Formosa and the Pescadores») [1, с.115]. Содержание нормы не позволяет установить, в отношении какой страны Япония признает суверенитет этих островов. Аналогичная ситуация наблюдается и в вопросе о суверенитете Южного Сахалина и Курильских островов, поскольку Мирный договор обходит молчанием вопрос о том, что Япония «должна признать суверенитет Советского Союза над Южным Сахалином и Курильскими островами». Вместо этого в текст договора (п. «с» ст. 2) была включена норма,

закрепляющая отказ Японии от претензий «на Курильские острова и ту часть острова Сахалин и прилегающих к нему островов, в отношении которых суверенитет Японии был установлен Портсмутским мирным договором от 5 сентября 1905 года» («Japan renounces all right, title and claim to the Kurile Islands, and to that portion of Sakhalin and the islands adjacent to it over which Japan acquired sovereignty as a consequence of the Treaty of Portsmouth of 5 September 1905»).

Вызванный перечисленными выше обстоятельствами отказ СССР от подписания договора дал повод Японии и ряду других стран заявить о нераспространении положений Сан-Францисского мирного договора на Советский Союз, в том числе и по территориальному вопросу. Тем не менее, указанные возражения вызывают обоснованные сомнения в правомерности подобных притязаний на том основании, что положения Сан-Францисского мирного договора исключают иное толкование, кроме как таковое, что возложенные мирным договором на Японию обязательства не зависят от участия или неучастия в нем третьих государств.

Проблемы конституционно-правового статуса южных Курильских островов в составе СССР/РСФСР. Дабы подчеркнуть всю неоднозначность вопроса принадлежности упомянутых нами островов, представляется целесообразным вкратце рассмотреть вопрос пребывания этих территорий в составе СССР до подписания Декларации 1956 г.

Как известно, решения Крымской конференции по Японии вступили в действие 2 сентября 1945 г., с даты подписания Акта о безоговорочной капитуляции Японии. Эту дату можно считать как дату перехода указанных территорий под юрисдикцию СССР.

Тем не менее, в законодательном порядке земли южной части Острова Сахалин и Курильских островов были объявлены государственной собственностью лишь с принятием Указа Президиума Верховного Совета СССР от 2 февраля 1946 г., который, правда, придал действиям обратную силу и распространял свои положения по состоянию на 20 сентября 1945 г [8, №5].

В этот же день вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР об образовании Южно-Сахалинской области с центром в г. Тойохара (ныне – Южно-Сахалинск) с включением ее в состав Хабаровского края РСФСР [9, № 5]. 2 января 1947 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР Южно-Сахалинская область была ликвидирована, а территория ее вошла в состав Сахалинской области РСФСР [10, № 2].

По результатам проведенного анализа перечисленных выше актов Президиума Верховного Совета СССР приходится констатировать, что они были приняты не без нарушений действовавшего в рассматриваемый период конституционного законодательства по следующим причинам.

В ст.18 Конституции СССР 1936 г. была закреплена норма, согласно которой территория союзных республик не может быть изменена без согласия союзных республик [3]. Такая согласительная норма присутствовала и в конституциях союзных республик. В частности, Конституция РСФСР 1937 г. в ст.16 устанавливала, что территория РСФСР не может быть изменяема без согласия РСФСР [4].

Совокупное толкование ст. 16, подпунктов «в»-«д» ст.19 (представление на утверждение Верховного Совета СССР образования новых краев и областей, а также новых автономных республик и областей в составе РСФСР; утверждение границ и районного деления автономных советских социалистических республик и автономных областей; установление границ и районного деления краев и областей) и ст.23 Конституции РСФСР 1937 г. (Верховный Совет РСФСР осуществляет все права, присвоенные РСФСР согласно статей 13 и 19 Конституции РСФСР, поскольку они не входят, в силу Конституции, в компетенцию подотчетных Верховному Совету РСФСР органов РСФСР: Президиума Верховного Совета РСФСР, Совета Народных Комиссаров РСФСР и народных комиссариатов РСФСР) показывает, что правом принятия решений об изменении территории республики наделялся только Верховный совет РСФСР.

Что касается в этом случае компетенции союзных органов, то, согласно пункту «д» ст.14 Конституции СССР 1936 г. только Верховный совет СССР наделялся правом утверждать решение Верховных Советов союзных республик по территориальным вопросам.

Таким образом, в случае распространения юрисдикции СССР на новые территории должен был быть принят Закон СССР о включении приобретенной территории в состав конкретной союзной республики с обязательным предварительным согласием Верховного Совета союзной республики.

Следовательно, Президиум Верховного Совета СССР, а также Президиумы Верховных Советов союзных республик не были наделены конституционными полномочиями по решению территориальных вопросов. И, как следствие этого, упомянутые выше акты Президиума Верховного СССР относительно принадлежности территорий южной части Сахалина и Курильских островов, ввиду отсутствия у последних полномочий, являлись юридически ничтожными и не порождали правовых последствий [2. с. 46-56].

Детальный анализ положений советского конституционного законодательства в области определения статуса территорий еще ждет своего взыскательного исследователя и в рамках настоящей статьи не требует дополнительного изложения. Между тем, даже оперативное рассмотрение указанного вопроса наглядно демонстрирует сложность решения территориальных проблем не только с позиции норм международного права, но и элементарного соблюдения норм внутреннего права особо важного значения.

Совместная Советско-Японская декларация 1956 г. Декларация была подписана 19 октября 1956 г., ратифицирована обеими сторонами 8 декабря 1956 г. и вступила в день обмена ратификационными грамотами (согласно условию о вступлении в силу, предусмотренном ст.10 Декларации) – 12 декабря 1956 г.

В соответствии со ст.1 Декларации «состояние войны между Союзом Советских Социалистических Республик и Японией прекращается со дня вступления в силу настоящей Декларации, и между ними восстанавливаются мир и добрососедские дружественные отношения».

Следовательно, датой юридического завершения состояния войны СССР с Японией надлежит рассматривать 12 декабря 1956 г. – дату вступления Декларации в силу. Любые заявления о том, что для завершения состояния войны между Россией и Японией необходим мирный договор и в отсутствие одного оба государства все еще продолжают пребывать в состоянии войны, представляются юридически несостоятельными.

Стороны восстанавливали дипломатические и консульские отношения (ст.2 Декларации), подтвердили приверженность принципам международного права, закрепленным в статье 2 Устава ООН (ст.3 Декларации), СССР взял на себя обязательство поддержать просьбу Японии о приеме в члены ООН (ст.4 Декларации).

Кроме того, ст.5 и 6 Декларации содержали обязательства сторон по двум наиболее характерным для любого мирного договора вопросам: требования по репарациям и репатриация военнопленных. Так, исходя из положений статьи 5 Декларации, с 12 декабря 1956 г. («со вступлением в силу настоящей Совместной Декларации») освобождению и репатриации подлежали все «осужденные в Союзе Советских Социалистических Республик» японские граждане. В отношении японцев, чья судьба неизвестна, СССР по просьбе Японии «будет продолжать выяснять их судьбу».

СССР отказывался от «всех репарационных претензий к Японии». Стороны взаимно отказывались от «всех претензий соответственно со стороны своего государства, его организаций и граждан к другому государству, его организациям и гражданам, возникших в результате войны с 9 августа 1945 года» (ст.6 Декларации).

Декларацией предусматривалось, что в короткие сроки между СССР и Японией начнутся переговоры о заключении договоров или соглашений по

вопросам торговли и торгового мореплавания (ст.7 Декларации). Одновременно с Декларацией вступят в силу конвенция о рыболовстве в открытом море в Северо-Западной части Тихого океана и соглашение о спасении людей, терпящих бедствие на море, от 14 мая 1956 года (ст.8 Декларации). Статья 10 Декларации устанавливала порядок ее вступления в силу.

Таким образом, Декларация регламентировала практически весь комплекс вопросов послевоенного урегулирования, который ранее враждовавшие друг с другом стороны решали посредством заключения мирного договора.

Но настоящим камнем преткновения, позволяющим и далее «вбивать клин» в окончательное решение «Курильского вопроса», явилась ст.9 Декларации, закрепившая, по сути, политико-правовую договоренность о решении территориального вопроса и заключения мирного договора. Для целей настоящей статьи целесообразно привести ниже полный текст:

«Союз Советских Социалистических Республик и Япония согласились на продолжение после восстановления нормальных дипломатических отношений между Союзом Советских Социалистических Республик и Японией переговоров о заключении Мирного Договора.

При этом Союз Советских Социалистических Республик, идя навстречу пожеланиям Японии и учитывая интересы японского государства, соглашается на передачу Японии островов Хабомаи и острова Сикотан с тем, однако, что фактическая передача этих островов Японии будет произведена после заключения Мирного Договора между Союзом Советских Социалистических Республик и Японией».

Беглый анализ изложенных выше положений ст.9 Декларации наводит на мысли о том, что авторы Декларации действительно шли «навстречу пожеланиям Японии» и учитывали интересы японского государства, в спешном порядке подготовив внутренне противоречивый текст Декларации.

Иначе как правовой небрежностью вряд ли можно считать постановку вопроса о заключении мирного договора - международно-правового акта официального завершения состояния войны. Ибо стороны уже в ст.1 Декларации установили, что состояние войны между ними прекращено. Соответственно, одного этого условия достаточно для того, чтобы исключить необходимость проведения переговоров о его заключении. Заключение мирного договора в рассматриваемой статье привязано, по существу, только к одному вопросу – вопросу передачи лишь двух островов, что также представляется странным ввиду отсутствия на практике мирных договоров, которые бы рассматривали только территориальные аспекты.

Тем не менее, СССР (а в настоящее время Российская Федерация как государство-продолжатель СССР) в соответствии с абзацем вторым ст. 9 Декларации взял на себя международно-правовое обязательство заключить мирный договор с Японией и передать ей два острова (а не все южные Курильские острова). Компетентные органы государственной власти Российской Федерации не отрицают указанного обязательства, что подтверждается деятельностью МИД России в рамках развития двусторонних российско-японских отношений.

Так, по данным официального сайта МИД России, в русле достигнутой в ноябре 2018 г. в Сингапуре договоренности на высшем уровне об ускорении переговоров по проблеме мирного договора на основе Совместной декларации СССР и Японии 1956 г. состоялись три встречи на уровне глав МИД двух стран (Москва, 14 января и 10 мая 2019 г.; Мюнхен, 16 февраля 2019 г.). 21 марта 2019 г. в Москве предметную дискуссию по данному вопросу провели заместители министров иностранных дел России и Японии. Российская сторона твердо придерживается позиции, что продвижение в данном вопросе возможно лишь при условии признания японской стороной в полном объеме итогов Второй Мировой войны, закрепленных в том числе в ст. 107 Устава ООН, и учета наших принципиальных подходов в военно-политической сфере [5].

Если японская сторона продолжает настаивать на незаконной оккупации ее спорной территории, то ничто не препятствовало и не препятствует ей прекратить действие Декларации в соответствии с действующими нормами международного права. Между тем, мы не располагаем подтверждениями о наличии поступивших в установленном порядке от японской стороны официальных заявлений

Вывод. Резюмируя сказанное выше, отметим, что южные Курильские острова перешли к СССР (России как государству-продолжателю СССР) в соответствии с нормами международного права, закрепленными послевоенными договоренностями союзных держав и Уставом ООН.

Проанализированная выше Декларация выносит за рамки согласованного прекращения состояния войны решение территориального вопроса, изложенного в ст. 9 Декларации. В данном пункте указывается, что СССР «соглашается на передачу Японии островов Хабомаи и острова Сикотан с тем, однако, что фактическая передача этих островов будет произведена после заключения Мирного договора».

Статья 9 Декларации говорит о необходимости продолжения восстановления нормальных межгосударственных отношений и проведении переговоров о заключении мирного договора. Несмотря на то обстоятельство, что до настоящего времени такой договор между странами не заключен, тем не менее, вопреки позиции отдельных СМИ о продолжении пребывания России и Японии в состоянии войны, состояние войны прекращено, и мирные отношения восстановлены.

В связи с изложенным, заявления и позиция японской стороны по вопросу «северных территорий» не имеют правовых оснований ввиду того, что существующее положение дел является результатом Второй Мировой войны. Между тем, продолжает оставаться спорной проблема передачи островов Хабомаи и Сикотан, так как в контексте Декларации передача островов налагает соответствующее международно-правовое обязательство на Россию по их возврату японской стороне после заключения мирного договора.

Список литературы

1. Заявление первого заместителя Министра иностранных дел СССР А.А. Громько на пресс-конференции в Сан-Франциско 8 сентября 1951 года//Правда. - 10 сентября 1951 г. Цит. по: Зиланов В.К., Кошкин А.А., Латышев И.А., Плотников А.Ю., Сенченко И.А. Русские Курилы: история и современность. Сборник документов по истории формирования русско-японской и советско-японской границы. - М.: Сампо, 1995. С.115.

2.Кремнев П.П. распад СССР: международно-правовые проблемы. М.: Зерцало-М, 2005. С.46-56.

3.Конституция Союза Советских Социалистических Республик от 5 декабря 1936 года. Оцифрованный акт доступен на сайте Государственного архива Российской Федерации.URL: <https://statearchive.ru/465> (дата обращения: 25.09.2025).

4.Конституция Российской Советской Федеративной Социалистической Республики от 21 января 1937 г. Оцифрованный акт доступен на сайте Государственного архива Российской Федерации. URL: <https://statearchive.ru/466> (дата обращения: 25.09.2025).

5. О состоянии и перспективах развития российско-японских отношений на современном этапе. Внешнеполитическое досье. Материал доступен на официальном сайте Министерства иностранных дел Российской Федерации. URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/vnesnepoliticeskoe-dos-e/dvustoronnie-otnosenij-rossii-s-inostrannymi-gosudarstvami/perspektivu-rossijsko-aponskih-otnosenij/(дата обращения: 25.09.2025).

6. Совместная декларация СССР и Японии от 19 октября 1956 г. //Ведомости Верховного Совета Союза Советских Социалистических Республик.1956. № 24. Ст.525.

7. Соглашение руководителей СССР, США и Великобритании от 11 февраля 1945 года// Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. Т. III. - М.: Госполитиздат, 1947. С.112.

8.Указ Президиума Верховного Совета Союза Советских Социалистических Республик от 2 февраля 1946 г. «О национализации земли, банков, промышленных и коммунальных предприятий, железнодорожного и водного транспорта и средств связи южной части острова Сахалин и Курильских островов»//Ведомости Верховного Совета Союза Советских Социалистических Республик.1946. № 5.

9. Указ Президиума Верховного Совета Союза Советских Социалистических Республик от 2 февраля 1946 г. «Об образовании Южно-Сахалинской области в составе Хабаровского края РСФСР»//Ведомости Верховного Совета Союза Советских Социалистических Республик.1946. № 5.

10. Указ Президиума Верховного Совета Союза Советских Социалистических Республик от 2 января 1947 г. «О ликвидации Южно-Сахалинской области и включении ее территории в состав Сахалинской области»//Ведомости Верховного Совета Союза Советских Социалистических Республик.1947. № 2.

11. Treaty of Peace with Japan. Signed at San Francisco, 8 September 1951// United Nations Treaty Series. - 1952. - vol. 136. Pp. 45 - 164. Текст документа также доступен на сайте официальных документов Тайваня: URL: <http://www.taiwandocuments.org/sanfrancisco01.htm> (дата обращения: 25.09.2025). Неофициальный перевод на русский язык Мирного договора цитируется по: Системная история международных отношений в 4-х томах. 1918-2003/Под общей редакцией А.Д. Богатурова. Т.4. М.: НОФМО, 2004. С.144.

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

Мудрова Светлана Владимировна,
д.э.н., заведующий кафедрой экономики, Российский экономический
университет им. Г.В. Плеханова;
e-mail: mudrovas@bk.ru

Svetlana V. Mudrova,
Doctor of Economics, Head of the Department of Economics, Plekhanov
Russian University of Economics
e-mail: mudrovas@bk.ru

ЭКОНОМИКА И ТЕХНОЛОГИИ ДЛЯ БОЛЬШОЙ ЕВРАЗИИ

ECONOMY AND TECHNOLOGIES FOR GREATER EURASIA

Аннотация. Статья предлагает управленческую и методическую основу для согласования экономики и технологий в пространстве Большой Евразии. Вводится композитный индекс KEI-Eurasia (институты, инновации, образование, ИКТ), ориентированный на измерение эффектов — компетенций, производительности и коммерциализации — вместо затрат. Показывается необходимость синхронного развития четырёх контуров, выравнивания цифровой инфраструктуры и внедрения отраслевых пилотов с публичными КРІ и «паспортами показателей».

Ключевые слова: Большая Евразия; экономика знаний; KEI-Eurasia; ИКТ; интероперабельность; человеческий капитал; пилоты; трансфер технологий; цифровая инфраструктура; показатели

Abstract. The paper proposes a managerial and methodological framework to align economy and technology across Greater Eurasia. We introduce the KEI-Eurasia composite index (institutions, innovation, education, ICT) focused on measuring outcomes—skills, productivity, commercialization—rather than inputs. The approach stresses synchronized development of the four pillars, leveling of digital infrastructure, and sector pilots with public KPIs and transparent indicator passports.

Keywords: Greater Eurasia; knowledge economy; KEI-Eurasia; ICT; interoperability; human capital; pilots; technology transfer; digital infrastructure; indicators

Введение

Большая Евразия — это пространство пересечения экономических интересов и конкурирующих технологических траекторий, где исход определяется не

объёмом данных, а качеством их конверсии в знания и производительные решения. Для управляемой интеграции требуется единая рамка измерений, которая связывает институты и стимулы, инновации, образование и ИКТ-инфраструктуру — четыре опоры адаптированного индекса экономики знаний (KEI). Российская апробация этой логики на региональных данных 2014–2021 гг. фиксирует устойчивую поляризацию: «полюса роста» формируются за счёт инноваций и ИКТ, в то время как образовательный субиндекс в ряде периодов снижается, а главные разрывы приходится на цифровую инфраструктуру и институциональные условия.

1. Геоэкономика Большой Евразии

Большая Евразия — это непрерывное пространство множественных связей, где торговые потоки, финансовые цепочки и технологические платформы накладываются друг на друга, образуя сложную сеть взаимозависимостей. В этой сети нет единого центра тяжести: роль узлов роста играют мегаполисы и макрорегионы, где сходятся транспортные коридоры, облачные и телеком-магистраль, исследовательские и производственные кластеры. Именно распределённая структура определяет устойчивость и потенциальную динамику: шоки в одном сегменте компенсируются перенастройкой маршрутов и перераспределением мощностей в других. Геоэкономическая логика Евразии сегодня задаётся конкурирующими траекториями технологической модернизации. Одни страны наращивают промышленную базу и инфраструктуру данных, стремясь к импортонезависимости по критическим компонентам; другие делают ставку на сервисизацию и платформенные модели, где стоимость создаётся за счёт управления экосистемами и правами на данные. По обе стороны этих траекторий лежит единая задача — конвертировать доступ к рынкам, ресурсам и талантам в производительность и инновации. В результате складывается поле кооперации и соревнования одновременно: совместные проекты в логистике, энергетике и телекомах соседствуют с конкуренцией за стандарты,

цепочки добавленной стоимости и контроль над «узкими местами» инфраструктуры [1, 15 с].

Пространственная экономия Евразии проявляется прежде всего в транспортно-логистических коридорах, но их значимость уже нельзя рассматривать вне цифровой надстройки. Широкополосная связь вдоль магистралей, дата-центры в «узлах перегрузки», системы мониторинга и предиктивной аналитики превращают традиционную логистику в «умные» цепочки поставок. Здесь технологические решения — от интероперабельных форматов данных до распределённых реестров и ИИ-оптимизации — снижают транзакционные издержки между юрисдикциями и ускоряют оборот капитала.

Важной характеристикой геоэкономики Евразии остаётся асимметрия доступа к критическим факторам роста. Плотность телеком-сетей, надёжность энергетики, наличие исследовательских центров и качество институтов распределены неравномерно, что усиливает поляризацию доходов и компетенций. При этом даже внутри отдельных стран различается способность регионов встраиваться в трансграничные цепочки: выигрывают те, где образовательные и исследовательские контуры сопряжены с индустриальными заказами, а цифровая инфраструктура обеспечивает безопасную и быструю обработку данных. Следовательно, стратегическая задача — не только строить новые линии сообщения, но и выравнивать цифровые и институциональные условия их эффективного использования [2, 13 с].

Человеческий капитал выступает связующим звеном геоэкономики и технологий. Мобильность талантов внутри евразийского пространства, взаимное признание квалификаций, модульные образовательные траектории и совместные исследовательские программы формируют «общий рынок навыков». Чем легче студенту перейти от академии к промышленной лаборатории, а инженеру — между юрисдикциями, тем быстрее накапливается и распространяется tacit-знание. В такой конфигурации инвестиции в образование работают как общеевразийское благо: эффект масштаба

возникает не из числа дипломов, а из скорости диффузии компетенций и плотности проектных связей. Риск-профиль региона определяется уязвимостью к разрывам цепочек поставок, технологическим санкциям и киберугрозам. Ответ на эти вызовы лежит не только в диверсификации физической логистики, но и в «диверсификации данных»: дублировании критических систем, распределении вычислительных мощностей, внедрении практик zero-trust и общих норм кибергигиены. Совместные центры реагирования, обмен индикаторами компрометации и регламенты стресс-тестов для операторов значимой инфраструктуры становятся частью экономической политики, поскольку от них напрямую зависят доверие инвесторов и устойчивость сервисов [3, 7с].

Геоэкономика Большой Евразии — это про последовательное связывание инфраструктурных проектов с измеримыми эффектами. Магистраль без цифровой «начинки» и подготовленных кадров — лишь капиталоемкий актив, тогда как интегрированный коридор с облачной поддержкой, едиными форматами данных и встроенными образовательными программами становится генератором производительности. Поэтому дальнейшее изложение логично выстраивается от теоретической рамки экономики знаний к метрикам и институциональным механизмам, позволяющим отделять витринные инвестиции от реальной прибавки компетенций, инновационной активности и устойчивого роста в евразийском масштабе.

2. Инновационные экосистемы и трансфер технологий

Инновационная динамика в Большой Евразии возникает там, где исследование, разработка и внедрение собраны в единый контур: университеты и НИИ производят новое знание, компании превращают его в продукты, а институты развития снижают риски и транзакционные издержки на стыках. Практически это означает переход от разрозненных грантов и закупок к экосистемной организации — совместным лабораториям, консолидированным «песочницам» данных и инфраструктуре испытаний, где

команды из разных юрисдикций работают на общих наборах правил и интерфейсов. Чем легче участнику зайти в такую «общую мастерскую» с понятными правами на результаты и доступом к вычислительным ресурсам, тем выше скорость трансфера знаний в технологические решения [4, 3с.].

Ключевым узлом экосистемы становится центр трансфера технологий и «интегратор» — посредник, переводящий язык исследований в язык задач отраслей. Он поддерживает жизненный цикл от приоритизации тем и соглашений о совместной разработке до оформления прав на результаты и промышленной валидации. Правила распределения интеллектуальной собственности должны быть предсказуемыми и дифференцированными: для фундаментальных результатов — преимущественно открытые лицензии и репозитории, для прикладных — справедливое соавторство и опционные схемы, привязанные к стадии готовности и вкладу сторон. Там, где ИС закреплена «на бумаге», но не подкреплена быстрой процедурой контрактного инфорсmenta и совместимых стандартов данных, трансфер тормозится вне зависимости от объёма НИОКР. Экосистема усиливается инструментами «короткого моста» между лабораторией и рынком. Это корпоративные акселераторы и венчурные фонды, совместные пилоты на производственных площадках, предкоммерческие закупки и «быстрые треки» регуляторного допуска для опытных образцов. В транспортных и энергетических коридорах пилоты опираются на цифровую инфраструктуру: телеметрию, доверенные контуры обмена данными и реплицируемые сценарии тестирования. Для команд это снижает стоимость проверок и даёт понятный путь масштабирования: доказал эффект — получил доступ к новой ветви коридора или к смежной отрасли.

Чтобы избежать «витринности», экосистема должна измерять себя по понятным результатам. Реперными точками служат не только публикации и патенты, но и сделки по лицензированию, доля совместных разработок с индустрией, скорость прохождения «Долины смерти» между TRL 4–7, выручка от новых продуктов, а также качество кадрового контура — сколько

выпускников остаются в проектах, сколько инженеров переходят между юрисдикциями без потери производительности. Такие метрики работают лишь при прозрачном «паспорте показателя» и сопоставимых процедурах аудита, иначе экосистема подстраивается под формальные КРІ вместо реальных эффектов [5, 11с].

2. Отраслевые пилоты интеграции

Практика показывает: именно отраслевые пилоты связывают общие принципы экономики знаний с измеримыми эффектами. В логистике «умные коридоры» начинают с унификации данных: единые машиночитаемые накладные, идентификация участников и событий цепочки, синхронизация расписаний и складских остатков. На этой основе внедряются предиктивные модели (ETA, риски простоя, повреждения), а на участках с жёсткими требованиями к задержкам — периферийные вычисления для видеоаналитики и контроля условий. Реперные показатели просты и проверяемы: доля грузов с машиночитаемыми документами, среднее время на погранпереходе, вариативность ETA, доля инцидентов, выявленных алгоритмами до наступления простоя. Когда эти метрики привязаны к «паспортам показателей» и публикуются на общих дашбордах, коридоры получают управляемость, а инвесторы — прозрачность отдачи.

В промышленности 4.0 исходная точка — цифровые двойники узлов и линий, телеметрия оборудования и стандартизированные интерфейсы к системам управления. Пилоты строятся вокруг узких мест: энергопотребление, ОЕЕ, качество. Микротакты — установка сенсоров и сбор потоков; мезотакты — обучение моделей предиктивного обслуживания, оптимизация рецептов и параметров; макротакты — изменение регламентов, чтобы решения алгоритмов становились частью производственного цикла. Ключевые КРІ: прирост ОЕЕ, снижение брака, экономия энергии на единицу продукции, время от обнаружения аномалии до корректирующего действия. Чтобы отделить эффект технологии от эффекта «новизны», пилоты

запускаются ступенчато (разные линии/смены как контроль и опыт), а перенос в соседние цеха становится финальным критерием зрелости [6, 9 с].

В энергетике пилоты концентрируются на управлении гибкостью: прогноз распределённой генерации и потребления, динамическое ценообразование и сервисы управления спросом для промышленных потребителей. Техническая основа — телеметрия на уровне фидеров и подстанций, библиотеки прогнозных моделей, доверенные контуры обмена данными между сетевыми, генерацией и крупными потребителями. Метрики — отклонение фактической кривой нагрузки от целевой, доля гибкой нагрузки в пиковые часы, время восстановления после аварии и экономия капитальных затрат за счёт управления спросом вместо расширения сети. Там, где действуют прозрачные протоколы обмена и правила работы с данными, эффект пилотов масштабируется без «ручной» интеграции. В финтехе и внешнеэкономической деятельности фокус — на сквозной цифровизации расчётов и комплаенса: электронные доверенности, совместимые схемы KYC/KYB, трассируемость происхождения средств и активов [7, 7 с]. Пилоты нацелены на сокращение оборота рабочего капитала для экспортёров и снижение риска санкционных инцидентов. Простые, но жёсткие KPI: среднее время закрытия экспортной сделки «от счета до оплаты», доля операций, подтверждённых машиночитаемыми доказательствами соответствия, средняя стоимость комплаенса на сделку. Интероперабельность «цифровой общественной инфраструктуры» (идентификация, платежи, обмен данными) превращает эти пилоты в сетевой стандарт: подключение новых юрисдикций идёт по повторяемой процедуре.

Здравоохранение и агропродовольственные цепочки демонстрируют социальную сторону стратегии. Для медицины приоритет — совместимость электронных меддокументов, протоколы приватности и сценарии исследовательского доступа к обезличенным данным; пилоты измеряются по времени маршрута пациента, объёму повторных госпитализаций, доле решений, принятых с опорой на алгоритмические подсказки. В агросекторе —

отслеживаемость происхождения, мониторинг полей и складываемая модель риска болезней/вредителей; КРІ — прогнозируемость урожайности, потери на логистике и скорость реагирования на вспышки [8, 11 с].

Заключение

Большая Евразия предъявляет простой, но жёсткий запрос: рост возникает там, где геоэкономическая сеть опирается на согласованные правила, совместимые стандарты и общую цифровую надстройку. Разнообразие траекторий — от индустриальной модернизации до платформенных сервисов — не мешает, если «коридоры» связаны едиными интерфейсами данных, предсказуемыми институтами и рынком навыков. Иначе капиталоемкие инфраструктуры остаются витриной, а не источником производительности. Теоретическая рамка экономики знаний задаёт четыре взаимозависимых контура — институты, инновации, образование и ИКТ. Их нельзя усиливать поодиночке: слабое звено обнуляет эффект остальных. Отсюда проистекает практическое требование к измеримости: индекс KEI-Eurasia должен фиксировать не затраты, а результаты — компетенции и трудоустройство, трансфер и коммерциализацию, производственные и логистические эффекты, зрелость управления данными и безопасностью. «Паспорт показателя», треангуляция источников и квази-эксперименты превращают метрики из отчётности в инструмент управления.

Опорный слой — цифровая инфраструктура и данные. Интероперабельные форматы, доверенные контуры обмена, наблюдаемость и отказоустойчивость («edge + cloud», zero-trust, SLO для коридоров) — это необходимые условия, чтобы алгоритмы жили в производственных циклах, а не в презентациях. Но инфраструктура работает лишь вместе с человеческим капиталом: модульное непрерывное обучение, data/AI-грамотность как «вторая базовая», мобильность талантов и взаимное признание квалификаций создают общий евразийский рынок навыков, по которому быстро распространяется tacit-знание. Инновационные экосистемы замыкают контур: совместные лаборатории и «песочницы» данных, предсказуемые правила ИС,

быстрый контрактный инфорсмент, предкоммерческие закупки и пилоты на реальных мощностях сокращают путь от TRL-идеи до тиражируемого решения. Здесь критично измерять не только публикации, но и сделки по лицензированию, скорость прохождения «Долины смерти», перенос пилотов между узлами и удержание выпускников в проектах.

Практический механизм — отраслевые пилоты интеграции в логистике, промышленности, энергетике, финтехе, здравоохранении и агросекторе. Каждому пилоту — заранее согласованные KPI и «петля доказательности» (гипотеза → пилот → измерение → масштаб). Успешные практики масштабируются вдоль коридоров и между юрисдикциями; неуспешные — корректируются или закрываются без репутационных потерь. Так стратегия «Экономика и технологии для Большой Евразии!» становится операционной: мы не просто строим магистрали и центры обработки данных, а системно превращаем данные в знания, знания — в решения, решения — в измеримую продуктивность и устойчивый рост для всего евразийского пространства.

Список литературы

1. Арсентьева И. И. Большое Евразийское партнёрство после 2020 г.: проблемы и перспективы развития проекта в посткарантинном мире // [Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество]. — 2021.
2. Дятлов С. А. Эффекты интеграции в условиях цифровой трансформации экономик стран ЕАЭС // [Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета]. — 2020.
3. Жильцов С. С. Большое Евразийское партнёрство: итоги, проблемы и перспективы // [Постсоветские исследования]. — 2025.
4. Каширкина А. А. Значение цифровизации в процессе управления: евразийская интеграция и международно-правовое измерение // [Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество]. — 2023.
5. Карев А. Н. Интероперабельность в интеграции информационных порталов: модели и стандарты // [Международный научно-исследовательский журнал] — 2022.
6. Кокорев А. С. Большое Евразийское партнёрство и роль России в формировании трансконтинентального «суперальянса» // [Труды учебных заведений связи]. — 2022.
7. Макаренко С. И. Структурно-функциональная модель интероперабельности организационно-технических систем // [Шаг в науку]. — 2023.

8. Медведев И. В. Евразийский интеграционный проект в условиях цифровой трансформации экономики России // [Вестник Государственного университета управления]. — 2024.

9. Нечаев А. А. Интероперабельность систем информационного моделирования зданий (BIM): вызовы и решения // [Социальные новации и социальные науки]. — 2023.

10. Хасанхонова Н. И. Глобальный индекс знаний Республики Узбекистан: методологические аспекты и динамика // [Вестник Брестского государственного технического университета]. — 2023.

Бяшарова Адиля Рашидовна,

к.э.н., доцент, заведующий кафедрой Мировой экономики

«РЭУ им. Г.В. Плеханова»

e-mail: Vyasharova.ar@rea.ru

Тюрина Ольга Андреевна,

к.э.н., «доцент, доцент кафедры Мировой экономики

«РЭУ им. Г.В. Плеханова»

e-mail: Tyurina.oa@rea.ru

Сизова Дарина Александровна,

к.э.н., доцент, доцент базовой кафедры

экономического анализа и корпоративного управления

производством и экспортом высокотехнологичной продукции

Государственной корпорации «Ростех»

«РЭУ имени Г.В. Плеханова,

e-mail: darina3@yandex.ru

ТРАНСФОРМАЦИЯ ГЛОБАЛЬНОГО НЕФТЯНОГО РЫНКА В УСЛОВИЯХ УСИЛЕНИЯ РОЛИ ОБЪЕДИНЕНИЯ БРИКС

TRANSFORMATION OF THE GLOBAL OIL MARKET IN THE CONTEXT OF THE GROWING ROLE OF THE BRICS ASSOCIATION

Аннотация. Статья посвящена анализу роли стран БРИКС на мировом нефтяном рынке и перспектив их энергетического сотрудничества в период 2014-2024 гг. Исследование выявляет трансформацию глобальной нефтяной торговли под влиянием геополитических факторов, санкционного давления и технологических изменений. Особое внимание уделяется формированию новых торговых маршрутов, развитию альтернативных платёжных систем и созданию институциональной инфраструктуры энергетического взаимодействия. Сделан вывод о формировании альтернативного полюса влияния на мировом энергетическом рынке, способного противостоять доминированию западных институтов и обеспечить долгосрочную энергетическую безопасность участников блока.

Ключевые слова: БРИКС, мировой нефтяной рынок, энергетическое сотрудничество, торговые потоки, платёжные системы, ОПЕК+, санкции, энергетическая безопасность, дедолларизация, нефтяной экспорт.

Abstract: This article analyzes the role of BRICS countries in the global oil market and the prospects for their energy cooperation from 2014 to 2024. The study reveals the transformation of global oil trade under the influence of geopolitical factors, sanctions pressure, and technological change. Particular attention is paid to the development of new trade routes, the development of alternative payment systems, and the establishment of an institutional infrastructure for energy cooperation. It concludes that an alternative pole of influence is emerging in the

global energy market, capable of countering the dominance of Western institutions and ensuring long-term energy security for the bloc's members.

Keywords: BRICS, global oil market, energy cooperation, trade flows, payment systems, OPEC+, sanctions, energy security, de-dollarization, oil exports.

Введение

Глобальный нефтяной рынок за последнее десятилетие претерпел существенные структурные изменения, обусловленные совокупностью геополитических, технологических и экономических факторов. Традиционная архитектура международной нефтяной торговли, сформированная во второй половине XX века и основанная на доминировании ОПЕК и западных финансовых институтов, столкнулась с вызовами новой реальности. Санкционное давление на крупнейших производителей, усиление позиций стран-потребителей в Азиатско-Тихоокеанском регионе и стремление к диверсификации источников энергоснабжения привели к перераспределению товарных и финансовых потоков.

В этом контексте страны БРИКС приобретают всё большее значение как альтернативный центр влияния на мировом энергетическом рынке. Объединяя крупнейших производителей (Россия, Бразилия) и потребителей (Китай, Индия) нефти, блок контролирует значительную часть мировых запасов, добычи и спроса на углеводороды. Расширение состава БРИКС в 2023-2024 гг. за счёт включения крупных нефтедобывающих государств Ближнего Востока усилило энергетический потенциал объединения до уровня, сопоставимого с традиционными картелями.

Эволюция нефтяных балансов стран БРИКС в 2014-2024 гг.

Россия традиционно занимает лидирующие позиции среди мировых экспортёров нефти, обеспечивая стабильно около 11-12% глобальной добычи на протяжении исследуемого периода. В 2014 г. объём российской добычи составлял 10,85 млн баррелей в сутки, достигнув пика в 11,47 млн б/с в 2019 г. Введение западных санкций в 2022 г. инициировало масштабную перестройку экспортных маршрутов российской нефти. Если до 2022 г. основным

направлением экспорта являлась Европа, поглощавшая до 60% российских поставок, то уже к 2023 г. произошла кардинальная переориентация на азиатские рынки.

Экспорт в Китай продемонстрировал взрывной рост с 1,6% от российского экспорта в 2013 г. до 36,1% в 2023 г. В абсолютных показателях поставки в КНР увеличились с 16 млн тонн в 2014 г. до 107 млн тонн в 2024 г., что позволило России стать крупнейшим поставщиком нефти на китайский рынок, обогнав Саудовскую Аравию. Параллельно наращивался экспорт в Индию, так с минимальных 0,1% в 2013-2017 гг. до 35,8% в 2024 г. Индийские НПЗ увеличили закупки российской нефти с практически нулевых значений до 90 млн тонн в 2024 г., воспользовавшись значительными ценовыми дисконтами. [7]

Развитие инфраструктуры Восточной Сибири и Дальнего Востока стало критически важным фактором успешной переориентации. Нефтепровод «Восточная Сибирь – Тихий океан» (ВСТО), введённый в эксплуатацию в 2012 г., к 2024 г. обеспечивал транспортировку до 50 млн тонн нефти ежегодно. Морской терминал Козьмино позволил нарастить отгрузку танкерами сорта ESPO, ставшего бенчмарком для азиатских покупателей.

Доля России в китайском импорте выросла с 9,8% в 2014 г. до 22,1% в 2024 г., что обеспечило РФ позицию ведущего поставщика. Одновременно Китай диверсифицировал источники, увеличив импорт из Ирака (с 8,5% до 11,2%), Ирана и Венесуэлы, несмотря на американские санкции против последних. Важной тенденцией стало насыщение внутреннего спроса и перспектива его пикового значения. Аналитики прогнозируют достижение пика потребления нефти в КНР к 2027-2030 гг. на уровне 16-17 млн б/с. [6]

Индийская экономика продемонстрировала устойчивый рост потребления нефти на протяжении всего исследуемого периода. Импорт нефти увеличился со 189,2 млн тонн в 2014 г. до 234,3 млн тонн в 2024 г., при этом доля Индии в мировом импорте выросла с 9,04% до 10,6%. Страна

укрепила позиции третьего крупнейшего потребителя нефти в мире после США и Китая. [5]

События 2022-2024 гг. кардинально изменили географию индийского импорта. До 2022 г. основными поставщиками выступали Ирак и (16% и 23% соответственно). Введение санкций против российской нефти открыло для Индии возможность закупок со значительным дисконтом. Доля России в индийском импорте взлетела с 1,4% в 2020 г. до 35,8% в 2024 г., при этом в отдельные месяцы 2023 г. российская нефть составляла до 45% индийских закупок.

Индийские НПЗ получили двойное преимущество, открыв доступ к дешёвому сырью и возможность экспорта переработанных нефтепродуктов с добавленной стоимостью на европейские и азиатские рынки. Мощности индийской нефтепереработки достигли 5,0 млн б/с в 2024 г., что существенно превышает внутреннее потребление в 4,5 млн б/с. Избыточные мощности позволили Индии нарастить экспорт дизельного топлива и авиационного керосина.

Бразильская нефтяная промышленность в исследуемый период продемонстрировала впечатляющий рост добычи благодаря освоению глубоководных месторождений на шельфе Атлантического океана. Добыча увеличилась с 2,25 млн б/с в 2014 г. до 4,32 млн б/с в 2024 г., обеспечив Бразилии девятое место в мировой добыче. Компания Petrobras реализовала масштабные инвестиционные программы в технологии добычи на сверхглубоких водах, что позволило ввести в эксплуатацию гигантское месторождение Vuzios с извлекаемыми запасами более 2 млрд баррелей. [4]

Экспортный потенциал Бразилии значительно вырос, превратив страну в нетто-экспортёра нефти. В 2014 г. экспорт составлял около 0,8 млн б/с, к 2024 г. достигнув 1,5 млн б/с. Основным направлением экспорта стал Китай, доля которого увеличилась с 20,4% в 2014 г. до 44,4% в 2024 г. Китайские энергетические корпорации осуществили значительные инвестиции в

бразильский нефтегазовый сектор, превышающие 15 млрд долларов за период 2014-2024 гг. [4]

ЮАР представляет иную категорию участников БРИКС – страну с минимальной собственной добычей и полной зависимостью от импорта. Собственная добыча не превышает 100 тыс. б/с, что покрывает лишь 15-20% внутренних потребностей. Импорт нефти в ЮАР снизился с 21,3 млн тонн в 2014 г. до 8,2 млн тонн в 2024 г., что отражает как структурные проблемы экономики, так и закрытие нескольких устаревших НПЗ [5].

География импорта ЮАР традиционно ориентирована на африканские и ближневосточные источники. Нигерия устойчиво обеспечивает 40-50% южноафриканского импорта, Саудовская Аравия – 15-40% в зависимости от года. Важной тенденцией последних лет стало появление США в числе поставщиков (8,3% в 2024 г.) и усиление позиций Анголы (15,3% в 2024 г.) [5].

Саудовская Аравия, будучи крупнейшим мировым экспортёром нефти и лидером ОПЕК, играет важную роль во взаимодействии со странами БРИКС. Объём саудовского экспорта составлял 7,15 млн б/с в 2014 г., снизившись до 5,87 млн б/с в 2024 г. вследствие политики ОПЕК+ по ограничению добычи. Тем не менее, королевство сохранило статус второго по величине поставщика нефти в Китай (доля 16,48% в 2024 г.) и Индию (доля 13,5% в 2024 г.).

Саудовская Aramco реализует инвестиционные проекты в Китае и Индии, включая строительство НПЗ и нефтехимических комплексов. Совместное предприятие с китайскими партнёрами в провинции Ляонин мощностью 300 тыс. б/с введено в эксплуатацию в 2019 г. В Индии Aramco ведёт переговоры об участии в модернизации крупнейших НПЗ страны с инвестициями до 15 млрд долларов США [8].

Институциональные механизмы энергетического взаимодействия БРИКС

Институциональное оформление энергетического сотрудничества БРИКС началось с создания в 2019 г. Платформы энергетических исследований (BRICS EnergyResearchCooperationPlatform, ERCP). Инициатива

России получила поддержку всех участников блока, признавших необходимость систематического обмена информацией и координации энергетических стратегий [1].

В рамках Платформы ежегодно публикуются аналитические доклады BRICS EnergyOutlook, первый из которых вышел в 2020 г. Документы содержат прогнозы развития энергетических балансов стран-участниц, оценку инвестиционных потребностей и рекомендации по гармонизации регулирования. Платформа объединяет сотни исследователей из ведущих научных центров и государственных институтов, обеспечивая интеллектуальную основу для принятия стратегических решений.

Ключевым направлением институционального строительства стало создание платёжных механизмов, альтернативных долларовой расчётам через систему SWIFT. Инициатива приобрела особую актуальность после введения западных санкций против России и Ирана, продемонстрировавших уязвимость традиционных финансовых каналов.

Система BRICS Pay, концепция которой обсуждалась с 2019 г., вступила в пилотную фазу в 2024 г. Механизм предусматривает безналичные расчёты по QR-кодам в национальных валютах участников. При осуществлении трансграничного платежа средства списываются с соответствующего валютного счёта минуя конвертацию через доллар, что снижает транзакционные издержки и валютные риски [3].

Более амбициозным проектом является BRICS Bridge – платформа расчётов на основе цифровых валют центральных банков. Россия совместно с партнёрами прорабатывает архитектуру системы, которая позволит осуществлять мгновенные расчёты между финансовыми институтами стран-участниц. Технологическая основа – распределённые реестры, обеспечивающие прозрачность и безопасность транзакций [2].

Практическая реализация дедолларизации продемонстрировала впечатляющие результаты. К концу 2023 г. около 80% платежей за энергоресурсы внутри БРИКС осуществлялось в национальных валютах. Во

взаиморасчётах России и Китая доля рубля и юаня достигла 93%, вытеснив доллар. В августе 2023 г. состоялась первая крупная сделка по оплате нефти в рупиях.

Перспективы и вызовы энергетической интеграции

Совокупный энергетический потенциал БРИКС после расширения состава в 2023-2024 гг. достиг уровня, позволяющего оказывать системное влияние на мировой нефтяной рынок. Расширенный формат БРИКС+ с включением Ирана, ОАЭ, Египта и Эфиопии, а также потенциальным присоединением Саудовской Аравии контролирует около 45% доказанных мировых запасов нефти и обеспечивает около 40% глобальной добычи.

Синергетические эффекты сотрудничества проявляются в нескольких измерениях. Экономически страны-импортёры (Китай, Индия) получают гарантированный доступ к ресурсам по предсказуемым ценам, избегая ценовых шоков на спотовых рынках. Страны-экспортёры (Россия, Бразилия) диверсифицируют географию сбыта и снижают зависимость от отдельных покупателей. Совместные инвестиционные проекты мобилизуют финансовые ресурсы для освоения сложных месторождений, недоступных отдельным участникам.

Политические преимущества включают усиление переговорных позиций в диалоге с традиционными производителями ОПЕК и западными потребителями. Координация квот добычи в рамках ОПЕК+ с участием России и потенциально других членов БРИКС создаёт механизм влияния на ценообразование. Альтернативные платёжные системы снижают эффективность санкционного давления и финансовых ограничений.

Тем не менее, энергетическая интеграция БРИКС сталкивается с серьёзными вызовами. Гетерогенность интересов участников требует сложных компромиссов. Россия и Бразилия заинтересованы в высоких ценах на нефть, максимизирующих экспортные доходы. Китай и Индия как потребители предпочитают умеренные цены, снижающие затраты на импорт

энергии. Согласование позиций требует механизмов балансирования интересов, аналогичных ОПЕК.

Технологические разрывы между участниками создают асимметрию в добавленной стоимости. Китай и Индия обладают развитыми нефтехимическими комплексами, позволяющими получать высокомаржинальные продукты. Бразилия и ЮАР ориентированы преимущественно на экспорт сырой нефти с ограниченной переработкой. Преодоление технологического разрыва требует трансфера технологий и совместных НИОКР.

Долгосрочной угрозой для нефтяного сотрудничества является глобальный энергопереход. Распространение электротранспорта и возобновляемых источников энергии ведёт к структурному снижению спроса на нефть. Международное энергетическое агентство прогнозирует пик мирового спроса к 2029-2030 гг. с последующим снижением. Страны БРИКС должны адаптировать энергетические стратегии, сочетая традиционные углеводороды с инвестициями в чистые технологии.

Заключение

Проведённый анализ демонстрирует качественную трансформацию позиций стран БРИКС на мировом нефтяном рынке за период 2014-2024 гг. Объединение эволюционировало от группы разнородных экономик с ограниченной координацией к формирующемуся энергетическому блоку с растущим институциональным каркасом и общими стратегическими интересами. Совокупный контроль над значительной частью мировых запасов, добычи и потребления нефти обеспечивает БРИКС потенциал системного влияния на глобальные энергетические процессы.

Двусторонние энергетические партнёрства внутри блока продемонстрировали устойчивость к внешним шокам и способность к быстрой адаптации. Переориентация российского экспорта на азиатские рынки, масштабные китайские инвестиции в бразильский нефтегазовый сектор, рост индийского импорта из России иллюстрируют гибкость и

взаимодополняемость участников. Долгосрочные контракты и совместные проекты создают предсказуемую основу для планирования инвестиций.

Институциональное строительство, включающее исследовательские платформы, альтернативные платёжные системы и торговые площадки, формирует инфраструктуру для углубления интеграции. Дедолларизация энергетических расчётов достигла впечатляющих масштабов, снижая зависимость от западных финансовых институтов. Перспектива создания единой биржевой платформы и общих механизмов ценообразования может усилить влияние БРИКС на мировые нефтяные цены.

Вместе с тем, устойчивость энергетического сотрудничества БРИКС будет определяться способностью преодолевать внутренние противоречия, адаптироваться к технологическим изменениям и формировать общую стратегическую повестку. Успех интеграции зависит от политической воли руководства стран-участниц, эффективности институциональных механизмов и готовности к компромиссам ради коллективных выгод. При благоприятном сценарии БРИКС имеет потенциал стать альтернативным полюсом в архитектуре мирового энергетического рынка, способствуя его демократизации и многополярности.

Список литературы

1. Коков Н. С., Хачев М. М., Циканова Л. М. Детекция основных параметров создания единой платёжной инфраструктуры БРИКС // Региональная и отраслевая экономика. 2024. №51. —URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/detektsiya-osnovnyh-parametrov-sozdaniya-edinoj-platezhnoy-infrastruktury-briks> (дата обращения: 06.10.2025).
2. Ленков И.Н., Осипов В.С. Трансформация международной финансовой системы: роль платформы BRICS Bridge // Государственное управление. Электронный вестник. 2024. №107. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-mezhdunarodnoy-finansovoy-sistemy-rol-platformy-brics-bridge>
3. Barbosa, D. C. Impact of a BRICS integrated payment system on cross-border e-commerce. BRICSJournalofEconomics, 1(4), 33–41. —URL: <https://doi.org/10.38050/2712-7508-2020-1-4-4>

4. BrazilEnergyInsight.ANP–
Brazil2024AnnualOil&GasProductionURL:
brazilenergyinsight.com/2025/02/03/anp-brazil-2024-annual-oil-gas-production/
5. BRICS Youth Energy Agency (BRICS YEA). BRICS Youth Energy Outlook 2024. September 2024. — URL: <https://impact-mission.org/upload/news/BRICSYEO2024.pdf>
6. CEIC Data. China Crude Oil: Imports, 1980–2024 —URL:
ceicdata.com/en/indicator/china/crude-oil-imports
7. Chinaimportedrecordamountsofcrudeoilin2023[Электронныйресурс]
//U.S.EnergyInformation Administration.—2024.—
URL:<https://www.eia.gov/todayinenergy/detail.php?id=61843>.
8. International Monetary Fund (IMF). Crude Oil Exports for Saudi Arabia —2025.—URL:fred.stlouisfed.org/graph/?g=1JdLR
9. TradeMap: Статистика торговли для развития международного бизнеса — 2024. — URL:
https://www.trademap.org/Country_SelProductCountry_TS.aspx?nvpm=1%7c710%7c%7c%7c%7c27%7c%7c%7c2%7c1%7c1%7c1%7c2%7c1%7c2%7c1%7c1%7c1

Сизова Дарина Александровна

К.э.н., доцент базовой кафедры экономического анализа и корпоративного управления производством и экспортом высокотехнологичной продукции Государственной корпорации «Ростех»,
ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова»,

E-mail: Darina3@yandex.ru

Sizova Darina Alexandrovna

PhD of economics, Associate Professor of the
Basic Department of Economic Analysis and Corporate Management of
Production and Export of High-tech Products of the Rostec State Corporation,
Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia
E-mail: Darina3@yandex.ru

**ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЕ ЛИДЕРСТВО СТРАН И РЕГИОНОВ:
МНОГОПОЛЯРНОСТЬ ОТРАСЛЕЙ
TECHNOLOGICAL LEADERSHIP OF COUNTRIES AND REGIONS:
MULTIPOLARITY OF INDUSTRIES**

Аннотация. Статья посвящена исследованию феномена технологического лидерства в условиях многополярности отраслей, выявлению ключевых факторов и механизмов формирования лидирующих позиций стран и регионов в современной глобальной экономике. В данной статье рассматривается влияние отраслевой многополярности на формирование региональных и национальных инновационных систем, а также анализируются механизмы, обеспечивающие устойчивое технологическое превосходство в условиях глобальной конкуренции. Научная новизна статьи заключается в комплексном анализе отраслевой многополярности как фактора, влияющего на распределение технологического лидерства, а также в использовании современных эмпирических данных российских регионов и международных примеров.

Ключевые слова: технологическое лидерство, многополярность отраслей, инновационные экосистемы, региональное развитие, НИОКР, патентная активность, инновационные кластеры, цифровая трансформация, конкурентоспособность, трансфер технологий

Abstract: The article is devoted to the study of the phenomenon of technological leadership in the context of multipolarity of industries, identifying key factors and mechanisms for the formation of leading positions of countries and regions in the modern global economy. This article examines the impact of industry multipolarity on the formation of regional and national innovation systems, as well as analyzes the mechanisms that ensure sustainable technological superiority in the face of global competition. The scientific novelty of the article lies in a comprehensive analysis of industry multipolarity as a factor influencing the

distribution of technological leadership, as well as in the use of modern empirical data from Russian regions and international examples.

Keywords: technological leadership, multipolarity of industries, innovative ecosystems, regional development, R&D, patent activity, innovation clusters, digital transformation, competitiveness, technology transfer

Введение: значение технологического лидерства в глобальной экономике

В эпоху глобальной цифровой трансформации технологическое лидерство становится определяющим фактором конкурентоспособности и устойчивого развития стран и регионов. Само по себе технологическое лидерство представляет собой способность страны или региона создавать, внедрять и распространять передовые технологии, обеспечивая конкурентные преимущества в глобальной экономике[1]. Его измерение осуществляется через комплексные показатели: патентную активность, инвестиции в НИОКР, экспорт высокотехнологичной продукции и индексы инновационного развития.

Технологическое лидерство в XXI веке стало ключевым драйвером конкурентоспособности и экономического роста, определяя место стран и регионов в глобальной системе разделения труда [2]. В условиях быстро меняющейся технологической среды способность генерировать, адаптировать и коммерциализировать инновации становится критически важным фактором долгосрочного развития.

При этом, многополярность отраслей отражает фундаментальный сдвиг в структуре глобальной экономики, где инновационная активность распределяется между различными секторами и регионами, формируя сложную структуру глобального технологического ландшафта [3]. Этот феномен характеризуется одновременным развитием как традиционных отраслей промышленности, так и новых высокотехнологичных секторов, создавая уникальные возможности для регионального развития.

Современные исследования показывают, что успешное технологическое лидерство требует не только значительных инвестиций в исследования и разработки, но и создания эффективных инновационных экосистем, способствующих взаимодействию между академическими институтами, частным сектором и государственными организациями.

1. Многополярность отраслей в современных экономиках: обзор и тенденции

Современная глобальная экономика характеризуется значительным ростом значимости новых технологических секторов, включая информационные технологии, биотехнологии, искусственный интеллект и возобновляемую энергетику как новых полюсов технологического развития [4]. Эти отрасли демонстрируют высокие темпы роста инвестиций в исследования и разработки, создавая новые возможности для регионального технологического лидерства (см. данные, приведенные в таблице 1).

Таблица 1

Распределение инвестиций в НИОКР по отраслям в ведущих странах (2024 г.)

Отрасль	США (%)	Китай (%)	ЕС (%)	Россия (%)
ИТ и ПО	35	28	22	8
Биотехнологии	18	15	25	4
Машиностроение	12	22	20	25
Энергетика	8	20	15	35
Химия	10	12	18	18

Источник: составлено автором на основе [2]

Сопоставление с традиционными отраслями — машиностроением, добывающей промышленностью и химической индустрией — показывает, что они продолжают играть важную роль в технологическом развитии, особенно в странах с развитой промышленной базой. Однако их доля в общих инвестициях в НИОКР постепенно снижается в пользу цифровых и биотехнологий.

Международный опыт демонстрирует, что успешные регионы и страны используют портфельный подход к технологическому лидерству, комбинируя развитие как традиционных, так и новых отраслей. Этот подход позволяет диверсифицировать риски и создавать синергетические эффекты между различными секторами экономики, укрепляя общую конкурентоспособность региона. В таблице 2 представлены конкретные примеры и механизмы, используемые в различных регионах мира.

Таблица 2

Примеры и механизмы, используемые в различных регионах мира

Страна	Регион	Специализация	Механизмы успеха
Опыт США: центры инноваций и предпринимательства	Силиконовая долина, Калифорния	Информационные технологии, программное обеспечение, венчурный капитал, стартапы.	Тесные связи между ведущими университетами (Стэнфорд, Беркли), исследовательскими центрами и индустрией. Высокая концентрация венчурного капитала, культура предпринимательства и готовность к риску, развитая сеть бизнес-инкубаторов и акселераторов
	Бостон, Массачусетс	Биомедицина, фармацевтика, биотехнологии, образование	Концентрация мировых лидеров в академической среде (Гарвард, MIT), крупные медицинские центры, государственные гранты на исследование, развитая инфраструктура для клинических испытаний и производства лекарств
	Остин, Техас	Полупроводники, ИТ, разработка ПО, медиа	Привлечение крупных технологических компаний (Dell, Tesla), доступ к талантливым выпускникам Техасского университета в Остине, низкие налоги и благоприятный бизнес-климат, поддержка культурных мероприятий, привлекающих креативные индустрии
Опыт Китая: государственная поддержка и масштабирование инноваций	Шэньчжэнь, Гуандун	Электроника, телекоммуникации, аппаратное обеспечение, ИИ	Статус особой экономической зоны, массивные государственные инвестиции в инфраструктуру и R&D, вертикально интегрированные цепочки поставок, быстрая коммерциализация технологий, мощная производственная база
	Пекин	Искусственный интеллект, биотехнологии, образование, интернет-компании	Центр ведущих университетов (Цинхуа, Пекинский университет) и исследовательских институтов, государственная поддержка стартапов в ИИ, крупные государственные предприятия, создающие спрос на передовые технологии
	Ханчжоу, Чжэцзян	Электронная коммерция, финтех, цифровая экономика	Родина Alibaba Group, мощная цифровая инфраструктура, инициативы «умного города», привлечение талантов в сфере цифровых технологий, поддержка государством развития онлайн-платформ
Европейские примеры: баланс традиций и инноваций	Баден-Вюртемберг, Германия	Машиностроение, автомобилестроение, промышленная автоматизация, «Индустрия 4.0»	Сильные позиции среднего и малого бизнеса (Mittelstand), инновационные кластеры, тесное сотрудничество между промышленностью, исследовательскими

Страна	Регион	Специализация	Механизмы успеха
			институтами (Fraunhofer) и университетами, система двойного образования
	Хельсинки, Финляндия	Телекоммуникации, игровые технологии, кибербезопасность	Наследие Nokia, поддержка стартап-экосистемы (конференция Slush), развитые механизмы государственного финансирования R&D (Business Finland), сильная социальная защита, поощряющая предпринимательский риск
	Эйндховен, Нидерланды	Высокотехнологичное производство, фотоника, дизайн	Высокотехнологичный кампус (High Tech Campus Eindhoven), являющийся центром сотрудничества Philips, ASML и других компаний, университетов и стартапов. Фокус на открытых инновациях и международных партнерствах
Азиатские модели: государственное стратегическое планирование	Сеул, Южная Корея	Полупроводники, электроника, автомобилестроение, биотехнологии, 5G	Высокие инвестиции в R&D со стороны государства и крупных конгломератов (чеболи: Samsung, LG), целенаправленная государственная промышленная политика, фокус на экспорт, развитая система высшего образования, высокая плотность патентов
	Сингапур	Биомедицинские науки, финтех, городские технологии, искусственный интеллект	Стратегия «Умная нация», привлечение глобальных талантов и инвестиций, государственные фонды поддержки инноваций, налоговые льготы, создание специализированных кластеров (Biopolis, Fusionopolis).
	Тайвань	Полупроводники, ИТ-оборудование, точное машиностроение	Мировое лидерство в производстве полупроводников (TSMC), создание научного парка Синьчжу (Hsinchu Science Park), высокая доля расходов на R&D в ВВП, экспортно-ориентированная экономика, сильное инженерное образование

Источник: составлено автором на основе [9]

Анализ международного опыта показывает, что успешные регионы и страны развивают портфельный подход к технологическому лидерству, комбинируя развитие как традиционных, так и новых отраслей. Этот подход позволяет диверсифицировать риски и создавать синергетические эффекты между различными секторами экономики, укрепляя общую конкурентоспособность региона.

Стоит также рассказать и об опыте российских регионов в области формирования технологического лидерства, где в качестве примера выделим Краснодарский край, Республику Татарстан и Новосибирскую область (рис. 1, табл. 3).

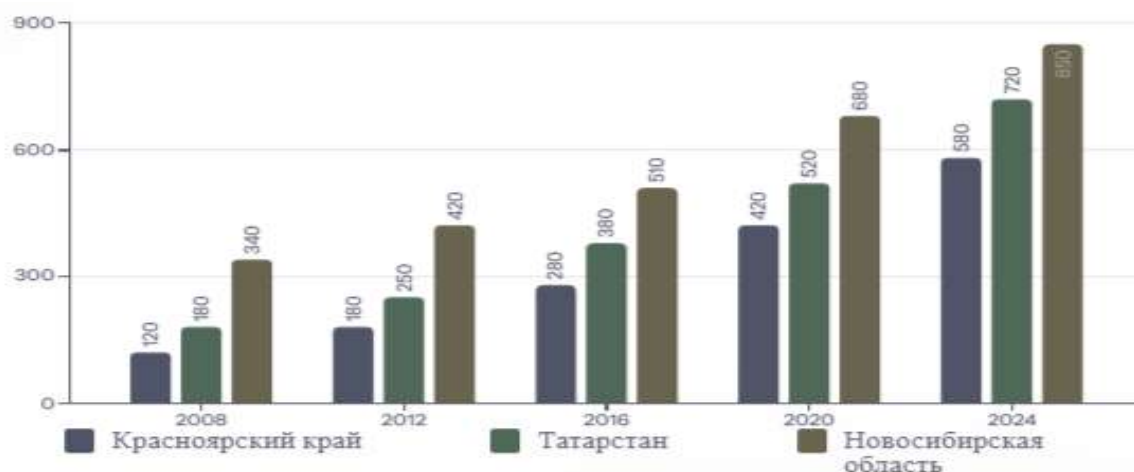

Рисунок 1. Динамика патентной активности в ведущих российских регионах (2008–2024 гг.)

Источник: составлено автором на основе [3, 10]

Таблица 3

Российские регионы как примеры формирования технологического лидерства

Красноярский край	Татарстан	Новосибирская область
Влияние инвестиций в НИОКР и образования на рост патентной активности [5]. Регион демонстрирует успешную модель интеграции промышленного потенциала с инновационными технологиями, создавая основу для долгосрочного технологического лидерства.	Цифровизация и развитие инновационных кластеров[6]. Республика успешно сочетает традиционные отрасли с новыми технологическими направлениями, создавая диверсифицированную инновационную экосистему.	Академгородок как пример успешной концентрации научного потенциала. Регион использует свои преимущества в фундаментальной науке для развития прикладных исследований и коммерциализации технологий.

Источник: составлено автором на основе [5,6]

При этом важно отметить, что на сегодняшний день не существует единой универсальной модели технологического лидерства. Однако можно выделить общие тенденции и различия:

Роль государства: В США и Европе государство создает благоприятные условия и рамки, в то время как в Китае и азиатских странах оно играет более активную, директивную роль в стратегическом планировании и инвестициях.

Предпринимательская культура: Силиконовая долина выделяется своей уникальной культурой риска и высокой доступностью венчурного капитала,

тогда как в Европе и Азии акцент часто делается на корпоративные инновации и стабильность.

Университеты и исследования: Во всех успешных моделях университеты являются ключевыми центрами генерации знаний и подготовки кадров, но степень их интеграции с промышленностью варьируется.

Кластерный подход: Создание специализированных кластеров и экосистем (например, Бостон, Эйнховен, Синьчжу) является общим эффективным механизмом для концентрации ресурсов и синергии.

Гибкость и адаптация: Способность регионов к быстрой адаптации к меняющимся технологическим трендам (Шэньчжэнь, Хельсинки) является критически важной.

В целом, на основе международного опыта российские регионы могут извлечь следующие уроки для достижения технологического лидерства:

1. *Стратегическая специализация:* Определить несколько ключевых отраслей или технологических направлений, исходя из существующих конкурентных преимуществ и потенциала роста, как это сделано в Сингапуре или Бостоне.

2. *Инвестиции в человеческий капитал:* Развитие тесных связей между университетами, колледжами и индустрией для подготовки высококвалифицированных кадров, а также привлечение и удержание талантов (как в Остине или Сеуле).

3. *Развитие инновационной экосистемы:* Создание благоприятных условий для стартапов, развитие венчурного финансирования, сети бизнес-инкубаторов и акселераторов, поощрение предпринимательского риска (опыт Силиконовой долины).

4. *Поддержка кластеров и кооперации:* Стимулирование формирования и развития промышленных и научно-производственных кластеров, обеспечивающих синергию между крупными предприятиями, МСП, университетами и исследовательскими центрами (Баден-Вюртемберг, Эйнховен).

5. *Государственная поддержка и инфраструктура:* Целенаправленная государственная политика, включающая гранты, налоговые льготы и инвестиции в высокотехнологичную инфраструктуру, особенно на ранних стадиях развития новых отраслей (пример Китая).

6. *Международная интеграция:* Активное участие в международных технологических партнерствах, привлечение иностранных инвестиций и интеграция в глобальные цепочки создания стоимости для доступа к передовым технологиям и рынкам.

2. Влияние государственной политики и институтов на технологическое лидерство

Институциональная среда играет критически важную роль в формировании условий для технологического лидерства. Эффективное государственное регулирование должно обеспечивать баланс между поддержкой инноваций и созданием конкурентной среды, стимулирующей частные инвестиции в исследования и разработки. Рисунок 2 наглядно демонстрирует, как технологические преимущества, рыночные факторы, государственная поддержка и региональные особенности взаимодействуют друг с другом, формируя основу для отраслевого лидерства.

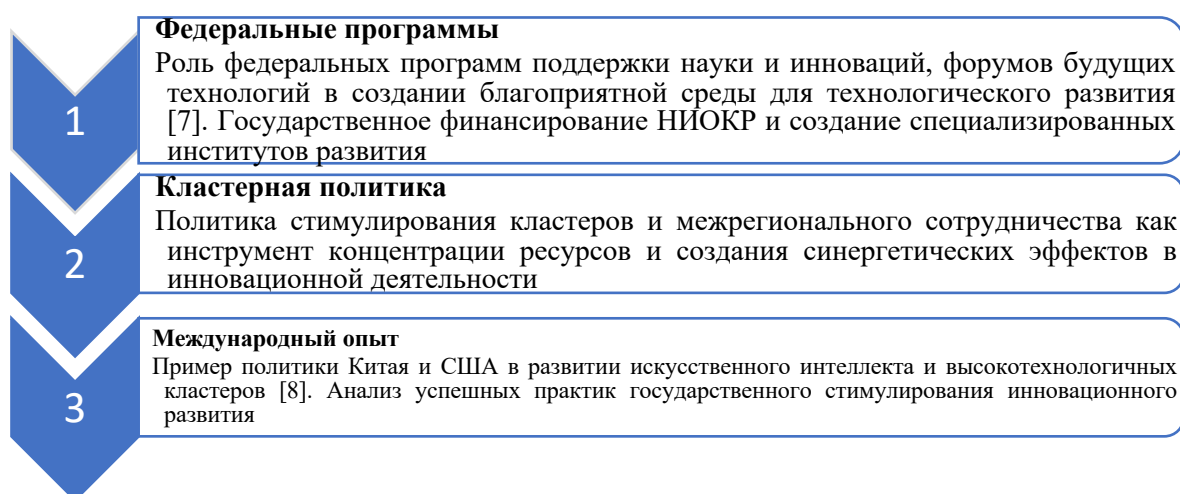

Рисунок 2. Ключевые факторы формирования многополярности отраслей:
модель взаимодействия

Источник: составлено автором

Международный опыт показывает, что наиболее успешные модели государственной поддержки технологического развития сочетают прямое финансирование приоритетных направлений с созданием благоприятного инвестиционного климата и развитием человеческого капитала. Особое значение имеет координация различных уровней власти и согласование интересов государства, бизнеса и научного сообщества.

3. Механизмы формирования многополярности отраслей

Технологические преимущества и рыночные факторы, формирующие региональные лидирующие отрасли, определяются сложным взаимодействием исторических предпосылок, ресурсной базы, человеческого капитала и институциональных условий [9]. Успешные регионы демонстрируют способность адаптировать свои традиционные преимущества к новым технологическим возможностям.

Таблица 4

Ключевые факторы регионального технологического лидерства

Фактор	Влияние на лидерство	Примеры регионов
Научный потенциал	Высокое	Новосибирская обл., Москва
Промышленная база	Среднее	Татарстан, Свердловская обл.
Инвестиционный климат	Высокое	Санкт-Петербург, Калуга
Человеческий капитал	Критическое	Москва, Томск
Инфраструктура	Среднее	Красноярский край

Источник: составлено автором на основе [10]

Влияние спроса, нормативных условий и технологических возможностей на формирование региональных лид-рынков создает уникальные конфигурации конкурентных преимуществ [10]. Регионы, способные эффективно комбинировать эти факторы, получают возможность стать лидерами в определенных технологических нишах глобального рынка.

4. Вызовы и риски многополярного технологического развития

На современном этапе многополярного технологического развития можно выделить следующие риски:

- *Неравномерность развития*: Неравномерность инновационного развития и риски технологического отставания отдельных регионов создают серьезные вызовы для национальной конкурентоспособности [11]. Концентрация инновационной активности в ограниченном числе регионов усиливает территориальные диспропорции.

- *Проблемы координации*: Сложности координации и интеграции различных инновационных экосистем препятствуют эффективному использованию национального научно-технического потенциала и создают барьеры для трансфера технологий.

- *Ресурсные ограничения*: Ограниченность финансовых и человеческих ресурсов затрудняет одновременное развитие всех потенциально перспективных технологических направлений, требуя тщательного выбора приоритетов.

Глобальная технологическая конкуренция создает дополнительные риски для регионов, не успевающих адаптироваться к быстро меняющимся условиям. Особую опасность представляет возможность технологической зависимости от зарубежных поставщиков критически важных технологий и компонентов.

Управление рисками многополярного технологического развития требует комплексного подхода, включающего диверсификацию технологического портфеля, развитие межрегиональной кооперации и создание механизмов быстрой адаптации к технологическим изменениям [11].

5. Перспективы развития технологического лидерства в условиях глобальной конкуренции

Тенденции цифровой трансформации и возрастающая роль искусственного интеллекта кардинально меняют природу технологического лидерства, создавая новые возможности для регионов, способных эффективно адаптироваться к цифровой экономике [12]. Конвергенция различных

технологических направлений открывает перспективы для создания принципиально новых отраслей и рынков.

2025-2027: Массовое внедрение ИИ в традиционные отрасли, развитие квантовых технологий.

2028-2030: Формирование новых технологических кластеров, углубление международной специализации.

2031-2035: Становление полностью цифровых экосистем, переход к устойчивым технологиям.

Значение межрегиональных и международных сетей сотрудничества будет только возрастать, поскольку сложность современных технологий требует объединения усилий различных участников инновационного процесса. Успешные регионы будущего должны развивать способности к эффективному участию в глобальных цепочках создания стоимости.

Прогнозы развития отраслевой многополярности указывают на дальнейшую диверсификацию технологического ландшафта с возникновением новых центров специализации. Ключевыми трендами станут биоэкономика, циркулярная экономика, космические технологии и нейротехнологии, создающие возможности для формирования новых полюсов технологического развития [13].

Таким образом, в качестве практических рекомендации для региональной политики и бизнеса можно предложить следующий алгоритм действий:

1. *Формирование инновационных кластеров.* Создание специализированных инновационных кластеров с учетом отраслевой специфики и конкурентных преимуществ региона. Важно обеспечить критическую массу участников и развитую инфраструктуру поддержки.

2. *Инвестиции в человеческий капитал.* Приоритетные инвестиции в образование и подготовку научных кадров, соответствующих потребностям высокотехнологичных отраслей. Развитие системы непрерывного обучения и переквалификации.

3. *Трансфер технологий.* Развитие эффективных механизмов поддержки трансфера технологий и коммерциализации инноваций, включая создание технопарков, бизнес-инкубаторов и венчурных фондов.

При этом для регионального управления будет эффективно:

- разработка долгосрочной стратегии технологического развития;
- создание благоприятного инвестиционного климата;
- развитие инфраструктуры инноваций;
- поддержка малых и средних высокотехнологичных предприятий.

В свою очередь в качестве рекомендаций для бизнеса можно выделить следующие:

- увеличение инвестиций в НИОКР;
- развитие партнерств с научными организациями;
- участие в международных проектах;
- создание корпоративных венчурных программ.

Успешная реализация этих рекомендаций требует координации усилий всех заинтересованных сторон и долгосрочного планирования с учетом глобальных тенденций технологического развития.

Заключение

Многополярность отраслей является ключевым фактором формирования технологического лидерства в современном мире, создавая новые возможности для регионального развития и одновременно ставя сложные задачи координации и управления инновационными процессами.

Проведенное исследование показывает, что эффективное сочетание государственной поддержки, развитого научного потенциала и благоприятных рыночных условий позволяет регионам и странам занимать лидирующие позиции в отдельных технологических нишах. Российский опыт демонстрирует как успешные примеры формирования региональных центров технологического развития, так и вызовы, связанные с неравномерностью инновационного развития территорий.

В условиях усиливающейся глобальной конкуренции и ускорения технологических изменений необходим комплексный подход к развитию инновационных систем с учетом отраслевой и региональной специфики. Будущее технологического лидерства будет определяться способностью регионов адаптироваться к цифровой трансформации, развивать человеческий капитал и эффективно участвовать в глобальных инновационных сетях.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования полученных результатов для совершенствования региональной инновационной политики и стратегий развития высокотехнологичных кластеров в российских регионах.

Список литературы

1. Сизова Д.А. Анализ и оценка перспектив формирования добавленной стоимости высокотехнологичных отраслей в глобальной экономике. // Международная торговля и торговая политика. 2024. Т. 10. № 4 (40). С. 28-41.
2. Наука в России: стратегические приоритеты и будущее регионов / РосКонгресс. — 2025. — URL: <https://roscongress.org/materials/nauka-v-rossii-kak-strategicheskiy-prioritet-peredovye-regiony-rossii-delayut-stavku-na-budushchie-t> (дата обращения: 04.10.2025).
3. Latynina A., Ryzhkova O., Mikhailova S.V. Leadership in Innovation: A Case of the High-Tech Sector in the Krasnoyarsk Krai // Proceedings of ICSEAL-6. — 2019. — P. 125–135.
4. Losacker S., Liefner I. Regional lead markets for environmental innovation // Journal of Cleaner Production. — 2020.
5. Khalimova S. Assessment of the inequality of innovative development in the regions of Russia // Regional Studies, Regional Science. — 2020.
6. Porter M.E. The Competitive Advantage of Nations. — New York: Free Press, 1990. — 855 p.
7. Freeman C. Technology Policy and Economic Performance. — London: Pinter Publishers, 1987. — 155 p.
8. Lundvall B.-A. National Systems of Innovation: Towards a Theory of Innovation and Interactive Learning. — London: Pinter, 1992. — 342 p.
9. OECD Science, Technology and Industry Scoreboard 2024 / OECD Publishing. — Paris, 2024.
10. Федеральная служба государственной статистики РФ. Регионы России. Социально-экономические показатели. — М.: Росстат, 2025.
11. Cooke P. Regional Innovation Systems: Competitive Regulation in the New Europe // Geoforum. — 1992. — Vol. 23, No. 3. — P. 365-382.

12. Asheim B.T., Isaksen A. Regional Innovation Systems: The Integration of Local 'Sticky' and Global 'Ubiquitous' Knowledge // Journal of Technology Transfer. — 2002. — Vol. 27, No. 1. — P. 77-86.
13. Brynjolfsson E., McAfee A. The Second Machine Age: Work, Progress, and Prosperity in a Time of Brilliant Technologies. — New York: W. W. Norton & Company, 2014. — 306 p.

РЕГИОНАЛЬНАЯ И ОТРАСЛЕВАЯ ЭКОНОМИКА

Мудрова Светлана Владимировна,
д.э.н., заведующий кафедрой экономики,
оссийский экономический университет им. Г.В. Плеханова;
e-mail: mudrovas@bk.ru
Svetlana V. Mudrova,
Doctor of Economics, Head of the Department of Economics,
Plekhanov Russian University of Economics

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ В УСЛОВИЯХ
ЕДИНОГО ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОСТРАНСТВА

KEY TRENDS IN REGIONAL DEVELOPMENT WITHIN A UNIFIED
INFORMATION SPACE

Аннотация. Статья обобщает и углубляет методические подходы к мониторингу цифровизации и информатизации регионов, выделяя ключевые тренды формирования единого информационного пространства. Предложена рамка «институты — инновации — образование — ИКТ» (адаптация KEI/K4D), показаны ограничения межстрановых индексов при переносе на мезоуровень и предложены метрики межрегиональной дифференциации. На материале 2014–2021 гг. обсуждается расширенная типология регионов, институциональные «узкие места», а также управленческий дизайн пилотов и дорожная карта масштабирования.

Ключевые слова: единое информационное пространство; экономика знаний; цифровизация; KEI/K4D; DESI; IDI; межрегиональная дифференциация; человеческий капитал; интероперабельность; институциональная среда; пилоты; дорожная карта.

Abstract. The paper deepens the methodological view on monitoring regional digitalization and the unified information space. We adopt the KEI/K4D frame (institutions–innovation–education–ICT), discuss the limits of cross-country indices at the meso level, and introduce inequality gauges. Using 2014–2021 evidence, we expand the regional typology, identify institutional bottlenecks, and propose a managerial design of pilots and a scaling roadmap.

Keywords: unified information space; knowledge economy; digitalization; KEI/K4D; DESI; IDI; regional inequality; human capital; interoperability; institutional quality; pilots; roadmap.

Глава 1. Теоретико-методологические основания ЕИП

Единое информационное пространство (ЕИП) представляет собой комплекс технологических, правовых и организационных аспектов, обеспечивающих обмен данными между субъектами и интеграцию информационных сервисов. Основные характеристики ЕИП включают:

- Интероперабельность форматов и справочников,
- Правовые режимы доступа и обмена данными,
- Техническую связность сетевых и вычислительных ресурсов,
- Воспроизводимость результатов (аудит).

ЕИП не ограничивается национальными границами, а формируется в рамках экономических коридоров и вокруг ключевых инфраструктурных объектов, так называемых "узлов роста". В качестве информационной инфраструктуры, развитие ЕИП оценивается не по затратам, а по достигаемым эффектам, таким как снижение транзакционных издержек, ускорение принятия решений и повышение производительности.

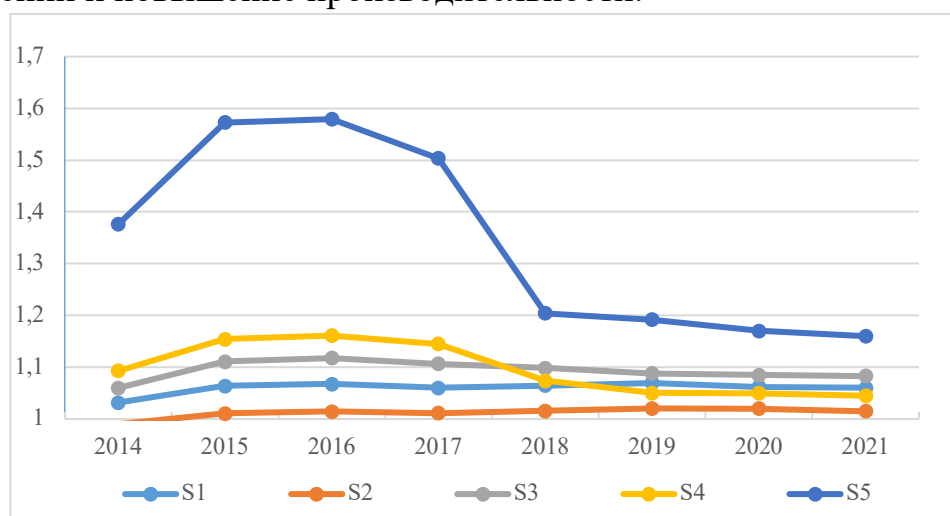

Рис. 1– Динамика секстильных коэффициентов по субиндексу «Экономические стимулы институциональная среда»

Четыре контура рамки: (S1) институты и стимулы; (S2) инновации и технологическое развитие; (S3) образование и навыки; (S4) ИКТ и данные. Каждый контур раскрывается подуровнями: для S1 — режимы данных/ИС и скорость инфорсmenta; для S2 — трансфер технологий, лицензии, прохождение TRL 4–7; для S3 — подтверждённые результаты обучения (портфолио-артефакты, стажировки) и трудоустройство по профилю; для S4 — сети, облака, edge, безопасность, наблюдаемость. Сводный индекс (KEI-Region) агрегирует субиндексы с учётом чувствительности к весам и анализом разброса.

Метрика становится управленческой, когда у неё есть «паспорт»: источник, формула, периодичность, назначение, ограничения интерпретации

и ответственный оператор. Это позволяет сопоставлять регионы, отслеживать динамику и избегать «витринных» индикаторов. Для индикаторов ЕИП целесообразны: показатели интероперабельности (доля e-документов), времени цикла (госуслуги, логистика), качества ИКТ-сервисов (SLO/SLI), кадровых исходов (занятость по профилю).

Индексы DESI/IDI полезны как ориентир по доступу/использованию ИКТ и человеческому капиталу, однако при переносе на региональный уровень они недостаточно чувствительны к институциональным практикам и трансферу. Поэтому в KEI-Region мы сохраняем сопоставимость с DESI/IDI на уровне групп показателей, но фокусируемся на эффектах и управленческой применимости.

Глава 2. Эмпирика и типология регионов (2014–2021)

Источники информации включают статистические данные в области информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), образования и инноваций, а также регистры государственных и муниципальных услуг, базы данных результатов научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (НИОКР) и результаты выборочных обследований кадров. Показатели нормализуются с использованием устойчивых процедур, таких как *robust z-scores* и *winsorization*, проводится проверка их чувствительности к весовым коэффициентам, а итоговый балл калибруется в соответствии с макроэкономическим эталоном в диапазоне от 0 до 10.

Регионы классифицируются на основе относительного индекса развития знаний и технологий (KEI-Region): стержневые регионы (>110%), знаниевые регионы I и II (100–110%), полупериферийные регионы (95–100%), периферийные регионы (90–95%) и отстающие регионы (<90%). Анализ динамики за период с 2014 по 2021 годы демонстрирует рост сводного индекса при одновременной стагнации индекса развития образования в некоторых территориях и усилении поляризации в области информационно-коммуникационных технологий. Это свидетельствует о наличии «узких мест» в институциональной среде и инфраструктуре.

Показатели	Год							
	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Средняя величина индекса экономики знаний 10 % субъектов федерации «полюс плюс»	6,1077	6,0641	6,2512	6,5283	6,5915	6,6675	6,7316	6,7512
Средняя величина индекса экономики знаний 10 % субъектов РФ «полюс минус»	4,8592	4,7575	4,8656	5,0608	5,0941	5,1288	5,1586	5,1637
Децильный коэффициент экономики знаний	1,2569	1,2746	1,2848	1,2900	1,2940	1,2981	1,2993	1,3001

Таблица 1 – Исходные данные для расчета и величина децильного коэффициента экономики знаний Российской Федерации, с 2014 по 2021 год

Наблюдается умеренно нарастающее неравенство, особенно по ИКТ; снижение разрыва требует синхронной настройки четырёх контуров.

Профили включают сильные и слабые стороны по субиндексам и управленческие рекомендации: для стержневых — масштабирование трансфера и экспорт решений; для знаниевых — связка НИОКР с рынком; для полупериферии — выравнивание ИКТ и институтов; для периферии/отстающих — базовая инфраструктура и кадры.

Группа субъектов Российской Федерации	Субъекты Российской Федерации	Индекс экономики знаний субъекта Российской Федерации
Стержневые знаниевые регионы	Санкт-Петербург; Республика Татарстан; г. Москва; Московская область	Больше 110 % от российского индекса экономики знаний
Знаниевые регионы I степени	Кемеровская область; Самарская область; Чувашская Республика; Ленинградская область; Хабаровский край; Новосибирская область; Ярославская область; Калининградская область; Республика Башкортостан; Ростовская область; Иркутская область; Нижегородская область; Курганская область	От 105 % до 110 % от российского индекса экономики знаний
Знаниевые регионы II степени	Приморский край; Астраханская область; Саратовская область; Калужская область; Кировская область; Омская область; Республика Крым; Свердловская область; Пермский край; Волгоградская область; Смоленская область; Пензенская область; Ульяновская область; Курская область;	От 100 % до 105 % от российского индекса экономики знаний

Группа субъектов Российской Федерации	Субъекты Российской Федерации	Индекс экономики знаний субъекта Российской Федерации
	Вологодская область; Псковская область; Липецкая область; Республика Мордовия; г. Севастополь; Тульская область; Тюменская область	
Полупериферийные знаниевые регионы	Республика Марий Эл; Тамбовская область; Белгородская область; Брянская область; Удмуртская Республика; Воронежская область; Республика Адыгея; Новгородская область; Владимирская область; Архангельская область; Орловская область; Ставропольский край; Томская область; Республика Калмыкия; Оренбургская область; Республика Тыва; Челябинская область; Чеченская Республика; Республика Северная Осетия – Алания; Красноярский край; Республика Бурятия; Республика Коми; Республика Ингушетия; Ханты-Мансийский автономный округ – Югра; Костромская область; Мурманская область; Республика Дагестан; Республика Хакасия; Рязанская область; Краснодарский край; Ивановская область; Республика Карелия	От 95 % до 100 % от российского индекса экономики знаний
Периферийные знаниевые регионы	Магаданская область; Тверская область; Кабардино-Балкарская Республика; Сахалинская область; Республика Алтай; Алтайский край; Республика Саха (Якутия); Ямало-Ненецкий автономный округ; Забайкальский край; Еврейская автономная область; Амурская область; Чукотский автономный округ	От 90 % до 95 % от российского индекса экономики знаний
Отстающие в экономике знаний регионы	Карачаево-Черкесская Республика; Камчатский край; Ненецкий автономный округ.	Менее 90 % от российского индекса экономики знаний

Таблица 2- Классификация российских регионов по уровню развития информационно-знаниевых ресурсов, динамические данные за период с 2014 по 2021 год

Стержневые: экспорт трансфера; Знаниевые I–II: ускорение коммерциализации; Полупериферия: устранение «узких мест»; Периферия/отстающие: инфраструктура, кадры, базовые ИКТ.

Даже при росте ИКТ и инноваций слабые институты (защита ИС, качество процедур) гасят комплексный эффект. В образовании фиксируется разрыв между дипломом и подтверждёнными компетенциями; в инфраструктуре — высокая стоимость доступа и задержки цифровизации госуправления. Решение лежит в синхронной политике четырёх контуров и «петле доказательности» для пилотов.

Глава 3. Управленческий дизайн и дорожная карта

Устанавливаются SLO/SLI/SLA для ключевых ИКТ-сервисов; для каждого KPI создаётся «паспорт показателя»; ссылки в тексте оформляются в квадратных скобках: [2, с. 15].

Алгоритм: гипотеза — пилот — независимое измерение — масштабирование/остановка. Сквозные отрасли: логистика (машиночитаемые документы, ETA), промышленность 4.0 (телеметрия, цифровые двойники), энергетика (гибкость спроса/генерации), финтех/ВЭД (е-доверенности, совместимые KYC/KYB). KPI: время на границе и вариативность ETA; OEE, брак, энергия/ед.; отклонение от целевой кривой; «счёт→оплата» и стоимость комплаенса.

Этап I (0–6 мес.): инвентаризация показателей, паспорта, базовые е-документы. Этап II (6–18 мес.): пилоты в 3–4 отраслях, публикация SLO, запуск «паспортов навыков». Этап III (18–36 мес.): масштабирование успешных решений, межрегиональная интероперабельность, экспорт лучших практик. Финальная метрика успеха — не число внедрений, а прирост TFP, скорость цикла и доля коммерциализации НИОКР.

Заключение

Единое информационное пространство (ЕИП) формирует управленческую основу для преобразования данных в эффективность. Анализ за период с 2014 по 2021 годы демонстрирует поляризацию: «полюса роста» внедряют цифровую инфраструктуру быстрее, чем периферийные регионы. Различия фиксируются в информационно-коммуникационных технологиях

(ИКТ) и регуляторных практиках, что способствует стагнации образовательного субиндекса.

Для перехода к управлению, ориентированному на достижение результатов, необходимо настроить четыре контура: институциональный, инновационный, образовательный и ИКТ, а также институционализировать измерения через систему «паспортов показателей». Это снижает транзакционные издержки и ускоряет внедрение решений. Ключевые показатели эффективности (KPI) и индикаторы уровня сервиса (SLI/SLO) для основных сервисов ЕИП устанавливают стандарты качества, а публичные панели мониторинга обеспечивают прозрачность и подотчётность.

Дорожная карта на период от 12 до 36 месяцев включает: разработку единого языка метрик, проведение отраслевых пилотных проектов с публичными KPI, масштабирование успешных кейсов и создание межрегиональных шлюзов интероперабельности. Масштабирование осуществляется на основе эмпирических данных, а не политических приоритетов.

Среди ограничений можно выделить: уточнение причинно-следственных связей через квази-экспериментальные исследования, обеспечение качества данных и предотвращение монополизации рынка со стороны поставщиков (вендорского замыкания). Эти ограничения определяют направления дальнейших исследований.

Стратегическая цель заключается в формировании «канала передачи» знаний между центральными и периферийными регионами, что превращает ЕИП в инфраструктуру экономики знаний с чёткими метриками успеха и прозрачными правилами.

Список источников и литературы

1. Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации». Нормативные и аналитические материалы (2017–2024). URL: [вставить] (дата обращения: [вставить]).
2. [Авторский корпус материалов по KEI-Region, 2014–2021]: методика, классификация, расчёты (Прил. В–Ж).
3. World Bank Institute. The Knowledge Economy, the KAM Methodology and World Bank Operations. Washington, DC: WBI, [год].
4. International Telecommunication Union. Measuring the Information Society (IDI methodology). Geneva: ITU, [год].
5. European Commission. Digital Economy and Society Index (DESI): Methodological Notes. Brussels: EC

Сизова Татьяна Владимировна

К.э.н., доцент кафедры финансов устойчивого развития,
«Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова»,
E-mail: Stv-60@yandex.ru

Сизова Дарина Александровна

К.э.н., доцент базовой кафедры экономического анализа и
корпоративного управления производством и экспортом
высокотехнологичной продукции Государственной корпорации «Ростех»,
«Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова»,
E-mail: Darina3@yandex.ru

Sizova Tatiana Vladimirovna

PhD of economics, Associate Professor of the
Department of Finance of Sustainable Development,
Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia
E-mail: Stv-60@yandex.ru

Sizova Darina Alexandrovna

PhD of economics, Associate Professor of the
Basic Department of Economic Analysis and Corporate Management of
Production and Export of High-tech Products of the Rostec State Corporation,
Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia
E-mail: Darina3@yandex.ru

**ПОВЫШЕНИЕ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ И БЛАГОСОСТОЯНИЯ
НАСЕЛЕНИЯ КАК НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИНТЕРЕС РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ НА ПРИМЕРЕ СЕВЕРО-КАВКАЗСКОГО
ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА**

**IMPROVING THE QUALITY OF LIFE AND WELL-BEING OF THE
POPULATION AS A NATIONAL INTEREST OF THE RUSSIAN
FEDERATION ON THE EXAMPLE OF THE NORTH CAUCASUS
FEDERAL DISTRICT**

Аннотация: Понятие уровня жизни занимает центральное место в системе социально-экономических категорий и отражает степень соответствия между потребностями населения и возможностью их удовлетворения. Этот показатель зависит от наличия и доступности материальных ресурсов и услуг, а также от уровня фактического потребления и удовлетворения обоснованных потребностей граждан. Целью данной статьи является анализ и оценка уровня жизни населения регионов Северо-Кавказского Федерального Округа. Научная актуальность представленной публикации заключается в разработке предложений по повышению уровня жизни данного региона. Практическая значимость исследования заключается в разработке рекомендаций, направленных на повышение качества жизни

населения в системе обеспечения экономической безопасности анализируемого региона.

Ключевые слова: уровень жизни, благосостояние населения, уровень бедности, экономическая безопасность, Северо-Кавказский Федеральный Округ (СКФО).

Abstract: The concept of standard of living occupies a central place in the system of socio-economic categories and reflects the degree of correspondence between the needs of the population and the possibility of meeting them. This indicator depends on the availability and accessibility of material resources and services, as well as on the level of actual consumption and satisfaction of reasonable needs of citizens. The purpose of this article is to analyze and assess the standard of living of the population of the regions of the North Caucasus Federal District. The scientific novelty of the publication lies in the development of proposals to improve the standard of living in the region.

Keywords: standard of living, welfare of the population, poverty level, economic security, North Caucasus Federal District (NCFD).

1. Введение

Улучшение жизненного уровня создает предпосылки для повышения качества жизни, поскольку предоставляет населению больше ресурсов и возможностей. Понятие качества жизни включает в себя не только материальное благополучие, но и успешную реализацию личных целей, жизненных стратегий и внутреннее ощущение удовлетворенности. Анализ и измерение качества жизни населения приобретают особую значимость в контексте оценки результативности социально-экономических реформ. Своевременное исследование данного показателя необходимо для принятия эффективных управленческих решений, направленных на улучшение условий жизни граждан. Таким образом, благосостояние населения и уровень его жизни определяют как социальную стабильность внутри страны, так и ее международный имидж. Именно поэтому повышение жизненного уровня выступает одной из важнейших задач социально-экономической политики и одним из приоритетов государства в контексте формирования справедливой системы оплаты труда и доходов населения. При этом достижение поставленных целей напрямую связано с увеличением валового внутреннего продукта и справедливым его распределением как на макроуровне, так и среди

отдельных категорий граждан. В практике социально-экономического анализа наблюдается устойчивая закономерность: чем выше показатели качества жизни, тем более благоприятное экономическое положение наблюдается в соответствующем регионе или стране.

Для решения задач, поставленных перед данным исследованием авторами, используется следующий комплекс взаимодополняемых методов: сравнения, анализа и синтеза, а также методов экономического анализа, анализа статистических данных, графического и др.

Информационная база строится на основе нормативно – правовых документов, регулирующих уровень жизни населения: Конституции Российской Федерации, указах президента, федеральных и региональных законах, а также данных таких учреждений и ведомств, как Министерство экономического развития; Министерство здравоохранения Российской Федерации; Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации.

2. Анализ и оценка показателей уровня жизни населения в системе экономической безопасности регионов СКФО

Северо-Кавказский федеральный округ (СКФО) был создан 19 января 2010 года и включает семь субъектов: Республику Дагестан (РД), Республику Ингушетия (РИ), Кабардино-Балкарскую Республику (КБР), Карачаево-Черкесскую Республику (КЧР), Республику Северная Осетия-Алания (РСО-А), Чеченскую Республику (ЧР) и Ставропольский край (СК). Общая площадь округа составляет 170,5 тысячи квадратных километров. На 1 января 2024 года население СКФО составляет 10,2 миллиона человек, из которых 49,08% живут в городах, а 50,92% – в сельских районах [7].

Главные отрасли экономики этой территории включают в себя машиностроение, пищевую промышленность, добычу угля, переработку нефти, сельское хозяйство и развивающийся оздоровительный туризм [1].

Однако регион на протяжении длительного времени сталкивается с рядом структурных проблем, которые тормозят его стабильное развитие: значительная доля теневой экономики и неформальной занятости, высокая зависимость от дотаций, а также недостаточно развитый реальный сектор экономики [2]. Одной из самых значительных демографических проблем в России является уменьшение численности населения.

В 2016–2024 гг. на фоне устойчивого естественного убытия населения в целом по России, регионы СКФО демонстрируют положительную динамику. Лидерами по приросту остаются Чечня, Дагестан и Ингушетия. Однако во всех субъектах, кроме Чечни и Дагестана, наблюдается снижение темпов роста. Особенно тревожна динамика в Северной Осетии, где в 2024 году прирост стал отрицательным, что требует демографических мер поддержки (табл. 1).

Таблица 1

Динамика естественного прироста населения (чел. на 1000 населения)

Регион	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024
Российская Федерация	-3,8	-3,5	-3,7	-4,0	-4,1	-3,8	-4,1	-3,3	-3,4
Чеченская Республика	13,5	13,7	14,1	14,3	13,7	14,6	15,4	15,4	15,3
Республика Дагестан	8,0	7,9	7,8	7,9	8,7	8,5	8,2	8,6	8,0
Ставропольский край	-3,0	-2,9	-3,6	-3,4	-3,2	-3,3	-3,1	-3,2	-3,1
Республика Ингушетия	13,7	13,5	13,3	13,1	12,9	12,7	12,5	12,3	12,1
Кабардино-Балкарская Республика	4,5	4,3	4,1	3,9	3,7	3,5	3,3	3,1	2,9
Карачаево-Черкесская Республика	2,0	1,8	1,6	1,4	1,2	1,0	0,8	0,6	0,4
Республика Северная Осетия – Алания	1,5	1,3	1,1	0,9	0,7	0,5	0,3	0,1	-0,1

Источники: составлено авторами по данным [6]

Регионы СКФО демонстрируют положительную динамику в снижении уровня бедности за рассматриваемый период. Наибольшее снижение наблюдается в Чеченской Республике и Республике Ингушетия, что свидетельствует об эффективных мерах социальной поддержки и экономического развития. Однако, несмотря на улучшения, уровень бедности в этих регионах остается выше среднего по России, что указывает на необходимость продолжения целенаправленной политики по снижению бедности и повышению уровня жизни населения (табл. 2).

Таблица 2

Динамика уровня бедности

Регион	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024
Российская Федерация	13,3	12,9	12,6	12,3	13,1	11,0	9,0	8,5	8,3
Чеченская Республика	34,2	33,1	30,5	28,2	24,5	22,2	19,1	17,4	17,3
Республика Дагестан	18,0	17,2	16,0	15,1	13,2	13,0	12,7	12,8	12,7
Ставропольский край	13,9	13,5	12,8	12,2	11,9	11,5	11,2	11,3	11,3
Республика Ингушетия	32,5	31,8	30,2	28,7	27,0	25,5	23,9	22,4	21,0
Кабардино-Балкарская Республика	26,3	25,3	24,9	24,0	23,2	22,5	21,7	21,0	20,3
Карачаево-Черкесская Республика	24,5	23,8	23,0	22,2	21,5	20,8	20,0	19,3	18,6
Республика Северная Осетия – Алания	21,0	20,2	19,5	18,8	18,1	17,4	16,7	16,0	15,3

Источники: составлено авторами по данным [5]

Регионы СКФО демонстрируют положительную динамику в снижении уровня безработицы за рассматриваемый период.

Наибольшее снижение наблюдается в Чеченской Республике и Республике Дагестан, что свидетельствует о эффективных мерах по стимулированию занятости и экономического развития.

Однако, несмотря на улучшения, уровень безработицы в этих регионах остается выше среднего по России, что указывает на необходимость продолжения целенаправленной политики по снижению безработицы и повышению уровня занятости населения(табл. 3).

Таблица 3

Динамика уровня безработицы (%)

Регион	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024
Российская Федерация	5,5	5,2	4,8	4,6	5,8	5,0	4,5	4,0	3,5
Чеченская Республика	13,5	12,8	12,0	11,5	18,5	16,0	13,0	5,8	4,2
Республика Дагестан	13,0	12,5	12,0	11,5	15,7	14,0	12,5	7,9	5,3
Ставропольский край	5,0	4,8	4,5	4,3	6,2	5,5	4,8	4,2	3,8
Республика Ингушетия	30,5	29,0	27,5	26,0	25,0	24,0	22,0	20,0	18,0
Кабардино-Балкарская Республика	16,9	16,0	15,5	15,0	14,5	14,0	13,5	13,0	12,5
Карачаево-Черкесская Республика	21,5	20,0	19,0	18,0	17,0	16,0	15,0	14,0	13,0
Республика Северная Осетия – Алания	14,2	13,5	13,0	12,5	12,0	11,5	11,0	10,5	10,0

Источники: составлено авторами по данным [6]

Регионы СКФО демонстрируют положительную динамику в росте реальной среднемесячной заработной платы за рассматриваемый период. Наибольший рост наблюдается в Чеченской Республике и Республике Дагестан, что свидетельствует о эффективных мерах по стимулированию

экономического развития и повышения доходов населения. Однако, несмотря на улучшения, уровень заработной платы в этих регионах остается ниже среднего по России, что указывает на необходимость продолжения целенаправленной политики по повышению доходов населения и сокращению региональных диспропорций (табл. 4).

Таблица 4

Темпы роста реальной среднемесячной заработной платы (% к предыдущему году)

Регион	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024
Российская Федерация	100	102,9	106,8	102,9	101,5	102,0	99,0	107,8	104,5
Чеченская Республика	97,0	103,2	110,0	104,5	92,0	101,0	98,0	104,7	104,0
Республика Дагестан	98,5	104,0	107,3	103,6	99,0	101,8	95,6	103,3	102,8
Ставропольский край	99,0	102,7	105,1	102,8	97,5	101,2	97,5	105,7	103,5
Республика Ингушетия	95,0	103,0	106,0	104,0	98,0	100,5	97,0	103,5	102,5
Кабардино-Балкарская Республика	96,5	102,5	105,5	103,0	97,0	101,0	96,0	104,0	103,0
Карачаево-Черкесская Республика	97,0	103,0	106,0	103,5	98,5	101,5	97,5	104,5	103,5
Республика Северная Осетия – Алания	96,0	102,0	105,0	102,5	97,5	100,5	96,5	103,0	102,0

Источники: составлено авторами по данным [6]

Регионы СКФО демонстрируют устойчивый рост промышленного производства в течение рассматриваемого периода. Наибольшие темпы роста наблюдаются в Республике Дагестан и Чеченской Республике, что свидетельствует о положительной динамике в развитии промышленного сектора. Ставропольский край показывает умеренные темпы роста, что может быть связано с особенностями региональной экономики. В целом, положительная динамика индекса промышленного производства в регионах СКФО указывает на эффективные меры по стимулированию промышленного развития и повышения экономической активности (табл. 5).

Таблица 5

Динамика индекса промышленного производства

Регион	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024
Российская Федерация	101,3	102,1	102,9	102,3	97,0	105,3	99,4	103,5	102,1
Чеченская Республика	107,2	106,8	107,5	104,4	101,1	108,7	105,6	105,5	106,2
Республика Дагестан	106,4	107,0	106,2	105,7	102,0	107,3	108,5	114,4	110,0
Ставропольский край	98,7	100,2	101,5	99,8	95,6	103,9	99,1	102,2	103,0
Республика Ингушетия	105,0	106,5	107,0	104,0	100,5	106,0	104,5	105,0	106,0
Кабардино-Балкарская Республика	102,0	103,5	104,0	102,5	98,0	104,5	103,0	104,0	105,0
Карачаево-Черкесская Республика	103,0	104,0	105,0	103,0	99,0	105,0	103,5	104,5	105,5

Республика Северная Осетия – Алания	101,5	102,5	103,0	101,0	97,5	103,5	102,0	103,0	104,0

Источники: составлено авторами по данным [6]

Анализ показывает, что наибольший рост промышленного производства в 2016–2024 гг. наблюдался в Республике Дагестан, особенно в 2023 году (114,4%), что указывает на активное развитие промышленного сектора. Чеченская Республика также демонстрирует стабильный рост выше среднего по РФ. В Ставропольском крае и РФ в целом рост менее выражен, с заметным спадом в 2020 году из-за пандемии и восстановлением в последующие годы.

Дополнительно следует отметить, что Республика Дагестан демонстрирует отставание по ряду ключевых макроэкономических параметров: в сфере строительства, по уровню безработицы, а также по индексу вложений в основной капитал. В Ставропольском крае также фиксируется ряд проблем, связанных с низкими объемами капитальных инвестиций и недостаточным промышленным потенциалом. Данные обстоятельства подчеркивают необходимость активизации инвестиционной деятельности и создания новых рабочих мест, как основы повышения уровня благосостояния населения.

Далее рассмотрим индикаторы уровня качества жизни населения СКФО за 2024 год и их соответствие пороговым значениям (табл. 6).

Анализ ключевых социально-экономических показателей субъектов Северо-Кавказского федерального округа свидетельствует о существенной неоднородности качества жизни населения в региональном разрезе. Среди исследуемых индикаторов лишь немногие регионы достигают установленных пороговых значений по большинству параметров. Наиболее благоприятная ситуация наблюдается в Ставропольском крае, который демонстрирует превышение пороговых значений по таким критически важным показателям, как индекс человеческого развития (0,810), уровень среднемесячного дохода на душу населения (38 000 руб.), цифровая грамотность (68%) и охват среднего общего образования (97%).

Чеченская Республика также демонстрирует устойчивые положительные тенденции в социальной сфере — в частности, низкий уровень бедности (9,5%), удовлетворительный уровень занятости и высокие значения ожидаемой продолжительности жизни.

Таблица 6

Индикаторы уровня жизни населения в регионах СКФО (2024 год)

№	Индикатор	Пороговое значение	ЧР	РД	СК	РИ	РБР	КЧР	РСОА
1	Доля населения за чертой бедности (%)	≤ 10%	9,5%	10,2%	11,0%	10,5%	10,8%	11,2%	10,7%
2	Среднемесячный доход на душу населения (руб.)	≥ 35 000	32000	31500	38000	30000	31000	30500	32500
3	Уровень безработицы (%)	≤ 6%	5,5%	6,2%	5,0%	6,5%	6,0%	6,3%	5,8%
4	Доля расходов на питание (%)	≤ 35%	34%	35%	33%	36%	35%	36%	34%
5	Обеспеченность жильём (м ² на человека)	≥ 18 м ²	20,1	19,5	21,0	18,5	19,0	18,8	19,2
6	Продолжительность жизни (лет)	≥ 72	74,2	75,1	73,4	75,5	75,0	74,7	75,0
7	Уровень младенческой смертности (на 1000 живорожд.)	≤ 6,5	5,8	6,0	6,2	5,5	5,9	6,1	5,7
8	Расходы на здравоохранение (% от ВРП)	≥ 5%	5,2%	5,0%	5,5%	5,1%	5,3%	5,2%	5,4%
9	Уровень образования (охват среднего общего, %)	≥ 95%	96%	95%	97%	94%	95%	94%	96%
10	Индекс Джини	≤ 0,40	0,38	0,39	0,37	0,40	0,39	0,40	0,38
11	Уровень цифровой грамотности (%)	≥ 65%	66%	65%	68%	64%	65%	64%	66%
12	Индекс человеческого развития (ИЧР)	≥ 0,800	0,790	0,785	0,810	0,780	0,785	0,782	0,788

Источник: составлено авторами по данным [6, 8]

В то же время такие республики, как Ингушетия и Карачаево-Черкесия, сохраняют наиболее уязвимое положение по ряду показателей: низкий уровень доходов, высокая безработица, высокая доля расходов на питание, отставание в цифровой грамотности и охвате образованием. Это указывает на наличие устойчивых социально-экономических диспропорций, обусловленных как структурными ограничениями региональной экономики, так и институциональными факторами.

Отдельного внимания заслуживают показатели здравоохранения и демографии. Все субъекты демонстрируют устойчиво низкие значения младенческой смертности и продолжительности жизни выше установленного порога (≥ 72 лет), что может свидетельствовать об относительной эффективности программ в области здравоохранения. Вместе с тем в большинстве регионов сохраняется значительный уровень бедности, что ограничивает возможности домохозяйств по реализации базовых жизненных стратегий.

Таким образом, выявленные различия в уровне и качестве жизни населения внутри округа указывают на необходимость выработки дифференцированной государственной политики, учитывающей специфические социально-экономические особенности каждого региона. Приоритетными направлениями должны стать стимулирование занятости, развитие человеческого капитала, цифровизация, а также повышение доходов населения за счёт создания устойчивых источников экономического роста.

Комплекс причин, обуславливающих текущее положение, кроется в совокупности структурных и институциональных факторов. Ключевыми барьерами выступают периферийное расположение региона, слабое развитие транспортной и производственной инфраструктуры, а также нехватка квалифицированных кадров. Преодоление указанных трудностей требует комплексного подхода, включающего не только меры по борьбе с коррупцией, но и формирование устойчивого межэтнического согласия.

Особое внимание следует уделить укреплению налоговой дисциплины, в том числе путем широкого внедрения электронных форм расчетов. Создание привлекательного инвестиционного климата за счет налоговых стимулов и предоставления преференций бизнесу должно стать приоритетом. Кроме того, важно усилить координацию между федеральным центром и органами власти на региональном и муниципальном уровнях, а также наладить конструктивное взаимодействие с деловым сообществом и гражданскими институтами. Только

при таком подходе возможно формирование прочной основы для долговременного и сбалансированного социально-экономического роста.

Таким образом, для реализации национальных целей России критически важно сосредоточиться на комплексных решениях, направленных на повышение экономической динамики и улучшение качества жизни жителей СКФО. Это обеспечит создание эффективной системы социально-экономического развития на уровне каждой республики и края, что в конечном итоге скажется на всей стране.

3. Влияние угроз экономической безопасности, определяющих риски снижения уровня жизни населения

На территории Российской Федерации отчетливо проявляется неравномерность в уровне социально-экономического развития различных субъектов, обусловленная рядом факторов – от географических и климатических до ресурсных и этнокультурных. Такая неоднородность свидетельствует об асимметрии развития регионов страны. Особенно ярко эти диспропорции выражены в пределах СКФО, где сохраняется высокая степень зависимости от централизованного бюджетного финансирования, а показатели занятости остаются на относительно низком уровне.

Несмотря на предпринимаемые меры по стимулированию социально-экономического роста, субъекты СКФО продолжают сталкиваться с серьезными вызовами в управленческой, экономической, социальной и политической сферах.

В этой связи актуализируется задача модернизации существующей стратегии развития экономики округа с учетом его уникальных особенностей и специфики. Необходима адаптация базовых положений стратегического планирования и механизмов реализации с опорой на внутренние реформы и трансформации, происходящие в стране, а также с учетом глобальных изменений в мировой экономике.

Анализ полученных данных, представленных на рисунке 1 позволяет выделить регионы с наиболее выраженными проблемами в социально-

экономической сфере. К числу таковых относятся Республика Дагестан (0,31), Чеченская Республика (0,24) и Республика Ингушетия (0,13), где зафиксирован высокий и крайне высокий уровень сложности в обеспечении устойчивого развития.

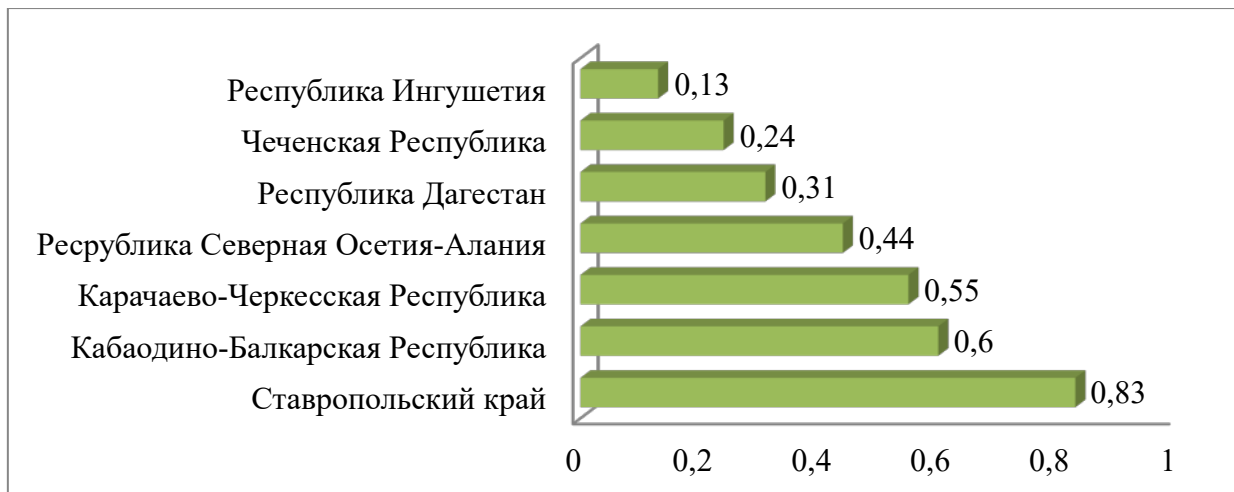

Рисунок 1 – Показатель таксономии степени проблемности социально-экономического развития по регионам СКФО в 2024 г.

Источники: составлено авторами по данным [6]

Республики Северная Осетия – Алания (0,44) и Карачаево-Черкесия (0,55) демонстрируют средние значения по шкале проблемности. В то же время Кабардино-Балкарская Республика и Ставропольский край характеризуются низким и очень низким уровнем социально-экономических затруднений, исходя из применённых критериев оценки.

К числу ключевых факторов, негативно влияющих на позиции субъектов СКФО, можно отнести: высокий уровень безработицы (особенно среди женского населения), отток трудовых ресурсов за пределы региона, слабую подготовку кадров, высокую степень зависимости от федеральных трансфертов, деградацию производственного сектора и недостаточное развитие инновационной активности предприятий [4].

С учетом вышеперечисленного, крайне важно, чтобы эти проблемы были учтены при формировании и реализации региональных программ социально-экономического роста.

Малый бизнес, как известно, играет значимую роль в мировой экономике, обеспечивая до половины глобального ВВП и формируя порядка 70% рабочих мест [10]. Однако в регионах Северного Кавказа его вклад в структуру валового регионального продукта остается на относительно низком уровне. Так, максимальная доля малого предпринимательства в ВРП была зафиксирована в Кабардино-Балкарии (38,7%), а минимальная — в Карачаево-Черкесии, где этот показатель составил 22% в 2024 году.

Ключевым сдерживающим элементом для активного продвижения предпринимательства в СКФО остается ограниченность поддержки со стороны как государственных институтов, так и представителей частного сектора и гражданских объединений (рис.2).

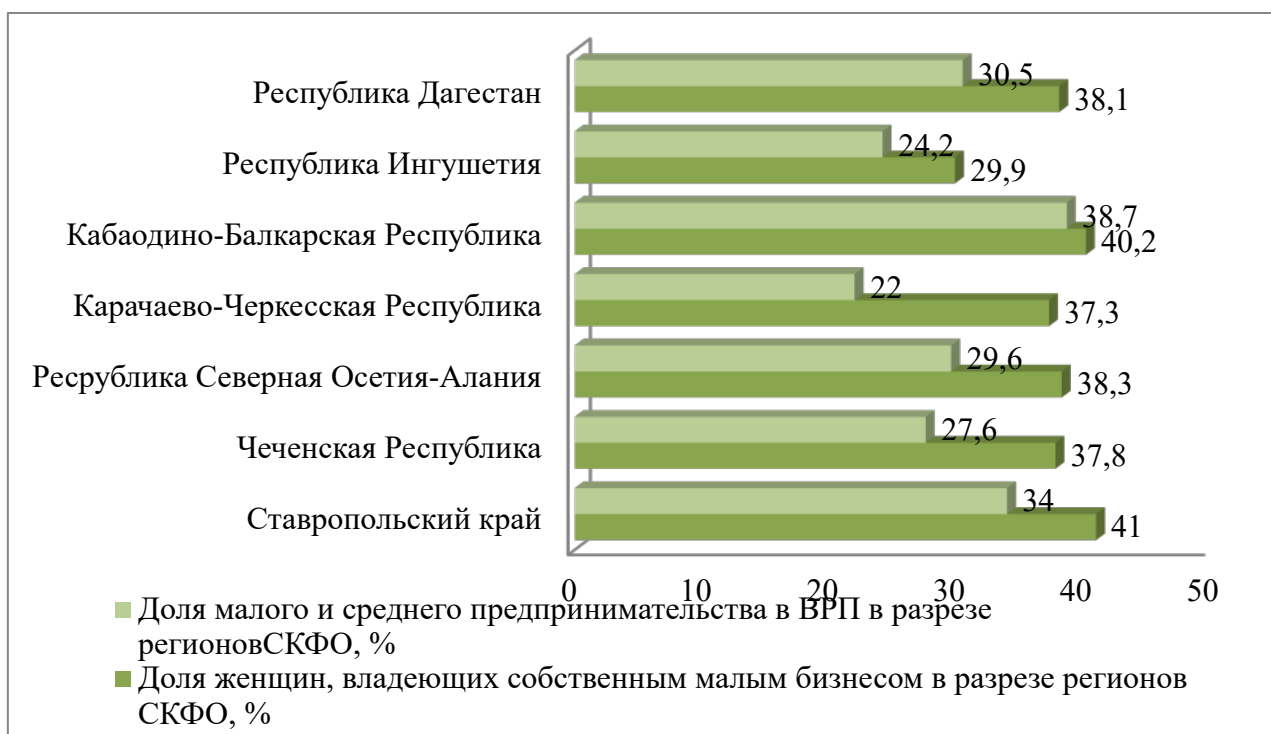

Рисунок 2 – Место малого предпринимательства в регионах СКФО в 2024 г.

Источник: составлено авторами по данным [9,11]:

Дополнительно стоит отметить существенную неоднородность в развитии предпринимательской среды внутри самого округа — между его субъектами наблюдаются выраженные различия в уровне деловой активности и доступности инфраструктуры для бизнеса (см. рис. 3).

Рисунок 3 – Число организаций, оказывающих поддержку малому бизнесу в регионах СКФО в 2024 г.

Источник: составлено авторами по данным [9]

В СКФО наблюдается неоднородность в обеспечении мер поддержки предпринимательской деятельности. Уровень доступности ресурсов и числа организаций, оказывающих помощь малым предприятиям, существенно варьируется от региона к региону. Наиболее активно эта поддержка реализуется в Чеченской Республике, Кабардино-Балкарии и Дагестане, где сформирована более развитая инфраструктура, ориентированная на содействие как начинающим, так и уже работающим предпринимателям.

В то же время, наименее благоприятная ситуация складывается в Карачаево-Черкесии – здесь действует только одна профильная структура, оказывающая помощь бизнесу. Такое ограничение создает значительные трудности для предпринимателей и может тормозить развитие деловой активности в регионе. Существенной проблемой также остается отсутствие микрофинансовых институтов в ряде субъектов СКФО – в частности, в Ингушетии, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии и Ставропольском крае. Это обстоятельство серьезно ограничивает доступ малых предприятий к финансовым ресурсам, сдерживая их потенциал к росту [3, с. 131].

Дополнительной сложностью выступает нехватка гарантийных фондов в таких субъектах округа, как Северная Осетия – Алания и Чеченская Республика, что увеличивает риски для банков и усложняет процедуру

получения кредитов для бизнеса. Важным направлением становится и борьба с неформальным предпринимательством. Легализация "теневого" сектора может быть достигнута за счет применения налоговых послаблений и введения временных льгот, что позволит увеличить прозрачность бизнес-среды и повысить уровень деловой активности.

Развитие женского предпринимательства также сталкивается с ограничениями. В настоящее время комитеты, курирующие эту сферу, действуют лишь в некоторых регионах — в частности, в Ставропольском крае и Республике Дагестан. Такое положение вещей сужает спектр возможностей для женщин, желающих заниматься собственным делом, в других частях округа. Учитывая значительный потенциал женского бизнеса как одного из драйверов социально-экономического роста, представляется актуальным расширение сети центров «Мой бизнес» и открытие отделений Комитета по развитию женского предпринимательства, особенно в таких регионах, как Ингушетия и Карачаево-Черкесия. Такие меры позволят значительно улучшить доступ женщин к обучению, консультациям и финансовым инструментам, необходимым для устойчивого развития бизнеса.

Сельское хозяйство остается доминирующим сектором экономики в СКФО, что указывает на деиндустриализацию и недостаточную диверсификацию экономики. Высокие доли аграрного сектора в валовом региональном продукте в Карачаево-Черкесской, Кабардино-Балкарской и Дагестанской республиках подчеркивают необходимость развития промышленного сектора и поддержки предпринимательских инициатив в более разнообразных отраслях. Это также связано с высокой долей сельского населения в этих регионах, что создает дополнительные вызовы для их экономического развития.

Для создания более благоприятного предпринимательского климата в СКФО необходимо сосредоточить усилия на расширении доступности финансовых ресурсов, открытии новых организационных структур для поддержки бизнеса в разных регионах и поощрении развития женского

предпринимательства. Разработка специализированных программ, аналогичных тем, что уже реализованы в Республике Дагестан, также может оказать значительное влияние на активизацию предпринимательской деятельности и способствует устойчивому экономическому росту в регионе (рис. 4).

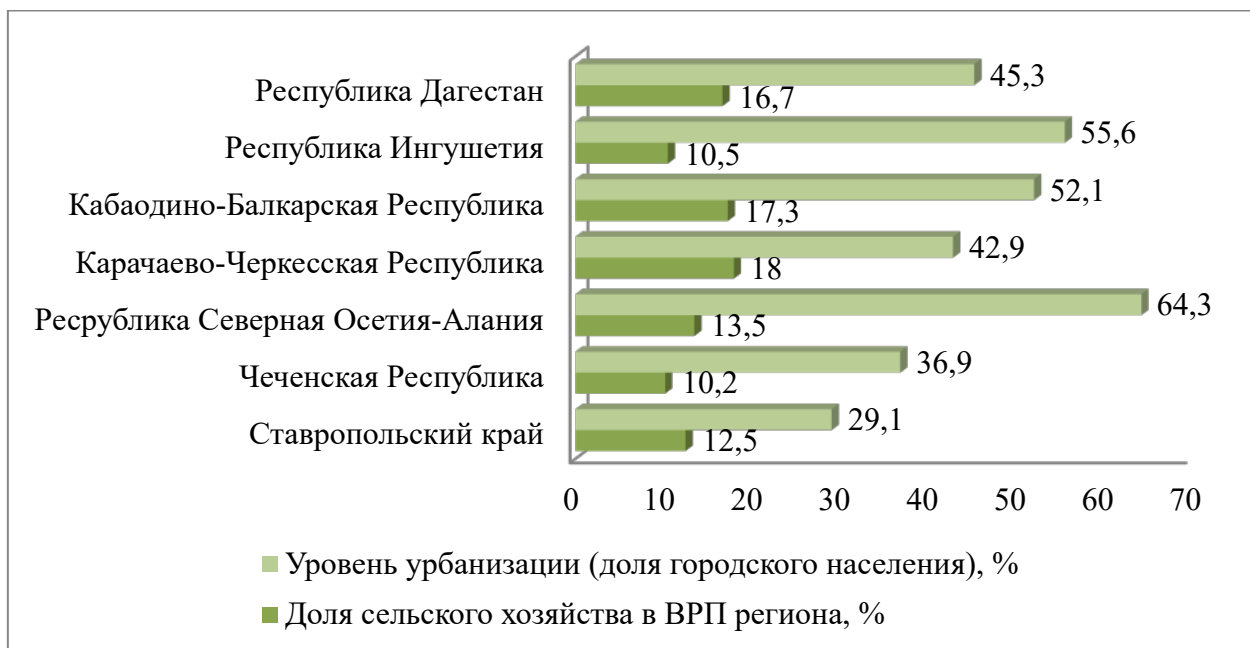

Рисунок 4 – Доля аграрного сектора в ВРП и уровень урбанизации в регионах СКФО в 2024 г.

Источник: Составлено авторами по данным [12]

В современном контексте уровень образования в СКФО остается крайне низким, что существенно влияет на инновационное развитие регионов. Отсутствие качественного образования создает предрасположенность к высоким процентам трудоемкости растительных кадров, недополучающих необходимые навыки для выполнения современных задач в экономике. Такой негативный тренд очевиден на примере данных за 2024 год, где Дагестан и Чечня занимают лидирующие позиции по доле работников с низким уровнем образования – практически каждый третий сотрудник не имеет высшего или специального образования [4]. Одной из приоритетных задач для местного управления остается повышение доступности и качества профессиональной подготовки кадров. Эффективными мерами в данном направлении могут стать

вовлеченность в процессы стратегического прогнозирования потребностей в трудовых ресурсах, детальный анализ существующих проблем с подбором квалифицированных специалистов, а также организация регулярных консультаций между государственными структурами, работодателями и образовательными учреждениями для координации усилий в сфере обеспечения кадрами.

Ключевым моментом для будущего развития территории является подготовка квалифицированных научных кадров. Необходимо обеспечить достойные условия труда и вознаграждения для исследователей, а также активно проводить научно-технические выставки и конференции, что способствует внедрению инноваций и росту научного потенциала региона.

Таким образом, активизация мероприятий по улучшению инвестиционного климата и поддержка малого предпринимательства позволит не только снизить налоговую нагрузку на местный бюджет, но и сформировать устойчивую систему, способную привлечь инвестиции. Снижение зависимости от федерального бюджета также станет возможным благодаря созданию малых предприятий, что значительно повлияет на скорость экономического роста и качество жизни в СКФО. Взаимосвязь между уровнем образования, созданием новых рабочих мест и развитием предпринимательства подтверждает необходимость комплексного подхода к решению этих проблем.

4. Предложения по повышению уровня жизни населения в целях обеспечения экономической безопасности

Для повышения качества жизни в регионах СКФО необходимы не только финансовые вливания, но и совершенствование институциональной среды, обеспечение прозрачности и результативности управленческих решений. Сложная административно-территориальная структура округа, многонациональный состав населения и неоднородность социально-

экономического развития требуют адаптированной модели государственного управления.

В этой связи целесообразно:

– **внедрить мониторинг исполнения программ социального развития через цифровые дашборды, привязанные к ключевым индикаторам уровня жизни;**

– **разработать и реализовать региональные паспорта устойчивого развития, основанные на показателях ИЧР, доступности образования, здравоохранения и занятости;**

– **создать межведомственные комиссии по управлению качеством жизни на уровне субъектов РФ, с обязательным участием представителей гражданского общества и экспертного сообщества;**

– **развивать систему КРІ и мотивации для органов власти, с привязкой к реальным улучшениям в уровне жизни и общественной удовлетворенности.**

Эти меры направлены на укрепление доверия к власти, снижение коррупционных рисков и создание среды, в которой регионы становятся активными участниками собственного развития.

По итогам анализа, доля населения, живущего за чертой бедности в большинстве регионов СКФО превышает допустимый порог в 10%. Это обуславливает необходимость системной антикризисной политики, направленной на увеличение доходов населения и снижение социальных рисков.

В качестве предлагаемых авторами мер видится следующее:

– **введение механизма адресных трансфертов «нулевой бедности», ориентированных на домохозяйства с детьми, инвалидами, одинокими пенсионерами;**

– **активное развитие программ профессиональной переподготовки и занятости для малообеспеченных, особенно в рамках программ «Госуслуги труда», «Цифровые профессии», «Федеральная занятость»;**

– упрощение порядка получения мер социальной поддержки через цифровые платформы, в том числе автоматическое начисление льгот и пособий;

– развитие системы социального контракта с населением, предусматривающего обучение, содействие в трудоустройстве, поддержку в самозанятости.

Ожидаемые эффекты: снижение уровня бедности до уровня $\leq 9\%$ в среднесрочной перспективе, рост занятости в группе 25–45 лет, уменьшение социальной напряженности.

Повышение уровня жизни невозможно без диверсификации экономики и расширения инвестиционной базы. Однако инвестиционная активность в большинстве регионов СКФО остаётся низкой из-за политических рисков, дефицита инфраструктуры и слабой институциональной поддержки бизнеса.

В качестве мер, способствующих улучшению ситуации, можно предложить следующие:

– формирование инвестиционных кластеров с господдержкой (льготы, инфраструктура, правовое сопровождение) в приоритетных сферах: АПК, переработка, экотуризм, энергетика;

– создание Агентства по инвестиционному развитию СКФО с функцией единого окна и института проектного сопровождения;

– активизация использования механизма государственно-частного партнёрства (ГЧП), особенно в сфере здравоохранения, образования, жилищно-коммунального хозяйства (ЖКХ);

– формирование имиджа регионов как инвестиционно благоприятных территорий через участие в форумах, рейтингах, отраслевых выставках, работу с рейтинговыми агентствами.

Прогнозируемый результат: увеличение индекса инвестиций в основной капитал на уровне 107–110% ежегодно, рост доли инвестиций частного сектора и рост числа создаваемых рабочих мест в несырьевом секторе.

5. Заключение

Реализация предложенного авторами комплекса мер представляет собой критически важный шаг для обеспечения устойчивого социально-экономического развития Северного Кавказа. Регионы СКФО обладают значительным потенциалом, однако его раскрытие сдерживается рядом системных проблем: высокой безработицей, особенно среди молодежи, необходимостью модернизации инфраструктуры и демографическими вызовами. Эффективное преодоление этих ограничений путем интеграции финансовых, институциональных и управленческих реформ позволит не только добиться устойчивого роста уровня жизни населения, но и укрепить национальную экономическую безопасность России, превратив округ в стабильно развивающийся и привлекательный макрорегион.

В качестве ключевых показателей, отражающих успех комплексных преобразований, можно выделить следующие:

- снижение уровня бедности: достижение целевого показателя 9% (ниже среднероссийского) за счет адресной поддержки и программ переподготовки;
- ускоренный рост инвестиций: ежегодное увеличение объема капиталовложений на 7-10%, стимулируемое созданием инвестиционных кластеров и механизмов ГЧП;
- структурные изменения на рынке труда: увеличение занятости среди экономически активного населения (25-45 лет) и развитие высокопроизводительных рабочих мест в несырьевом секторе;
- повышение качества социальной инфраструктуры: полная ликвидация трехсменного обучения в школах и существенное увеличение доступности современных медицинских услуг.

При этом эффективность реализации предлагаемых комплексных преобразований обеспечивается через такие механизмы реализации и управление рисками, как:

– Координация: Создание Агентства развития СКФО для единой координации проектов, привлечения внебюджетных средств и централизованного контроля исполнения программ.

– Прозрачность и контроль: Внедрение цифровых платформ и дашбордов для мониторинга, а также обязательная регулярная публичная отчетность по ключевым показателям.

– Институциональные гарантии: Предоставление юридических и административных гарантий для защиты частной собственности и инвестиций, минимизируя политические и правовые риски.

– Минимизация коррупции: Жесткий контроль за целевым использованием бюджетных средств и оперативное реагирование на социально-экономические дисбалансы через межведомственные комиссии.

В целом, только при обеспечении комплексного подхода, включающего финансовые инструменты, институциональные реформы и эффективный контроль, возможен реальный рост качества жизни в одном из наиболее социально значимых округов Российской Федерации.

Список литературы

1. Постановление Правительства от 15 апреля 2014 г. №309 «Об утверждении государственной программы РФ «Развитие Северо-Кавказского федерального округа». - [Электронный ресурс]: <http://government.ru>.

2. Распоряжение Правительства РФ от 30 апреля 2022 г. № 1089-р «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального округа на период до 2030 года». - [Электронный ресурс]: <https://www.garant.ru>.

3. Абдулаева З.З. Направления развития и поддержки женского предпринимательства в регионах СКФО. // Региональные проблемы преобразования экономики. - 2024. - № 7, С. 129-136.

4. Дохолян С.В. Рейтинговая оценка уровня проблемности регионов в разрезе СКФО. // Проблемы рыночной экономики. - 2024. - №. 4, С. 8-12.

5. Неравенство и бедность. - [Электронный ресурс]: <https://rosstat.gov.ru> (дата обращения 03.10.2025).

6. Социально-экономическое положение СКФО [Электронный ресурс]: <https://rosstat.gov.ru> (дата обращения 03.10.2025).

7. Статистический сборник. «Регионы России: Социально-экономические показатели». Стат. сб. / Росстат. М. 2024.

8. Рейтинг регионов по качеству жизни – 2024. РИА Рейтинг. - [Электронный ресурс]: <https://riarating.ru/infografika/20220215/630216951.html> (дата обращения 03.10.2025).

9. Федеральная служба государственной статистики. Регионы России. Социально-экономические показатели - 2024 г. - [Электронный ресурс]: https://gks.ru/bgd/regl/b24_14p/Main.htm (дата обращения 03.10.2025).

10. ММСП: ключ к инклюзивному и устойчивому восстановлению. Организация объединенных наций. - [Электронный ресурс]: <https://www.un.org/ru/observances/micro-small-medium-businesses-day> (дата обращения 03.10.2025).

11. Единый реестр малого и среднего предпринимательства. Северо-Кавказский Федеральный округ. Федеральная налоговая служба. - [Электронный ресурс]: <https://rmsp.nalog.ru/index.html> (дата обращения 03.10.2025).

12. ФНС России подсчитала, сколько женщин занято в малом бизнесе. Федеральная налоговая служба. - [Электронный ресурс]: https://www.nalog.gov.ru/rn77/news/activities_fts/10662978/ (дата обращения 03.10.2025).

К сведению авторов

Правила предоставления рукописей для публикации в научном электронном журнале «Вестник ученых-международников»

В редакцию журнала предоставляется авторский оригинал статьи (на русском языке) в распечатанном виде (с датой и подписью автора) или в электронной форме по электронной почте, содержащей текст в формате «Word» (версия 1997–2003).

Весь текст набирается шрифтом TimesNewRoman Cyr, кеглем 14 pt, с полуторным междустрочным интервалом. Отступы в начале абзаца — 0,7 см, абзацы четко обозначены.

Поля (в см): слева и сверху — 2, справа и снизу — 1,5. Нумерация — «от центра» с первой страницы. Объем статьи — до 20 тыс. знаков с пробелами (без учета аннотаций, ключевых слов, примечаний, списков источников).

Структура текста:

1. **Сведения об авторе / авторах на русском и английском языках:** имя, отчество, фамилия, должность, место работы, ученое звание, ученая степень, домашний адрес (с индексом), контактные телефоны (раб., дом.), адрес электронной почты, — размещаются перед названием статьи в указанной выше последовательности (с выравниванием по правому краю).

2. **Название статьи на русском и английском языках**

3. **Аннотация статьи на русском и английском языках** (3–10 строк) об актуальности и новизне темы, главных содержательных аспектах, размещается после названия статьи (курсивом).

4. **Ключевые слова на русском и английском языках** по содержанию статьи (8–10 слов), которые размещаются после аннотации.

5. **Основной текст статьи**, желательно разбитый на подразделы (с подзаголовками).

6. **Список источников и литературы**

Сокращения типа т.е., т.к. и подобные набираются через неразрывный пробел.

В тексте используются кавычки «...», если встречаются внутренние и внешние кавычки, то внешними выступают «елочки», внутренними «лапки».

В тексте используется длинное тире (-), получаемое путем одновременного нажатия клавиш «Ctrl» + «Alt» + «-», а также дефис (-).

Таблицы, схемы, рисунки и формулы в тексте должны нумероваться; схемы и таблицы должны иметь заголовки, размещенные над схемой или полем таблицы, а каждый рисунок — подрисуночную подпись.

Список источников и литературы оформляется в соответствии с принятыми стандартами и выносится в конец статьи. Источники даются в алфавитном порядке (русский, другие языки). Отсылки к списку в основном тексте даются в квадратных скобках [номер источника в списке, страница].

Примечания нумеруются арабскими цифрами (с использованием кнопки меню текстового редактора «надстрочный знак» — x2). При оформлении библиографических источников, примечаний и ссылок автоматические «сноски» текстового редактора не используются.

Подписуемые подписи оформляются по схеме: название/номер файла иллюстрации — пояснения к ней. Номера файлов в списке должны соответствовать названиям/номерам предоставляемых фотоматериалов.

Иллюстративные материалы — в электронной форме (фотография автора обязательна, иллюстрации) — отдельными файлами в форматах TIFF/JPG разрешением не менее 300 dpi.

Не допускается предоставление иллюстраций, импортированных в «Word», а также их ксерокопий.

Ко всем изображениям автором предоставляются подписуемые подписи (включаются в файл с авторским текстом).

Заполненный в электронной форме Договор авторского заказа (высылается дополнительно).

Рецензия обязательна для всех авторов статей, кроме тех, кто входит в Редакционный совет или Редакционную коллегию Журнала. Рекомендательное письмо научного руководителя обязательно для публикации статей аспирантов и соискателей.

Авторы статей несут ответственность за содержание статей и за сам факт их публикации.

Редакция не всегда разделяет мнения авторов и не несет ответственности за недостоверность публикуемых данных.

Редакция журнала не несет никакой ответственности перед авторами и/или третьими лицами и организациями за возможный ущерб, вызванный публикацией статьи.

Редакция вправе изъять уже опубликованную статью, если выяснится, что в процессе публикации статьи были нарушены чьи-либо права или общепринятые нормы научной этики.

О факте изъятия статьи редакция сообщает автору, который представил статью, рецензенту и организации, где работа выполнялась.

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

Статьи и предоставленные тексты, другие материалы не возвращаются.

Статьи, оформленные без учета вышеизложенных Правил, к публикации не принимаются.

Правила составлены с учетом требований, изложенных в приказе Министерства образования и науки РФ от 25.07.2014 № 793.

The rules for submission of manuscripts for publication in the Academic periodic electronic journal «IR SCIENTISTS HERALD»

In the journal is the author's original article (in Russian) in printed form (with date and signature of the author) and in electronic form containing the text in Word (version 1997-2003).

All the text is typed in Times New Roman Cyr, font 14 pt, with single line spacing. The indents at the beginning of the paragraph — 0.7 cm, paragraphs clearly marked. Field (in cm): left and top — 2, right and bottom is 1.5. Numbering — «from the heart» from the first page. The volume of the article — to 20 thousand characters with spaces (excluding abstracts, keywords, notes, list of sources).

The structure of the text:

Information about author / authors: name, patronymic, surname, position, affiliation, academic title, academic degree, address (including zip code), phone numbers (work, home), the email address is placed before the title in the above sequence (right-aligned).

The title of the article

The abstract (lines 3-10) on the relevance and novelty of the topic, the main substantive aspects, is placed after the article title (in italics).

Keywords on the content of the article (8-10 words), which are placed after the abstract.

The main text of the article, preferably split into sub-sections (with headings).

The initials in the text are drawn through a non-breaking space name (by pressing the keys «Ctrl» + «Shift» + «space»). Between the initials no spaces.

Reduction type i.e., as and the like are drawn through a non-breaking space.

In the text, use quotation marks «...», if there are internal and external quotation marks, the external act «Christmas tree», the internal «legs».

The text uses a dash (-), obtained by simultaneously pressing the keys «Ctrl» + «Alt» + «-», and the hyphen (-).

Tables, charts, figures, and formulas in the text should be numbered; diagrams and tables should have captions placed above the diagram or table field, and each picture is a caption.

List of references / sources used (if included in the list of electronic resources) shall be in accordance with accepted standards and shall be made at the end of the article. Sources are given in alphabetical order (Russian, other languages). Reference to the list in the main text are given in square brackets [the number of the source in the list, the page]

Notes are numbered with Arabic numerals (using the menu buttons text editor «Superscript a» — x2). In the design of bibliographic sources, notes and references automatic «footnotes» text editor is not used. «Footnote» is given in the interlinear on the 1st page in case the instructions on the continuation of the article and/or the source of the publication.

Captions are under the scheme: name/file number of illustrations notes thereto (what/who is where; for images of book covers and their contents bibliographic

description; etc.). The file numbers in the list must match the names/numbers of the provided photographs.

Materials in English — about the author/authors, title, abstract, keywords (in hard copy and in electronic form (second separate file on a email) containing the text in Word (version 1997-2003).

Illustrative materials in electronic form (photo by the author, illustrations) — separate files in TIFF/JPG with resolution not less than 300 dpi.

Not permitted to provide illustrations, imported into «Word» and also the copies thereof.

All images by the author include captions (included in file with the author).

Filled in the electronic form of the Contract of author's order (sent separately)

Recommendation letter of the supervisor — required for the publication of articles by graduate students and applicants.

The authors are responsible for the content of the articles and for the fact of their publication.

The editors do not always share the views of the authors and is not responsible for the inaccuracy of published data.

The editorial Board assumes no responsibility to the author and/or third parties and organizations for any possible damage caused by the publication.

The editors have the right to withdraw the published article, if it turns out that in the process of publishing the article were violated someone's rights or generally accepted norms of scientific ethics.

The fact of withdrawal, the editorial Board informs the author who submitted the article, the reviewer and the organization where the work was performed.

Articles and other materials will not be returned.

The articles prepared without taking into account the above Rules, it will not be accepted.

These arrangements meet the requirements set by the letter of Higher Attestation Commission of the Ministry of Education and Science of Russia 25.07.2014 № 793

Научный электронный периодический журнал
ВЕСТНИК УЧЁНЫХ-МЕЖДУНАРОДНИКОВ
2025. № 3 (33)

ISSN: 2687-0193

Издается Советом молодых ученых Дипломатической академии
Министерства иностранных дел Российской Федерации

Адрес редакции журнала: 119021, г. Москва, Остоженка 53/2 стр. 1, каб.220

Адрес электронной почты: vestnik-smu-da@yandex.ru

Электронный адрес размещения выпуска журнала:

1. <http://www.dipacademy.ru/periodical/zhurnal-vestnik-molodykh-uchenykh-i-diplomatov/>
2. <http://www.vestnikum.ru/>

Научный редактор выпуска журнала: Сидорова Г.М. (д.п.н., профессор),

Редакционная коллегия выпуска журнала: Шангараев Р.Н. (д.п.н., к.э.н.),
Тимакова О.А. (к.п.н.), Козюлин В.Б. (к.п.н.), Анисимов И.О. (к.ю.н.),
Гуляева Е.Е. (к.ю.н.), Фаустова Н.А. (к.ф.н.), Кашина А.А. (к.п.н.),
Мартынова Д.О. (к.п.н.), А.Ж. Мартиросян, Захаров А.Н. (мл.редактор),
Гончаров С.В. (мл.редактор), Галимов И.И.

Выпускающий и ответственный редактор выпуска журнала:
Тимакова О.А. (к.п.н.)

Верстка: С.В. Гончаров

Опубликовано: